

ISSN 2304-246X

Б И Р О Б И Д Ж А Н
ביראָבידזשאַן

Литературно-публицистический
альманах

*Основан в 1946 году
Возобновлен в 2012 году*

Выпуск 4(12)

Биробиджан
ПГУ им. Шолом-Алейхема
2016

УЧРЕДИТЕЛИ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт комплексного анализа региональных проблем»
Дальневосточного отделения Российской академии наук

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования **«Приамурский государственный университет
имени Шолом-Алейхема»**

Альманах издан при поддержке Правительства Еврейской автономной области,
а также с использованием средств государственной поддержки, выделенных
в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской
Федерации от 01.04.2015 № 79-рп на основании конкурса, проведенного
Обществом «Знание» России

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. С. Гуревич (председатель; Россия, Биробиджан)
П. Н. Толстогузов (сопредседатель; Россия, Биробиджан)
А. Н. Акименко (Россия, Биробиджан)
В. А. Антонов (Россия, Биробиджан)
А. Л. Драбкин (Россия, Биробиджан)
О. Ю. Ермолаева (Россия, Москва)
Т. А. Ильина (Россия, Биробиджан)
Л. Н. Капуцына (Россия, Биробиджан)
Б. М. Котлерман (Израиль, Халамиш)
Р. Е. Лавочкина (Россия, Санкт-Петербург)
Л. Б. Школьник (Израиль, Иерусалим)

Литературный редактор выпуска – П. Н. Толстогузов
Технический редактор (макет, компьютерная вёрстка) – В. В. Николаева
Художник – В. А. Цап (логотип)

*Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только
с разрешения учредителей. Ссылка на альманах обязательна.*

Подписано в печать 25.12.2016. Формат 70×108 1/8.
Усл. печ. л. 24,5. Тираж 999 экз. Заказ № 2017

Издательский центр Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема
679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А; e-mail: bir.izdatel@gmail.com

Отпечатано в 1 гор. тип. г. Биробиджан

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ	4
Виталий БУРИК	4
Лидия КАПУЦЫНА	7
Римма ЛАВОЧКИНА	17
Михаил ТАБАКМАХЕР	20
Игорь ФАЙНФЕЛЬД	24
Валерий ФОМЕНКО	28
Татьяна ЯЧМЕНЕВА	30
ПРОЗА	36
Александр БЕЛЫХ	36
Александр ДРАБКИН	42
Александр КРАМЕР	48
Елена КУЗНЕЦОВА	60
Мендель СПЕКТОР	74
Мирон ФИШБЕЙН	82
Вячеслав ШВЕДОВ	93
Владимир ШЕВЧЕНКО	113
ПЕРЕВОДЫ	126
АЛАЙ (пер. Н. Антонова, А. Зорина)	126
Меер АЛЬБЕРТОН (пер. В. Демиховой)	134
Исаак БРОНФМАН (пер. В. Антонова, Р. Кутина)	140
Зиси ВЕЙЦМАН (пер. Л. Школьника, Ц. Сигаль, В. Цыбина, Н. Фишбейн)	142
Михайло ПАНТИЧ (пер. Б. Такахашаи)	146
ПУБЛИЦИСТИКА	150
Иосиф БРЕНЕР	150
Всеволод ВИХНОВИЧ	160
Валерий ГУРЕВИЧ	168
Владимир ЖУРАВЛЕВ	170
Борис САНДЛЕР	181
Тамара САФАРОВА (ИЛЬИНА)	185
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	188

ПОЭЗИЯ

Виталий БУРИК

К слову

Пусть оседают слова, точно пепел на гари.
Высказать всё нам словами, увы, не дано...
Мы очень долго словами в орлянку играли,
фразами вдрызг разбивая мечты, как стекло.

А с высоты на нас глядя, бесстрастные птицы
щебетом глупым смеялись и дальше неслись
вдоль перелесков, не зная прозрачной границы
между словами и сердцем, стремящимся ввысь...

Боже, как долго за птицами мы наблюдали,
в сеть своих песен ловили, как символ свободы.
И забывали, что где-то в предвечной печали
Стикс всё несёт свои мрачные, сонные воды...

Глупые птицы, о вас нам не стоит судачить,
наш неразменный пятак — лишь тепло человечье.
В мире ветшающих слов лишь оно что-то значит —
как продолжение дыхания, жизни и речи.

Вероятностный мир

Потеряться во сне.
Называть имена наугад.
В мутной вязкой воде
Не найти своего отраженья...

Написать на стене:
«Был когда-то...»
Кто спросит — когда?
В том, что был — никакого сомненья...

На скрижалях, где перечень бед
Жизнь пополнила списком грехов,
Расписаться: прочёл,
Ознакомлен. Прошу об отсрочке...

И шагнуть в стыллой мутной воде
За условный порог
В вероятностный мир многоточий,
Стремящихся к точке.

К началу реки

Осенних листьев головокруженье
Меня срывает с прочного причала
И вспять несёт, к реки началу,
В несбыточное, зыбкое сплетенье

Из снов и недомолвок, обещаний,
Из утренних тропинок слёзносорок,
Из щебетов и слов разноголосых,
Из разноцветных пряжей, рук касаний...

И кружит, кружит, кружит мой кораблик,
И ищет пристань в дымке горизонта,
И верит, что к тебе вернётся с фронта
Мой оловянный брошенный солдатик.

ПРИРОДА ВОСТОКА

1.

ветер на озере
верёвочка от капюшона
хлещет по озябшей щеке

2.

когда умирает сом
он вытягивается в столбик
мокрая скользкая сабля

3.

змея уползает
схватим за хвост
не укусила

4.

тропка в развалку
прошёл медведь
как человек без обуви

5.

который год тает в траве
коля вездехода
заросла словно память

6.

в лодке среди камышей
засмотрелся на пёрышко
тридцать три лебеда

7.

чахлых осин хоровод
ворожит омелой
в просвете ветвей — луна

Талого,
 грязного,
 рыхлого снега,
Влажного воздуха,
 звонкого смеха,
Радостной зелени
 тихой церквушки,
В молодость впавшей
 бойкой старушки,
Сонных ворон,
 на припеке сомлевших,
Щек твоих,
 нежностью вдруг заалевших,
Тихих шагов
 от метро до общаги,
Новых стихов
 на обрывках бумаги,
Окон веселых,
 солнце схвативших,
Зайчиком счастья
 тебя ослепивших!

* * *

То поражаю красотой,
То вдруг — уродливостью черт.
Легко я становлюсь другою.
Когда — собою? Где ответ?
Когда уверенно и гордо
Через толпу я прохожу?
Когда я ни к чему не годной
И жалкой нищенкой гляжу?
Когда поклонниками тесно
Усеян мой веселый путь?
Когда вымаливаю место
У ног твоих — хоть где-нибудь,
Но чтобы прикоснуться взглядом
И пасть, немея от любви,
И задохнуться в счастье — рядом
Со мною! — башмаки твои?
Когда я становлюсь собою?
Когда измучена и зла?
Или когда я тамадою
У новогоднего стола
Легко, свободно и беспечно
Всех щедрой радостью дарю?
Когда в тоске я бесконечной?
Когда взрываюсь и горю?

Когда светло и недоступно
Живу, не зная, не любя?
Когда разгульно и беспутно
Кому-то отдаю себя?
Когда себя я предлагаю,
И ты спешишь ко мне на зов,
Но в миг последний ускользаю,
На дверь — замок, на дверь — засов?
Когда я становлюсь собою?
Кто разгадает этот бред?
Вновь покоряю красотой,
Пугаю безобразьем черт.

* * *

О, как привыкла я терять
То, что не мне принадлежало,
Но почему-то перепало,
Как будто свыше благодать
Меня почтила ненароком
И, осенивши, вознесла,
Но спохватилась — вышли сроки! —
И вниз, на землю отдала.
Нет — отшвырнула! По ошибке
Я оказалась под крылом,
Все не мое — стихи, улыбки,
И убранный не мною дом
Тепло теряет понемногу,
И стужей тянет из щелей...
Но я прошу судьбу и Бога:
Пусть стужа будет вдвое злей,
Пусть я навек на землю пала,
Лишь не сошла бы благодать!
Я больше не хочу терять
То, что не мне принадлежало.

* * *

Апрельский снегопад,
Нежданный и случайный.
Апрельский снегопад,
И я лечу к тебе.
Апрельский снегопад —
Какая в этом тайна?
Что значу я в твоей,
А ты в моей судьбе?
Быть может, ничего,
И ничего не надо —
Круженья белых стай,

Кружения любви.
И все-таки привет
Безумству снегопада,
Безумству слов твоих,
Безумству снов моих!
Апрельский снегопад,
Ворвавшийся неожиданно
В устроенную явь,
В налаженную жизнь,
Туманный, как мираж,
Ты соткан из обмана,
И все-таки — кружи,
И все-таки — кружись!
Окутывай меня,
Опутывай и путай,
Пусть будет все не так,
Пусть в омут головой!
Явился ты ко мне
Истомою и смутой,
Апрельский снегопад,
Апрельский мой герой...

* * *

Снег шел ко мне.

Он падал на ладони,
Прохладу и доверчивость храня.
Ты тоже шел, уверенный, спокойный,
Но не ко мне ты шел, а от меня.

Шел в жизнь свою,

к единственной из женщин,
Кому ты отдал дом, тепло, себя
И — щедро! — нерастраченную нежность.
Все ей принес.

Ну что же, не судьба.

В который раз взрывается надежда
И фейерверком — в пропасть, в пустоту!
А я все той же школьницею прежней,
Одну и ту же берегу мечту.

И ничему не научил мой опыт.
Стою, покорно голову склоня
Перед судьбой, и сдерживаю ропот —
Ты снова в снег уходишь от меня.

У моря

Здесь хорошо писать стихи...
Волна лениво лижет берег,
И я уже почти что верю —
Не столь уж велики потери,
И мне отпущены грехи.

Медуза голубою грудой
Лежит, кончая с жизнью счет.
И нас когда-то в жизни ждет
Тот день и час, когда придет
Финал. Мы все там будем.

Вот крабы радостно стайкой
Медузы рвут голубизну.
И я почти что понимаю,
А может, даже принимаю
Простую истину одну:

Есть жизнь. Есть смерть.
Все неизбежно.

Благословенно все и вся:
Грехи, любовь, страданье, вера.
И этот полусонный берег.
Медуза. Крабы. Ты и я.

* * *

*Никогда не возвращайся
в прежние места.*

Геннадий Шпаликов

Поэт сказал — не возвращаться.
Мы возвращаемся всегда —
Туда, где было нам семнадцать,
В давно ушедшие года.

Чего мы ищем так упорно,
В пропавшем навсегда былом?
Себя, уверенных и гордых,
Мелькнувших вон за тем углом?

А может, тех, кто эти годы
Нас в памяти своей хранит,
И в дни тоски и непогоды
Для нас — маяк, для нас — магнит?

Но прав поэт: что б ни искали
В попытке безнадежной — быть,

Нам ничего, кроме печали,
Не обрести, не воскресить.

Поэта правду принимая,
Склоняю голову. Сдаюсь.
И все-таки я возвращаюсь,
И, прошлое свое встречая,
Благодарю его за грусть.

Она ведь тоже — жизни благо,
Еще один ее глоток,
Как на глазах нежданно влага,
Как эта белая бумага,
Как этот простенький стишок.

* * *

Тот день был соткан из возникновений.
Друг перед другом возникали мы
на совеща́ньях, в поисках решений,
среди забот, сует и кутерьмы.

Мы возникали.
И невероятность
возможности, убитой навсегда
рассудком, опытом
и прочей безнадежностью,
взрывалась ясным и коротким «Да!».

Мир разлетался тысячью осколков
и с шумом низвергался водопад,
когда встречался цепкий,
 умный,
 колкий
с моим таким же
 твой мгновенный взгляд.

Памяти Л. С. Гринкруга

Мы снова едем на восток,
Но не для встречи —
 для прощанья.
Так неизбежно расставање,
Что не поможет даже Бог.
Не брызнут весело глаза
Лукавой, дерзкой синевой.
И не помогут небеса,

Чтоб был он прежний,
 был — живой!
 Лицо — портрет.
 Лицо — в цветах.
 Но их нельзя соединить!
 И разум утверждает — да,
 А сердце — нет! Не может быть!
 Был жизнью полон, как вином
 Бокал,
 как туча грозовая
 Обвальным проливным дождем,
 Как хмелем — чаша круговая.
 Но вдруг — опустошен бокал.
 И рот так непривычно стиснут.
 Он силою нас наполнял,
 И без него в нас меньше жизни.

* * *

*Было время созревания тела.
 Было время созревания души.
 И есть время созревания духа.*
 Г. Г. Померанц

Сначала прорастает Плоть —
 По клеточке, по миллиметру,
 Чтоб мир упрямый побороть
 И место дать Душе — поверить,

Что и она не сиротой
 Явилась в мире, неслучайно
 Над суетой, над маемой
 Телесной вырастая.
 Втайне,

Трудясь, страдая, не спеша,
 Путь своего предназначенья
 Вершит работница Душа —
 Чтобы упасть в благоговеньи

Пред Божьим миром
 и потом,
 Когда устаревает тело,
 Дать Духу место — чтоб с Творцом
 Он снова стал единым целым.

* * *

Почитаю-ка на ночь Глазкова
 И увижу: поэт-скоморох

Был для времени непростого
Не хорош, не умен, словом, — плох.
Был нелеп и недужен — не нужен,
Стало быть, никогда, никому.
На упавшее небо в лужи
Был похож он.

И не поймут
Ни редакторы, ни читатели,
Что был гений — Коля Глазков.
И появятся почитатели
Через пару, наверно, веков,
И погрузятся, благодарные,
В мир поэта, в глубь его, в ширь,
И поймут — это Божий дар им:
Скоморох,

дурак,
богатырь.

* * *

*Молчание душу измучит мне,
И лжи заржавеет печать...
О. Берггольц*

Уничтоженные дети.
Уничтоженная жизнь.
Сумасшедший злобный ветер
Все ломает, все крушит.
Сумасшедшая эпоха.
С ума сшедшая страна.
Чтобы было тебе плохо,
Много сделала она:
Клевета, аресты, пытки,
Дочь, убитая в тебе
(Позже назовут «ошибкой»
Страшное в твоей судьбе).
А еще — блокада, голод,
Смерть мужей и смерть детей.
Пальцы режущий осколок
Был не раз в руке твоей —
От разбитого стакана,
От раздавленной судьбы.
Не от водки была пьяной —
От бессмысленной борьбы
С ложью, ржавчиной проевшей
Жизнь и души все насквозь,
С серостью, тебя хотевшей
Извести.

И зависть, злость

Страшным, давящим конвоем
Завершили бытие:
На прощание с тобою
Не пустили никого.
И не знал спокойный город,
Что уходит навсегда
Его спасший женский голос,
Что погибла красота.

* * *

Я люблю поэтесс,
их печальные судьбы,
их доверие к дару —
он главное в них!
Пусть не будет покоя
и счастья не будет,
но однажды — о чудо! —
появится стих.

Он окупит, искупит,
он слезы осушит,
он спасет там,
где, кажется, выхода нет.
И восстанут из праха
погибшие души,
и воспрянет,
как феникс из пепла, поэт.

Стих рожден на обломках
от женского счастья,
на осколках, изрезавших
ноги их в кровь.
В столкновеньях с эпохой,
с судьбой, с безучастьем
Он рожден — и живет,
торжествует любовь.

Я люблю поэтесс —
Анну, Ольгу, Марину,
Каролину, Лариссу,
Эдит Сёдергран,
высоко в небесах
их пролет лебединый,
над землей,
исцеленною ими от ран.

* * *

*Переплавив тебя,
Мы в вагонах чугунной дешевой
Облегченной деталью
Заменим цветную деталь.
.....
Что ж, товарищ, закурим,
Покуда он варится — бог.
Д. Кедрин. Христос и литейщик.*

Погибнуть глупо в сорок пятом,
Войну пройдя всю, в сентябре
Быть под вагонами распятым
Под песни мира на дворе.

Судьбы очерчено кольцо —
Так жестко, очевидно, грубо.
И запрокинуто лицо,
И тихо лиловеют губы,

И неостановим вагон,
По рельсам — по тебе! — скользящий.
Из прошлого пришедший, он
С тобой столкнулся в настоящем.

Ведь где-то, меж деталей многих,
В вагоне есть одна, проста, —
Из переплавленного Бога,
Из «сваренного» Христа.

* * *

Пускай любовь таится
И вслух не говорит,
А как лесная птица
На цыпочках стоит.

Пока она прозрачна
И не подаст руки,
И на лице горячем
Проталин синяки.

Я знаю, ох, я знаю
Её притворный стыд,
Когда она нагая
Хохочет и вопит.

Пророчит и лютует,
И голосит строкой...
Унять её, дурную,
Нет мочи никакой!

* * *

Мы герои одной трагедии,
Где тропинки пропахли хной,
Где хранил ты своё неведение
Много лет для меня одной.

Мы гуляли с тобой под деревом
В мире, сотканном из добра,
Но созрел во мне плод мистерии:
Я была, как змея, мудра.

Я была, как земля, безропотна,
Знала я, ты не будешь скуп
На горячку ночного шёпота,
На трясучку бродячих губ.

Знала я: будут пахнуть волосы,
Руки бредить, глаза вникать...
Знала, как мы без сна и голоса
Будем пере...перетекать...

Как нам после скучать и маяться,
Как нас скрутит и понесёт...

Ах, я знала, что с нами станется.
Ты не знал, я же — знала всё!

Когда был ты ещё детёнышем
И ручьи молоком текли,
Разговорчивые змеёныши
На тоску меня обрekli.

Так и стала я первой грешницей,
Потому что с тоской в крови
По дремучей тягучей нежности,
По горючей слепой любви.

Стала грезить не райским пламенем —
Тёплой печью в родной избе
О семи добродушных Каинах
С грозным Авелем во главе.

Я всегда заблуждалась искренно,
Увязала тоску в мешок...
Никуда мы с тобой не изгнаны.
Сам ты следом за мной ушёл.

* * *

Наше местечко шлёпнулось с неба...
Но ненадолго... и не всерьез.
Бац — и скатилась ветхая небыль
С белого облака в чёрный навоз.

Здесь и живу я, счастье латаю:
В печке — заботы, в речке — вода...
Ночью, бывает, прочь улетаю,
Утром не вспомню, с кем и куда.

Утром не вспомню этой напасти:
Тоненький месяц рожкой боднёт,
Торкнет под сердцем — вот вам и здрасте,
Выйдет мне боком этот полёт!

То колошматюсь, то трепыхаюсь
В мокрых пелёнках да в тесноте...
Гибельной нежности липкая завязь
Буйно цветёт у меня в животе.

Ножками лупит, солнцем лучится,
Рвётся наружу дура-любовь.

Скоро мне снова нужно учиться
Горькие губы искусывать в кровь.

Вечно обноски, ошмётки, объедки,
В печке ни дыма нет, ни огня...
Что ж вы, покойные бабки да дедки,
В мир прорастаете через меня?!

Что же вы, лапушки? Что же вы, детки,
Рыжим бурьяном прёте на свет?
Где будет ветка да старая клетка,
Где ничего невозможного нет...

Михаил ТАБАКМАХЕР

ДЗЭНСКИЕ МИНИАТЮРЫ

* * *

Сосчитав по осени цыплят,
Позабыв таблетки и примочки,
Мы уедем в городок приморский
Хилое здоровье исцелять.

Побредём к причудливой скале,
Колдовской по местному поверью,
Будем лица подставлять под ветер
И песок отряхивать с колен.

В лодке, сеть нащупав сапогом,
К берегу кормю непременно,
Уважая здешнюю примету,
Луковкой закусим самогон.

И, транзистор старенький достав,
Будем слушать мусор музыкальный.
Будем называться мужиками,
Отчества и звания поправ.

Раковин к отъезду соберём,
Осторожно по камням ступая,
Не на память, как бы искупая
То, что не оплатишь серебром.

И в бетонной городской глуши,
Меж чужих протискиваясь судеб,
Хвори мы телесные забудем,
Залечив царапины души.

Дорога

За порогом целуется с Богом,
Где кусты простотою чисты,
И бежит, убегает дорога.
Обогнать её пробуешь ты.

Свечи жжёшь, обновляя подмётки,
С кем ни попадя делишь ночлег.
Час короткий, потом день короткий,
Там, глядишь, уже короток век.

Посидишь, перекуришь немного,
Мимоходом назад поглядишь.
А дорога... Ну что же дорога?
Как обычно, она впереди.

Родинка

А. Малахову

Я при жизни причислен был к лику...
Да шучу, каламбур — ликовал,
Когда сладким сиреневым бликом
Был однажды сражён наповал.

Было: Шамора, море и ветер,
Над палаткой летят облака,
И загадочно родинка светит
Чуть левее и выше пупка.

Как же звали её? Точно, Света!
Или Катя? Да разницы нет!
Было: юность, студенчество, лето
И сиреневой родинки свет.

Был химфак. Семинары, зачёты,
Стройотряды... Но было ещё,
Было след оставлявшее что-то
Там внутри, там, под левым плечом.

Память, чтобы приблизить итоги,
Закрывает окно за окном.
Уж не вспомнить от хромки* ожоги,
А тем более цикл Карно**.

Но зато помнишь, где поясница.
Юбилеи, поминки... Года...
Только всё-таки — все-таки снится
Эта родинка иногда!

Невозможную терпкою синью
Промелькнёт, отодвинув дела:
Иногда — в сумасшедшей ангине,
Иногда — отблеснув в куполах.

И нахлынет...
На пятом, в общаге,

* Хромка - едкий лабораторный реактив.

** Цикл Карно - термин из термодинамики.

В окнах неповторимый закат.
Перфокарты, буфет на юрфаке
И декана родительский взгляд.

И экзамен, что списан нахально,
И ещё холостые друзья...
И пусть дочь выросла до Михалны,
Но ведь Миха — для них — это ж я!

Нет у отчеств у девочек наших!
Вот звоню я: Оксанка, привет!
Как там Люська? Танюха? Наташа?
И как будто бы не было лет...

Лет-то не было... Будет ли лето?
Но, пожалуй, не стар я, пока
Вспоминается родинка эта
Чуть левее и выше пупка.

* * *

Жара такая, что потопом
мы грезить стали наяву.
И ночью нет спасенья.

В темень
укрывшись, нерестится тополь
и прячет в тёплую траву
икринки будущих метелей...

* * *

Город щурится, томно июлится,
Окна шторами полуприкрыв.
Обленились, разнежались улицы,
Отложив суету до поры.
Тени сонные набок завалены,
Мёдом к берегу липнет река...

Помнишь, как на июль колдовали мы,
Согревая глинтвейном декабрь?

* * *

Надеюсь, хватит времени и сил,
Чтоб ещё долго не закрыть кавычек,
Чтоб праздновать не квасом, а «Столичной»,
Роскошным яблом стопку закусив.

Надеюсь ещё долго, как сейчас,
Не отличать фламандцев от голландцев,

Но, чёрт возьми, по-прежнему галантно
Дверь открывать перед ней на вернисаж.

И будет осень долго мне дарить
За просто так своих стихов подстрочник.
Не точки будут мне, а многоточья
Нужны, чтоб те стихи переводить...

Брахма

Я в покрове обнаженья,
Не подвластен выраженью
Самому себе я явлен,
Проявленьем непроявлен.
Я за смертью и за жизнью,
Я за чувством и за мыслью,
Высотой своею низок,
Своей близостью далек.

Архат

Не на пылающий закат
Который век глядит архат,
А новый звездный алфавит
Он в небесах прозревших зрит
И животворною водой
Насытит хочет шар земной,
Чтобы вода смывала зло,
Чтоб меж людей добро росло.
И к единенью все века
Его протянута рука.

Орфей

Причем здесь Ад? Какое дело?
Как Эвридика жить хотела!

Она успела полюбить,
О, как она хотела жить!

Теката. Прялка. Злой обряд.
Обман. Коварство. Чаша. Яд.

Она во сне пришла: «Орфей,
Спаси ты Грецию, а с ней

Меня из тьмы освободи,
И мне ты крылья возврати».

Ее возьму из недр Земли,
В небесной скроемся дали.

Мы с ней одно, не умертвить,
Любовь не перестанет жить!

* * *

Мира книгу сотворил Бог,
Чтобы я ее читать мог.

Чтоб завесы я свои сжег
И приблизиться к Нему смог.

Вот и влился зримый мир мой
В кристаллический эфир Твой.

Постоянства, перемен нет,
Вне пространства и времен свет.

Снисхождение и подъем — миг,
Отражает сердце Твой Лик.

Но постигшего Тебя нет,
По земле бредет его след.

Фихте

Обычный разум занят постоянно
Любим предметом, только не собой,
Но самого себя своим предметом сделав,
Он философским может стать тогда.

* * *

На красной картине
Живая вода,
В расколоте льдине
Замерзла звезда.
Вставал из могилы
Последний живой,
Небесная сила
Сливалась с земной,
И явь сновиденья
За светом и тьмой
Истоком прозренья
Делилась со мной.

* * *

Нам с тобой утонуть
Так мешает история плоти,
Нам на веки уснуть
Так мешает небесная явь.
Как в глубины взглянуть,
Если мысль постижения против?
Как себя распознать,

О себе ничего не узнав?
Веком длящийся взрыв
Разнесет наши души земные,
Чтобы сердце звезды
В каждом стуке хранило бы нас,
Или, мысли рабы,
Мы в утробе живем неживые,
Ждем спасательный круг
Из растущих неведомых чувств?
О безумье времен,
О небесной земли возрожденье!
Если все под уклон,
Кто же вновь возвращает ко мне
Ослепительный сон,
Где я вижу Вселенной рожденье,
Или вечный закон,
Навсегда недоступный уму?

* * *

Доверчивым правит рассудком
Иллюзий тяжелая тень,
И часто живым предрассудком
Заполнен родившийся день,
И птица, набитая ватой,
Живая лишь в мысли моей,
Считает себя виноватой,
Что песню отняли у ней.

* * *

Сквозь око Духа — сверхживую дверь —
В Эдем вошел — свои глубины
И Древо Жизни я узрел,
И корни вечной сердцевины.
Вращалось Дерево вокруг
Своей оси — земли небесной,
И, проходя за кругом круг,
Мной отливался мир окрестный.

* * *

В себя вгрызаясь, я писал
В себе перстами первосвета,
Я понимал, что текста нету,
Но светобуквы прозревал...

* * *

Еще не осень,
Уже не лето,
Душа не просит
Чужого света,
Еще не мысли,
Уже не чувства,
Пройду по жизни
Без Заратустры.

* * *

Небесное зеркало
слилось с земным,
жизнь отражений коверкая,
вечность отвергла,
вбирая в себя
сон отраженного зеркала.

* * *

Я получил в посылке череп.
— Чей череп?
— Вероятно, свой?
Я почему-то был уверен,
Что череп вовсе не живой,
Хотя и свой.
Зачем сравненье?
Мой череп жаждет просветленья,
Пока я здесь и он во мне.
Лежит посылка в глубине.

ЕВРЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ

Намотай себе на ус

Давно и не нами сказано: «Что народ говорит, то и правда» (а с народом, поди-ка, поспорь!). Ну а мудро сказанное долго живёт. Добавим от себя ещё одно соображение: то, что в рифму говорится, дольше в памяти хранится. Потому автор сих строк и сделал попытку передать некоторые еврейские пословицы зарифмовками на русском. Надеемся, что смысл оригинальных изречений от этого не пострадал. А некоторые из них по содержанию своему созвучны то ли крылатым словам мудрецов, то ли хорошо знакомым нам пословицам. Впрочем, судите сами.

* * *

Нипочём нам плохие дороги,
Только были бы крепкими ноги.

* * *

Свинину есть нам не пристало,
Но коль уж есть, то до отвала.

* * *

Лентяя приговор таков:
«Работа любит дураков».

* * *

Кто хочет есть, тому не спится,
А чуть заснул — застолье снится.

* * *

Не узнаешь многих бед,
Подружившись с кратким «нет».

* * *

Чем один, случается, гордятся,
Тем другие попросту стыдятся.

* * *

В жизни так почти всегда:
Там где глупость, там беда.

* * *

Одна рыбина в руке
Лучше, чем пяток в реке.

* * *

Ценность книги не в обложке,
Человека — не в одежке.

* * *

Нет, не напрасно говорят,
Что месяц в небе — лучший сват.

* * *

Премудро, однако ж, устроен наш свет:
Раздетого видишь, а голодного — нет.

* * *

Резонно считает наш мудрый народ:
Кто любит и верит, тот дважды живёт.

Я сама!

Давно придумал человек, как победить унылость дней.
Простую жизнь он заменил фантазией о ней.
И с детства мир наш заселен мечтами о чудесном,
Лягушка, Кот, Ассоль, Дурак — в волшебном мире тесно.
Красавице столетний сон не страшен,
И даром прялка есть в одной из башен:
Успела стать спасительницей фея —
Не удалась колдуньи злой затея.
Вот Золушки изящный башмачок,
Как к стати зацепился каблучок,
Как хорошо, что не разбился он, хрустальный,
И приоткрыл для принца гости тайну.
Люблю я в сказках подивиться чуду,
Но жизнь сама я строить буду!

Ты не эльф

Я придумала с тобой фэнтези-роман,
Прочитала до конца: нет, не сказка, а обман.
Ты не эльф, воздушный, светлый,
Принесенный южным ветром,
И не чудо-человечек,
Без пороков, но с изъяном,
А простая обезьяна,
Что достигла высшей строчки
В эволюции. И точка.
Никаких подвижек больше,
Превращений и чудес.
Твой удел — унылый лес,
Где тропинки все известны
И от правил глупых тесно,
Чудеса не забредали
В эти сумрачные дали.
Ты не сможешь в моей сказке
Жить без маминой указки,
Ты пугаешься торнадо,
Знаешь точно, как «не надо»,
Да тебе, по правде, лень
Напрягаться каждый день.
И поэтому тебя я
Из романа исключаю.

Зря разбудили

Ах, попала в эту сказку я случайно,
Как принцессой оказалась — просто тайна.
Я смотрела страшный триллер «Змей летящий»,
Просыпаюсь утром — замок спящий, настоящий.
Посмотрела я вокруг с удивлением:
Разногласия у текста с оглавлением.
Спит прислуга, воздух, королевская семья,
Даже ветер замер. Ну а как же я?
Одно дело: сон волшебный и царский венец,
Здесь же ждет меня, чую, голодный конец.
На столе антикварные гостинцы.
Сколько лет-то прошло? И где принцы?
Может, если не сплю я, они приходили.
Но не глянулись мне. Только зря разбудили...

Неликвидный нынче принц

Неликвидный нынче принц, мелковатый,
Лошадь ржавая, пальтишко на вате.
Смотрит жалобно тоскующим взглядом:
Бой с драконом через час. А ему это надо?
А на завтра — турнир с пенопением,
Ну не выпало ему родиться гением.
Папа с маменькой по темени стучат,
Что хотелось бы взглянуть на внучат.
Это ж надо искать... не, не царской породы,
Ну какую оттуда отдадут за урода?
А потом надо будет во что-то впрягаться...
Может, лучше к монахам податься?
Да, нынче с принцами просто беда.
И на клумбе королевской
не розарий — лебеда.

Кай

В небе прозрачном хрустальные иглы,
Могут внезапно они зацепить.
В сказочном мире жестокие игры,
Ты теперь вечно на снежной цепи.
Звон тишины, отголоски метели...
Ну почему на Тебя налетели
Эти осколки холодного зла?
Ну почему же Тебя увезла
Льда Королева в чертоги пустые,
Где все желанья навеки застыли?
Может, готов был к холодному плену,

Может, не кровью наполнены вены?
Ты был ледышкой, теперь Ты – Король,
Небо послало достойную роль.

В заповедном лесу

В Заповедном лесу всех чудес и не счесть,
Вот бы тайну раскрыть и узнать, где он есть...
На волшебной поляне – ко мне задом – избушка,
Бьет копытом лошадка – я пролезу к ней в ушко,
Выйду вновь обновленной, подготовленной к чуду,
С этой самой минуты я удачливой буду.
Поворчав для приличья, встанет ликом избушка,
В ней не Баба-Яга, а смешная старушка.
И попарившись в баньке да откушав хлеб-соли,
Эх, рискну попросить я счастливейшей доли.
Вот в ладошке моей путеводный клубок,
Впереди бьет крылом оберег-голубок,
Машет ласково избушка Курьей ножкой,
И осталось потерпеть совсем немножко:
Вон уж скачет принц на розовом коне,
Умный, добрый и богатый – он ко мне!

Не видела тебя сегодня

Не видела тебя сегодня...
День не удался.
Что было в нем?
Работа, суета, обязанности, нервы,
удачи даже.
Не было восторга.
И замиранья сердца, и улыбки мимолетной:
вижу! ты здесь! и этого довольно!

Видела тебя сегодня!..
Каким был этот день?
Он удался.
Сначала ожиданье встречи,
надежды и сомненья.
И наконец – восторг!
Минуты удивительного счастья:
ты просто рядом.
Но нельзя остановить мгновенье,
особенно,
когда оно прекрасно.
И вот уже прощальный взгляд,
и сразу ожиданье новой встречи,

надежды и сомненья.
Но день-то этот был!
Со мной остались воспоминанья,
загадки и мечты.

Прощай

Я почти позабыла, что на свете есть ты.
Затерялись подарки, и завяли цветы.
Я запрятала фото, наши общие книжки,
В дальний угол комода был отправлен зайчишка.
Только зря эта ссылка. Им за что наказанье?
Лучше вредную память отправить в изгнание.
В голове отыскала я надежный чуланчик,
Но мой мозг мне не друг, а хитрец и обманщик:
Обещал этот файл удалить безвозвратно —
Почему же во сне ты приходишь обратно?
Поняла. Я играла в прощанье. А надо
Просто силы найти для последнего взгляда.

Хочу тебя видеть

Хочу тебя видеть. Сегодня. Сейчас.
Хотя бы минутку. Нет, каждый час.
Хочу слышать голос и видеть глаза.
Когда это будет? Ты не сказал.
Я застыла в пространстве. Чем, пытаюсь понять,
Без тебя мне ненужное время занять.
Грустно и больно. Холодно даже.
Но я буду ждать. Ты найдешься однажды.

Одна

Я все понимаю, но боль не проходит.
Еще один день моей жизни уходит.
Еще одна ночь на пороге моем,
И в этой ночи мы не будем вдвоем.
Все без тебя потеряло значение,
В мире огромном я в заточенье.
Черная ночь очень медленно тает,
Серый рассвет на меня наползает.
Снова одна я утро встречаю,
Снова на письма твои отвечаю.
Быть одинокой сил уже нет.
Должен быть розовым в мире рассвет!

Парадокс

Хоть вряд ли бы мы захотели
Средь ясного неба ненастья,
Спасибо, судьба, за потери,
Без них не узнали бы счастья.
Спасибо за злобные взгляды,
За реплики, полные яда —
Глаза и улыбки друзей
Дороже теперь и нужней.

Вино из одуванчиков

С тех пор, как прочитан был Бредбери,
Вином мы загадочным бредили.
Сначала казалось обманом, увы!
Позвольте, какое вино из травы?
Не стали рецепт проверять — и прекрасно!
Потеря фантазии очень опасна.

Поверили в чудо открытий, что снова
Ко всем, кто захочет, вернуться готово.
Лимонным мороженым века далекого
Закапана карточка цвета поблеклого,
Но эта история трогает вновь:
Проходит сквозь время такая любовь.
Ах, сколько открытий, серьезных и важных,
Пришлось совершить нам с тобою однажды.
Отличное в книге описано средство:
Разлить по бутылкам волшебное детство,
Расставить по полкам, приклеить бумажки:
Вино из жары, тишины и ромашки.
Я думаю, каждого ждут времена
Спасительной капли такого вина.

Посчитаю до десяти

В темноте одиночества — глаз...
Раз...
Слух скатился в подвал...
Два...
Все картины цветные сотри...
Три...
Серенады расстреляны в тире...
Четыре...
Но из мертвого сердца опять...
Пять...

Еще капелька крови в нем есть...
Шесть...
Потемнела от жалости сень...
Семь...
Вдруг пришла навсегда осень?..
Восемь...
Что же можно назад сделать?..
Девять...
Надо выживший взгляд взвесить...
Десять...
Буду жить!..

ПРОЗА

Александр БЕЛЫХ

ВОЙЛОК

*Роман без фабулы
(фрагмент)*

Дивертисменты для актрисы

Толпа схлынула.

Вместе с ней отошла волна людского гула.

Конвейерная лента с багажом тарахтела, скрежетала, гыркала.

Никто не встретил Ольгу Тарханову.

Никто не помог ей принять багаж.

Сама стаскивала с конвейерной ленты свой чемодан.

Он кружил, этот одинокий чемодан, в опустевшем зале приёма багажа, кружил долго, конвульсивно вздрагивал на вираже и видом своим что-то напоминал ей, но что именно, она не могла взять в толк.

Этот пустяк, как забытое слово, досаждал её прихотливому и въедливому уму, готовому порой выгрызть самоё себя и даже саму суть вещей ради какого-то необязательного самопознания. Из-за этого пустяка, казалось, рвалась ниточка, которая связывала её с мирозданием. Глядя на свой чемодан, она вдруг вспомнила умирающую собаку. Она была большая, чёрная, лохматая.

Рука её отдёргнулась, когда нужно было схватить чемодан за ручку.

...Пёс лежал, тяжело и учащённо дыша, на раскалённом асфальте на задворках одной провинциальной гостиницы. Язык его, красный, замусоренный, вывалился из пасти с жёлтыми зубами. Глаза его, ничего не понимающие, смотрели исподлобья. Так смотрят старики в окно, где шумит на детской площадке беззаботная жизнь. Никто не помог бедняге. Никто не принёс ему воды, не отвёл в тень. Да и как? Он тяжёл, пришлось бы волочить...

Она вынула из своей сумочки бутылку с газированной водой и полила в пасть. Собака немного оживилась и благодарно, как ей показалось, сдвинула брови. Кто-то сказал, что у пса, возможно, случился инсульт из-за жары. Впервые воочию, вживе она увидела приближение смерти. Собачьей смерти. В чёрных глазах собаки сквозила человеческая тоска. Это полезное наблюдение потом пригодилось Ольге в съёмках фильма «Сны Флобера».

Ольга ещё не научилась защищаться от смерти абстрактными размышлениями. Она полагалась на обывательские верования. Говорили, что

собака умерла от разлуки; умерла из верности к хозяину, который переехал в другой город и вынужден был оставить своего воспитанника на произвол судьбы.

«Это неправильно — говорить о судьбе животных. У них есть удел, у них есть участь. Судьба же предназначена только человеку, поскольку он хозяин, он сам волен распоряжаться своей жизнью, — думала Ольга. — Хозяин у собаки человек. Кто же хозяин у человека? Бог разве что?..»

И эти размышления, и этот эпизод с собакой она также вставила (с позволения режиссёра) в пьесу «Распиленный дом», которую привезла на провинциальные подмостки...

Незримому режиссёру её жизни этот скрежет конвейерной ленты с багажом напомнил бы, скорее всего, о колесе сансары. Она боялась, что он прогонит её из его драмы жизни. Да был ли человеком этот незримый? Похоже, что он постоянно посылал ей сигналы и знаки, подбрасывал там и сям приметы. Навык считывать эти послания она превратила в художественное суеверие. От усталости из-за дальнего перелёта она была теперь невнимательна к ним. Ум её делал беспомощные усилия выпутаться из войлочного марева и смутной тревоги.

Артистическое сознание Ольги, ещё не воспрянувшее от полудрёмы, одолевали какие-то образы. Они расплывались перед глазами как тушь на бумаге. Вдруг эти образы кто-то смял, скомкал, сжамкал влажной рукой. Весь этот войлочный ком плюхнулся в чугунный жбан и чьи-то грязные ноги стали топтать и шлёпать по войлоку её чувств, образов, мыслей...

«Империя чувств, неясные смыслы, шерстинки мыслей, тёмные символы, таинственные знаки... Я знаю, что мир существует, но смысл его загадочен, смысл его тёмен...» — разговаривали в её голове друг с другом слова из пьесы.

Как далеко было её чувствам, её образам, её мыслям до империи авторского замысла, до художественного воплощения! Она хотела бы подчиниться его воле, если бы поняла задумку автора. Мир представлялся комом грубой свалывшейся шерсти, вырванной в драке с линяющей собаки. Она невольно оглядывалась по сторонам, чтобы поймать взгляд этого человека-невидимки, который скомкал её чувства. Голова её была набита какими-то звуками. «Это всё из-за шума реактивных двигателей. Наверное, у меня поднялось давление», — подумала Ольга.

Вдруг она обнаружила взгляд этого невидимки в лице человека на афише. Что-то кроличье было в его глазах и одновременно рептильное. «Добро пожаловать в империю». Депутат колониальной думы зазывал в казино «Красный Дракон» на одном из иллюминирующих островов залива Мэй...

Чемодан — старомодный её талисман, из прошлой советской эпохи, однажды отреставрированный, странствовавший с ней по гастролям и съёмочным площадкам, — этот чемодан, как реквизит иллюзиониста, мог бы многое припомнить из её жизни: доброе и недоброе, смешное и грустное. Он хранил многозначительное молчание, как замкнувший себе рот на ржавый замок старый советский поэт в смутную эпоху больших перемен. Чтобы поэт был безропотным, такое случается редко, а вот чемодан был из когорты умудрённых и угрюмых стариков-молчунов. Он казался скрягой, крохобором, затворником.

Какие ещё тайны могли быть у актрисы Ольги Тархановой, чья жизнь была просвечена пронирыливыми папарацци, растиражирована по городам и весям желтыми газетами, ушлыми журналистами, пошлыми интернет-изданиями? А ведь были... О них она желала бы забыть. Что же это было? Конечно, любовь. Конечно, страсть. Что-то было в её прошлой жизни, о чём она не хотела вспоминать. Ей снилась кровь на песке. Она загребала его руками и прикладывала к лицу. Монологами и репликами своих героинь Ольга Тарханова перебивала зов и к покаянию, и к откровению. Сердце её нуждалось не столько в освобождении, сколько в опустошении.

От чего, собственно?

«Если раньше ум советского человека заполняли пропагандистские идеологемы, дававшие его сознанию комфортное существование, то теперь на это освободившееся место стремительно хлынули через экран телевизора всякого рода оккультно-мистические мифологемы». Она была готова согласиться с этим высказыванием неизвестного телеперсонажа, но времени подумать, у неё не было в плотном графике репетиций... Объекты, которыми она мыслила, были похожи на мягкие войлочные образы.

То, что она считала своей суверенной личностью, отныне заменяло возрастающее чувство вины и греха, которые толкали её к эскапизму, несовместимому с театральными подмостками. Она и не заметила, как вся окружающая жизнь наполнилась персонажами потустороннего существования. Не ровен час они вышлзут откуда-нибудь из-за кулис и сотворят с ней что угодно. И «свят-свят-святом» не отделаешься. Эти страхи, которых не знали советские пионеры, пугавшиеся только таинственной руки, проявлялись во внезапных видениях её зрелой жизни. Если бы она переболела ими в детстве, как корью...

И вот здесь, в багажном отделении дальневосточного аэропорта никто-никто не замечает её — ни телевизионщики, ни корреспонденты, ни поклонники. Её нет в этом мире, её нет хотя бы несколько минут, пусть тридцать минут! Она стала невидимой, почти потусторонней, и наслаждалась своим отсутствием в этом феноменальном мире. Она прошептала слова, посвящённого ей стихотворения: «А эту осень звали Ольгой, она была немного голой, немного грустной, но была...»

И все, же было странно представить себя отсутствующей в этом мире. Она жадно впитывала жизнь, и эта жизнь поглотила её, растворила в себе, как вода щепотку бесцветной соли. «В её чертах такая нежность, такая тонкая небрежность, и два серебряных крыла...»

Никто ничего не выведывает у неё ни о личной жизни, ни о творческих планах, ни о том, что она чувствует, что думает... Эти два последних глагола составляют суть всякой человеческой особи, не говоря уж об актёрах и писателях. Эта суть — «чувствовать и мыслить» — была в некотором роде её профессией, её призванием. Размышления над тем, что чувствует её героиня, опустошали её собственное сердце. И это, пожалуй, было к лучшему, иначе сердце её взорвалось бы от полноты чувств...

Чужие слова можно выучить, а свои никогда. Свои слова не выучить наизусть. Свои слова приходят с опозданием. Они приходят в страсти, в порыве гнева, в ненависти... Они проносились, её собственные слова, проплывали, как шерстинки облаков, и исчезали. За них нельзя было зацепиться, сплести узор мыслей. То, что жило в сердце, требовало внимания и заботы,

предавалось забвению. Так вытесняются образы возлюбленных, образы желаний и деяний.

«Забывтая звезда забытого экрана...» — огорчалась она не без сарказма. Она преувеличивала значение слова «забывтая», и слова «звезда», и слова «экран». «Сцена стала твоей судьбой...» — кто-то льстиво прошептал ей на ухо. Она улыбнулась. И тотчас осудила этот голос за пафос, за театральщину. Это был его голос — того, кто внезапно исчез из её жизни, к любви которого она относилась с недоверием и даже с опаской.

Все неприятные мысли теперь она невольно приписывала бывшему возлюбленному, посылая ему мысленные упрёки, запоздалые обвинения, многочисленные мелкие аргументы своей бесполезной правоты. Не было голоса, который говорил бы ей добрые слова. Просто добрые. Нет, речь не о комплиментах, не о похвалах, не о восхищении. Этого добра хватало. Это всё постороннее, всё внешнее, всё наносное. Оказалось, что не хватало малого. Чтобы кончиком пальца провели по изгибам спины, по ложбинкам, по затылку; чтобы этот палец принадлежал тому, кто ушёл навсегда, кого она изгнала из своего сердца.

Она стойко переносила разлуку с возлюбленными, укрепляясь опытом переживаний, опытом страданий, ведь это так необходимо для творчества! «А судьба — злая тётка, всякий человек у неё падчерица или пасынок... Судьбу свою, самую злую, нужно полюбить, и та ответит взаимностью и с лихвой вознаградит. Читайте сказки...» — говаривала её героиня из спектакля. Ольга верила в сказки, верила в их мудрость, верила в чудесность жизни.

Этот выбор судьбы был сделан нечаянно, в детстве, когда она разыгрывала сценки из семейной жизни и цирковые представления у бабушки в доме на отрогах Ангары. С тех пор она научилась, как говаривал дед, «представляться», а в союзники она брала своего двоюродного брата. Дедушка видел в своей внучке вылитую копию бабушки: та тоже любила «представляться» в молодые годы на слободских праздниках. При этом он любил смотреть «телепостановки». Каждый вечер включал чёрно-белый телевизор «Горизонт-102», садился на крашенный табурет, и — никто его не трогай! Тсс!

Оленьку дедушка поощрял, нахваливал: «Внученька моя, вырастишь, станешь как Любовь Орлова, а именем твоим назовут цельный пароход с большими трубами, и буду я смотреть тебя по телевизору и любоваться моей внученькой... Ну-ка, покажи, Оленька, как гудит пароход на Ангаре...»

Оленька брала пионерский горн и трубила на всю округу. Вороны, сидевшие на дереве, разлетались, ошалевшие, во все стороны, обронив ворованное. Прибегали мальчишки-тимуровцы на зов их городской атаманши, всегда гораздой на выдумки и пацанские проделки.

Конечно, успеха она успела отхлебнуть из неполной чаши. Она была актриса невеликого успеха, и это обстоятельство терзало её самолюбие, а без него, как известно, невозможно существование на театральном поприще. Однако свои амбиции она всё-таки смогла превратить в профессию, и жила ожиданием удачи, яркой драматической роли. А её всё не было и не было... «Удача во всяком деле нужна, одного усердия недостаточно, — приговаривала Ольга. — Судьба во многом зависит от какого-то каприза. Её можно перехитрить...»

Этому капризу она пыталась противопоставить целеустремлённость — неженское качество. Воля против судьбы... Возможно ли побороть судьбу усилием воли? Где эта точка опоры, чтобы повернуть рычаг судьбы? Случай, случай — вот что распоряжается её судьбой!

Каждый случай был как петелька вязания в длинном ряду событий. Одним словом, свою судьбу она связывала с фортуной в отличие от тех, кто за судьбой видит зловещий рок. Судьба, фортуна, рок — три слова, как багаж на конвейерной ленте, вертелись у неё в голове, будто от них что-то зависело.

Она решительно устремлялась в будущее, к этому случаю случаев. Она обновлялась лицом, меняла причёски, приобретала новые имиджи, старалась быть современной, не отставала от поветрий новой русской драмы, ругалась матом на сцене, ходила в церковь за прощением, прикладывалась к святым мощам, переставляла мебель, меняла обои в квартире после очередного расставания, пила на ночь настойку уклоняющегося пиона, элеу-терококк...

Каким счастьем казалось сейчас и то выщербленное крыльцо с половой тряпкой в деревенском доме, и та потайная дыра в заборе, и та лужа на дороге, и тот запах кедра, и тот выводок утят на старице, и то найденное яичко под крыжовником, и тот кролик! Из меха кролика ей связали рукавички и шапку, а из шкурки сшили черевички! Ох, как она притоптывала в них, пританцовывала! То, та, тот... Она могла перечислять и перечислять образы детства, образы настоящего времени.

Это было там, «во сибирской украине, во даурской стороне» как пелось в песне. Эту старинную запевку они частенько напевали в семейных застольях. «Как стали спевать эту песню в народе, с тех времён и мы пошли здесь», — говаривал дедушка Фёдор Кузьмич Тарханов, начинавший свой путь комсомольца в двадцатых годах в нер-заводской милиции инспектором по налогам. Другой её дед, Елизар Данилов, служивший охранником на поездах, сгинул без вести где-то на КВЖД, в Китае. Поэтому вспоминали его редко, а фотографию в форме с винтовкой припрятывали от посторонних глаз.

Случилось ей однажды навестить тот уголок счастья. Что с ним стало! Старость и умирание! Она сходила нарвать молочая для свиней. Её радовал аппетит этих привязчивых животных. Она целовала их в пятак, как дура, и рыдала в свинарнике. Невольно вырывались извечно русские вопросы: «Как быть? Что делать? Кто виноват? Куда иди? В чём смысл?» Она почесала свиней за ухом, покормила молочаем, успокоилась. Грустно было думать о них, как о вкусном и сочном жарком. Жалость к животным порождала в голове Оленьки недетские мысли, но бабушка наставляла:

— У животных нет слова, поэтому их можно убивать и есть... Если нет слова, то нет и души. Кушай мясо, Оленька!

К слову она стала относиться как ко всякому живому существу. Оленька водилась с местным дурачком, глухонемым деревенским мальчиком. Он дёргал её за подол на речке, приставал. Она притворялась волком: «Я тебя съем!»

— А Костю съест можно? У него же нет слова, он же немой!

— У него есть имя зато...

Тогда она не догадалась сказать, что у съеденного кролика её тоже было имя — Зайка...

Она вспомнила деревце, о котором дедушка говаривал: «Вот, Оленька, подружка твоя, берёзка... Когда вырастите, станете красавицами. Ты уедешь, а деревце останется навсегда. Я буду на него смотреть и вспоминать тебя».

Она навестила это дерево у старицы, деда уже не было в живых. Когда-то решили сменить русло. Экскаватор рыл, рыл канаву, и упал в неё рылом. Экскаваторщик тянулся ковшом к стволу, чтобы сломать берёзу, и опрокинулся. Ольга, столичная актриса, не заметила, как рядом с ней стал человек в пиджаке и кепке, пастух, с книгой синего цвета в руках. Он произнёс с грустью: «Тарханы это не поэма — большое крепкое село...»

Сердце у неё сжалось. Она узнала дедушкину присказку, однако не узнала в этом человеке того немного нахальника, вдруг обретшего дар речи после падения с обрыва. Обретя дар речи, он тронулся умом. Так говорили. Человек смотрел на обугленную берёзу, бормоча какие-то странные слова: «Я по следу дошёл до истоков. Я стал чужд всякой почтительности. Вокруг меня всё сделалось чужим, всё стало одиночеством. Но в глубине меня тайно возникло то, что способно к поклонению. Тогда и начало расти дерево, в тени которого я располагался, дерево будущего...»

Ольге вспомнился тогда чеховский безымянный разговор о Земле на другой планете через тысячу-тысячу лет: «А ты помнишь то белое дерево?..» Экскаватор, разобранный на запчасти предприимчивыми гражданами в годы активной приватизации социалистической собственности, торчал из канавы птеродактилем кверху гусеницами. Старицу засыпали индустриальным мусором. Там разлагалась собака. Закисла вода, киша дафниями и личинками. Ствол берёзы обожгло кострищем. Ольга смотрела на обугленное дерево глазами деда, глазами Чехова, своими глазами, глазами умирающей собаки...

Геня не в курсе

По праздникам грудь его не сверкала орденами, а на шею он носил не джентльменский, а пионерский галстук. Он надевал его до глубокой старости, хотя, по утверждению всех, кто знал Давида Абрамовича ШУРИЦА, его глубокая старость так и не успела наступить. Ему было уже далеко за семьдесят, но каждым ранним утром Давид Шуриц совершал свои пробежки в районе старой площади. Я тоже, когда просыпался рано, видел его — милого и доброго человека в спортивной шапочке. Давид Шуриц был первым пионервожатым Еврейской автономной области.

В 1981 году я работал на биробиджанской швейной фабрике, где Шуриц в те годы был инструктором производственной гимнастики.

«Начинаем производственный гимнастика, — два раза в день звучал его голос в эфире. — Повторяю: начинаем производственный гимнастика».

Он хорошо говорил по-русски, но букву «Р» в словах «повторяю» и «порядок» произносил твёрдо, как бы заменяя «Я» на «А».

— Ты пойдешь в воскресенье на стадион? — спрашивал меня мой друг Серёжа Пасютин. — Там будут соревнования «Папа, мама и Шуриц».

— Что за соревнования?

— Точно не знаю, но Шуриц сегодня объявлял по фабричному радио: «Приходите на соревнования «Папа, мама и я — спортивная семья», — а если папа, мама и он, значит — папа, мама и Шуриц».

Ему было 67 лет, когда он повел нас в поход — в Октябрьский район на пещеры Ледовая и Коридорная.

Мы тряслись в старом рейсовом автобусе по разбитой дороге, и уставшие в поездке девчонки дремали у нас на плечах. Шуриц ехал на первом сиденье рядом с древней старушкой в цветастом деревенском платочке. Обернувшись и увидев нежную картину безмятежного сна наших подруг, Шуриц вдруг положил лысую свою голову на плечо бабули, и та, вместо законного возмущения, растаяла и погладила его по зеркальной лысине. Это была картина, достойная пера Пикассо. Но последнего с нами в автобусе не было, и даже наш фотограф Алик Ярмарков не успел запечатлеть эту замечательную сцену шурицовского флирта. Подмигнув нам, старик сказал: «Главное, чтобы Геня не узнала». После — что бы мы ни делали, в шутку или тайком от Шурица, — «чтобы Геня не узнала» стало нашим девизом.

Маршрут к пещере проходил через Екатерино-Никольское в сторону села Столбовое. По пути мы подошли к обелиску в память о павших в боях за Родину — такова была традиция, и дай бог, чтобы она жила по сей день.

«Главное, чтобы Геня не узнала, — сказал мне второй наш инструктор Серёжа Поздняков, когда я по секрету сообщил ему перед спуском, что ещё со времен службы в армии страшно боюсь высоты. — Пойдем со страховкой. Давид Абрамович придумает, как тебя достать, если улетишь вниз».

Хорошее утешение, ничего не скажешь, но старик, оставшийся наверху и страховавший нас, был надёжен, как самый надёжный канат, и мне было уже не так страшно. А ещё рядом был Серёжа, и девчонки, видя мой страх, не хихикали. Пройду, спущусь и вернусь обязательно. Главное, чтобы Геня не узнала.

Пещера Ледовая была изумительно красивой. Прозрачные и молочно-белые сталактиты, возникавшие в свете фонарей, восхищали причудливыми формами. Казалось, ты посетил другую планету, где совсем другой климат, другая жизнь. Даже летучие мыши, кружившие возле нас, казались какими-то инопланетными существами. Мы шли по скользкому льду, руками подстраховывая друг друга, и даже те, кому было страшно, забывали о страхе, задыхаясь от восторга...

Ночевали в палатках, которые поставили на пасеке. После спуска решено было выпить. «Только по чуть-чуть!» — Шуриц выделил нам немного спирта для настроения: казалось, он по-прежнему чувствовал себя пионервожатым. Но разве в те годы нам хватало немного?!

Канистра с горючим ночевала под чуткой лысой головой инструктора. Извлечь её, не разбудив спящего шефа, отказался даже наш доктор — мой одноклассник Саша Беренгольд. Алик сказал, что может разве что запечатлеть исторический момент нарушения социалистической законности, не более того. «На дело» пошёл Поздняков, и через какое-то время вернулся в палатку с канистрой «храброй воды». Стаканы были в рюкзаках — там же, где спал Шуриц. Рисковать не стали. Спирт разлили в металлические миски, заблаговременно нарезав хлеб и негусто намазав его тушёнкой.

«Ну, будем!» — сказал я. И все вдруг услышали шаги. Воспитательный процесс показался нам неизбежным, как возвращение домой из похода. «Что скажет Геня?..» — прошептал Алик, и мы крепко сжали челюсти, чтобы не засмеяться. Показалось, что кто-то всё-таки несмело заржал. Шаги были совсем близко, а когда они стихли, в палатку заглянула лошадиная морда. То ли на запах спирта пожаловала лошадь гостеприимного пасечника, то ли тушёнка показалась ей особенно вкусной.

— А она Гене не расскажет? — вдруг изрек кто-то, и силы молчать кончились. Эхо гоняло между сопкок нашу истерику. А Шуриц спал. Спал, нежно обнимая канистру, которую мы всё же как-то умудрились вернуть на место.

На следующий день мы уезжали в Амурзет — на автомобиле «Урал» с мужиками, которые по своим делам приезжали на пасеку. Шуриц ими не командовал, а спиртного у них, по-видимому, было вдоволь. Утром они все, включая шофёра, были пьяными. Но мы тогда были молоды, и поездка не казалась нам такой уж страшной. Спирта больше не было. Чтобы по пути согреться хоть чем-то, Шуриц велел вскипятить ведро воды и заварить чай. Мы так и сделали. И ведро это взяли с собой в кузов. Последствия были предсказуемы, если учесть, что машина летела по сопкам со скоростью, явно превышающей её технические характеристики. Последствия первой же ямы дотекли до Давида Абрамовича, на что он с искренним удивлением сообщил: «Ой! Кажется, что-то тёпленькое потекло. Главное, чтобы Геня не узнала».

Так заканчивался мой первый поход на пещеры. Потом их будет ещё несколько, но уже без Шурица. А его я часто встречал на фабрике, и на ули-

це видел — бегущим в своей неизменной спортивной шапочке. «Геня не узнала?» — спрашивал я его. Он отвечал: «Порядок, Геня не в курсе», — и бежал дальше. Таким я его и запомнил.

Здесь руки на прощанье подают

Все, кто лет на десять моложе меня, вряд ли уже видели паровоз — огромное чёрное чудовище на колесах, дышавшее дымом и паром. Колеса паровоза изнутри были окрашены красным. Жёсткие деревянные сиденья в вагонах были до блеска отполированы «основаниями» первостроителей нашей области.

Поезда на паровозной тяге отправлялись от того самого вокзала, где слева от зала ожидания работал железнодорожный ресторан, из которого всегда вкусно пахло борщом. По вечерам там играла музыка, и пьяные посетители выходили покурить и подышать воздухом на перрон. В центре привокзальной площади шуршал водой старый фонтан. Это я сейчас думаю, что фонтаны на привокзальных площадях — исключительно для того, чтобы возле них встречались люди, а раньше, в детстве своём, уверен был, что фонтаны — для пускания в них бумажных корабликов.

От старого вокзала поезда отправлялись в Биракан (это если на запад) и в Хабаровск (если на восток). Я думал так, потому что других станций просто тогда не знал ещё. В Биракан я ездил с бабушкой — к родственникам. В дороге она читала газету «Биробиджанер штерн», и это вызывало много вопросов у мужиков, которые ехали с нами в одном вагоне. Один как-то спросил, правда ли, что этой газетой полезно вытирать... сами догадались, что именно. И бабушка ответила мужику, что очень полезно, потому как тогда у него это место будет умнее, чем голова. Сам я, честно говоря, такого события не помню, но родственники мне об этом часто рассказывали.

На вокзале всегда много народу, особенно возле кассы, которая, конечно же, была одна. Вокзальная атмосфера казалась мне грустной, потому что здесь всегда расставались какие-то люди, а те, кто приезжал, как мне казалось, тоже с кем-нибудь обязательно расстался.

Я реже, чем другие мои ровесники, ездил на поездах, а когда уезжал, то всегда сильно скучал по дому.

18 ноября 1976 года с этого перрона меня провожали в армию. За вагоном никто не бежал, только мама, а пьяные друзья махали вслед оставленной мною гитарой. Они что-то брэнчали на ней, но я не слышал. Я вернулся через два года и бежал по перрону в сторону стоянки такси, которая располагалась на привокзальной площади справа. Именно в такси хотелось подъехать к дому военному строителю — рядовому в исключительно парадной дембельской форме. По-моему, фонтана на вокзале уже не было, про ресторан так и вовсе не помню, был он или нет. Какой-то маленький фонтанчик построили после с левой стороны от привокзальной площади, но это всё было уже не то.

Потом я много и часто ездил на поездах в разные стороны, и не особо грустил от того, что никто и никогда не встречал и не провожал меня. Я любил дороги — асфальтированные, гравийные и железные. И лишь однажды биробиджанский вокзал снова стал наполнять грустью и печалью мои дни. Началась, будь она... неладна, эмиграция. Сначала я провожал на поезд млад-

шего брата. Потом мама уехала туда, где в итоге осталась навсегда. По очереди стали собираться в дорогу друзья и одноклассники. Вокзал плакал всеми своими углами, а когда уходил поезд, уборщицы отмывали полы от слез.

Уехали Яков Дегтяр и Рафик Малкин, Петя и Людка Матисовы, Лиля Скляр... Мне не хватит полосы, чтобы их всех перечислить. Два известных польских журналиста — Пётр Грохмальский и Мариуш Форецкий из журнала *Wprost* специально приезжали, чтобы сделать фоторепортаж о том, как из Биробиджана провожают эмигрантов. Эти журналисты раньше специализировались на работе в горячих точках. Судя по азарту, с которым они сновали между отъезжающими, именно такой точкой они видели наш город в период эмиграции.

Вслед птицам начинаю тосковать.
По тем, с кем вместе пил напиток грусти.
Пусть осень за порог меня отпустит,
Когда настанет время уезжать.

Когда настанет время уезжать,
Прорваться на вокзал сквозь листопады
И, прежде чем в купе устало падать,
За встречу пить и руки подавать...

Я написал это, сидя на скамейке привокзальной площади, 22 ноября 1998 года, в день отъезда в Германию моего одноклассника Саша Беренгольца, жалея при этом себя печального и сотни больных, которым в Биробиджане уже не сможет помочь такой замечательный хирург как Саша. Загрустил городской Дворец культуры без душевного скрипача Семёна Гройсмана, и поэт Виктор Соломатов уже только по почте стал присылать свои стихи «Из Израиля с любовью» в Биробиджан.

А потом на вокзале снова тихо, и поезда строго по расписанию, и билеты в порядке очереди, и никаких проблем с местами в зале ожидания.

К привокзальной площади, ну и к вокзалу, естественно, ведут две параллельные улицы. Та, что слева, — улица имени великого пролетарского писателя Максима Горького, та, что справа, — улица Октябрьская. Те, кто паровозов ни разу не видел, не носил пионерских галстуков и комсомольских значков, вряд ли догадываются о том, почему улица — та, что справа — называется Октябрьской. Они, наверное, думают, что построили улицу в октябре, или, может, первостроители назвали улицу так, потому что очень уж красив в нашем городе месяц октябрь. Пусть думают, если им так нравится. Только пусть узнают, хотя бы от меня, что по-настоящему главной улицей Биробиджана раньше была совсем не Шолом-Алейхема, а именно Октябрьская, местный «Бродвей». В лексиконе тех лет так и звучало: «Встретимся вечером на Броде», это значит примерно в районе кинотеатра. Нынешние «стрелки» тогда ещё назывались прекрасным русским словом «свидание». А на улице Горького свиданий не назначали. Почему? Мне это не известно. Может, избегали наши мамы и папы «горьких свиданий».

Нет ни одного тележурналиста, который, снимая фильм о нашем городе, не запечатлел бы приход в Биробиджан поезда «Россия». Изумитель-

ная картина, подчеркивающая исключительную значимость столицы автономии. И не беда вовсе, что иногда прибывших не более десятка, и столько же отъезжающих.

Новый фонтан построили на том же месте, где шуршал водой его предшественник. Шикарный фонтан, возле него в хорошую погоду всегда можно наблюдать радугу. Радуга — это к счастью. Возле памятника первым переселенцам фотографируются гости города и играют дети, которые никогда в жизни не видели настоящих паровозов.

Мир, что нами был любим...

Биробиджанская школа № 2

При деревьях старый сквер
Станет немощным и голым,
Архитектор-изувер
Сдал под снос вторую школу.
Ту, вторую, там я был
Не всегда любимым сыном,
Слёзы лил, баклуши бил,
Радовался карантинам...

А. Драбкин

«Пора возвращаться»

В каком же классе я тогда учился?.. В девятом? Да, кажется, в девятом. Из окна кабинета математики видна сопка. На ней ещё стоит первая телевизионная вышка. Но уже строят вторую. Великолепное зрелище, когда видишь, как наверх поднимают огромные её фрагменты. Да простит меня любимая мною Софья Ильинична Гуревич, мне это интереснее, чем мудреные приёмы решения арифметических задач. Мягкий, но настойчивый голос вытаскивает меня из «кинотеатра» и возвращает на урок. «А как мы будем решать этот пример, нам сейчас покажет Саша Драбкин», — говорит учительница. И я выхожу к доске, где всё уже решено, только я об этом ещё не знаю. В классе смех — обычное явление, когда я выхожу к доске...

Это вторая школа, которой уже нет и никогда не будет. Даже письмо потомкам, выпускникам двухтысячного года, которое на какой-то линейке или собрании торжественно замуровали некогда в актовом зале, строители, сносившие здание, не достали. Да строители про него и не знали, а все остальные просто забыли — сколько лет прошло...

Да, бог с ним, с письмом. Сколько раз на классных часах нам рассказывали, что во время войны в нашей школе был военный госпиталь, а потом, когда школа снова стала работать как школа, она вырастила таких людей, которыми не только Биробиджан, Советский Союз мог гордиться. Что только значат для нашего города доктора Ефим Клейман и Михаил Глухов, строитель Дмитрий Косвинцев... Всех назвать — места не хватит. Всё рухнуло в один день и превратилось в груды кирпича, металлолома, дров, в мусор, в конце концов.

Учитель труда Николай Николаевич Комиссаренко во второй школе не учился и проработал там совсем не долго. Он никогда не страдал гал-

люцинациями, но рассказывал мне, как в один из вечеров накануне сноса здания школы отчетливо слышал стон и плач. Он обошёл здание. В школе никого не было, кроме него самого. «Это школа стонала», — по сей день убежден учитель. Можете тыкать в меня пальцами, как в городского сумасшедшего, но я верю его рассказу.

Перед сносом школу огородили забором, окон уже не было. Непонятно для чего нанятый сторож пропустил в здание оставшихся в городе учеников десятого «Б» класса, покинувших эти стены в мае 1975 года. Мы пришли прощаться. Уже не было в живых здоровяка Серёги Куркова. В других городах поселились Сергей Клинков, Галочка Куркина, Люда Василенко и Ира Арчакова и уехали в Израиль ещё шесть наших одноклассников. Их с нами не было, но мы чётко помнили, кто из них за какой партией сидел, и каждый, кто пришел сюда, занял в классе исключительно своё место.

Вспомнили почему-то о том, как почти всем классом сбежали с урока в кино. Потом было экстренное родительское собрание, на котором, конечно, выступила моя мама.

Именно выступила, и выступление это многократно демонстрировала Ира Шрайбер, наблюдавшая по нашему поручению за происходящим на собрании в замочную скважину.

— Да! — со свойственным ей надрывом говорила мама. — Мой сын попросил у меня пятьдесят копеек, но не сказал для чего. Если бы я знала, что он вместо урока ушёл в кино, я бы вошла в кинозал, включила бы свет и сказала: «Драбкин, подлец, выйди из зала!», — это надо видеть, как Ира показывала речь моей мамы.

Нас не исключили из школы только потому, что нельзя было исключить весь десятый «Б», кроме двух девочек, которые, пока мы сидели в кино, рассказывали в учительской о том, кто инициировал сей гнусный побег.

Мы ничего не написали на прощание на классной доске, и не потому, что доски уже не было. Просто никто не захотел, чтобы его запись была похоронена под обломками нашего детства.

В новой, красивой школе с номером один, построенной на месте нашей второй школы, я был всего раз. Там проводились учения, в ходе которых отрабатывались совместные действия силовых подразделений при захвате террористами заложников. Я работал следователем и проводил учебный осмотр места происшествия, которое по легенде находилось в актовом зале. Мне следовало думать исключительно о работе, но я ловил себя на мысли, что очень уж тянет посмотреть на нашу сопку и сквер из класса, окно которого выходит на ту самую сторону.

Вот, думал, закончу работу и попрошу администрацию, чтобы хоть на несколько минут открыли такой класс... Передумал. Что я увижу? Сквер, окруженный скульптурами не наших животных, памятник, поставленный непонятно чему и кому... Нет уж, пусть память оставит всё на своих местах.

Фрагменты немецкой жизни

1

Немки-старушки, в большинстве своем, невысокого роста, худенькие и хрупкие; за покупками они ходят в старомодных причудливых шляпках, строгих темных платьях, кружевных перчатках и низких туфельках с тупыми носами... Увидишь — невольно улыбнешься их милому, отжившему свой век аристократизму. А поглядишь, как такая старушечка, в чем только душа держится, бодро крутит педали велосипеда, — и только диву даешься да завидуешь по-хорошему. А как они доброжелательны и любезны, отзывчивы и деликатны... Просто прелесть какие старушки.

Однажды стою я на остановке, жду автобуса, а рядом со мной стоит типичная такая, преклонного возраста изящная фрау; она только что вышла из универсама напротив и держит в руках небольшую стопку баночек с «Педигрипалом», кормом собачьим. Стоим мы себе совсем рядышком, солнышко весеннее светит, птички чирикают... Благодать! И оттого мы не просто стоим, а переглядываемся и изредка улыбаемся друг другу, делясь таким образом весенним своим настроением.

Тут подходит, не торопясь, к остановке матрона вальжная — кустодиевских габаритов, широко за бальзаковский возраст шагнувшая — останавливается с нами рядом, видит, как мы замечательно улыбаемся, и становится ей, вероятно, завидно. Но вместо того, чтобы вместе с нами поулыбаться и не портить словесами пустыми тишину весеннего утра, поворачивается она к старой женщине и с нашим акцентом, который ни с каким другим нельзя перепутать, важно так спрашивает:

— Haben Sie Hunger? (Вы голодны?)

Дело в том, что в немецком языке слова Hunger (голод) и Hund (собака) немного похожи, а вопрос о том, есть ли у вас собака, звучит так:

— Haben Sie einen Hund?

Видите, как похоже! Особенно если учесть, что артикли (einen) наши не произносят совсем — непривычно.

Несчастливая бабушка, услышав столь странное предположение, просто подпрыгивает на месте, на лице у нее появляется выражение странно-обиженное, просто непередаваемое... Матрона же, не дождавшись ответа (нет бы увидеть, что что-то не так происходит), опять повторяет свой вопрос, да с напором, погромче (старуха же, может, не слышит):

— Haben Sie Hunger?

У старушки на глазах от обиды появляются слезы, и она, не в силах выслушивать дальше подобные инсинуации, торопливо семенит прочь от болтливой нахалки, а кустодиевский персонаж недоуменно разводит руками и в порыве простодушно-равнодушного негодования восклицает в пространство: «Вот ведь дура какая!»

Пришло и для нас в Германии время купить первый в жизни автомобиль. Мы с женой долго бродили по многочисленным автосалонам и автоплощадкам, примериваясь и прицениваясь, выбирая форму и цвет, мощность и возраст... Это было что-то вроде игры, развлечения, имевшего совершенно особенный привкус причастности к этому миру, и мы его, развлечение, длили и длили, не спеша превращать в реальность чудесное удовольствие: исполнявшаяся мечта не обладает такими многочисленными оттенками.

Наконец на окраине города увидели в крошечном автосалоне яркий красный фольксваген, который обоим мгновенно понравился и подходил по всем характеристикам и параметрам. Вот только цена была несколько высоковата, и хотя и понятно было уже: нашли то, что нужно, — жена предложила сначала зайти в салон и немного поторгаться.

Хозяин, среднего возраста немец огромного роста, бегал вокруг машины, открывая ее и закрывая, показывая и объясняя, расхваливая и уговаривая... Моя жена пустила в ход все свои женские чары, и хозяин — нормальный мужик — через короткое время, что и требовалось, «поплыл». Результатом «заплыва» стала приличная скидка, после чего мы пошли подписывать договор. Впрочем, пошли не мы, а жена, потому что хозяин меня игнорировал и разговаривал обо всем исключительно с ней, будто бы я внезапно испарился из магазина.

Через несколько дней, оформив страховку (без нее вам машину не отдадут из салона) и получив номера, я, в условленный день и час, приехал забирать свой замечательный автомобиль. Герберт — хозяина звали Герберт — тут же вышел навстречу, сияя и восклицая непрерывно: «Как я рад! Как я рад!» Потом, заметив, что я один, он как-то странно посмотрел на меня и вдруг спрашивает: «А где же ваша жена? Почему вы ее не позвали? Она возле машины?» «Да нет, — говорю, — она на работе, у нее сегодня вторая смена».

Герберт внезапно ужасно расстроился, просто ужасно, мне даже неловко стало, будто я совершил какой-то проступок. «Ну ладно, идемте, — сказал Герберт, потускнев совершенно, — машина готова, вот ваши ключи, документы... Только, пожалуйста, зайдите ко мне в кабинет, всего на одну минуту».

В маленьком кабинетике, где Герберт занимал почти все оставшееся от письменного стола и книжного шкафа пространство, он поднял руку и снял со шкафа роскошный, изумительный просто букет белых роз. Только теперь стало понятно, почему он так сильно расстроился:

— Это вашей очаровательной жене. Обязательно передайте ей от меня привет. Обязательно. Счастливого вам пути.

Сегодня ей во что бы то ни стало надо было отметить на бирже труда! Иначе плакала четверть пособия, и так не слишком большого. Однажды она уже это проходила, и наступать снова на те же грабли никакого желания не было. Вот только куда же девать малыша, ведь там часами можно сидеть. Ведь часами!

Ну что ж, придется на этот раз взять Женю с собой. Другого выхода нет.

Она оторвала талончик и в ожидании, когда на табло над дверью загорится их номер, посадила малыша на колени и стала читать ему книжку.

Женька вначале вел себя смиренно, слушал внимательно сказки, играл с газетами, разложенными на низком столике... Но чем больше времени проходило, тем раздраженней и неуправляемей становился мальчишка. К середине второго часа он уже очень сильно устал и начал, как говорят у нас на Украине, казиться.

Чиновнице не повезло. Пик раздражения малыша совпал с вызовом мамы к ней в кабинет. Ребенок уже ни минуты не мог усидеть на месте, хныкал, злился, вырывался из рук, не давал разговаривать... К тому же мама, увы, понимала немецкий неважно, а малыш ужасно мешал, все внимание уходило на то, чтобы как-то с ним сладить, какое уж тут понимание!

Обычно в заведении этом изумительно тихо, а тут безобразие такое творится! Чиновница — тощая белобрысая дама лет сорока — раздражалась все больше и больше, и от раздражения лицо ее становилось все краснее, а речь все громче, быстрее и непонятнее, и несчастная мама в конце концов вообще перестала что-либо соображать и, естественно, отвечать, сосредоточившись полностью на неугомонном ребенке. А тот гибким движением выкрутился внезапно из рук, соскочил с колен и стал носиться, как ненормальный, вокруг стола, вопя и сбрасывая попеременно на пол то письмо, то ручку, то папку...

И тут произошло нечто неправдоподобное! Чиновница, поняв, вероятно, что дальше будет лишь хуже, внезапно взяла себя в руки, успокоилась и... перешла на вполне удобоваримый русский язык. После чего все уладилось в считанные минуты.

4

Начну с того, что за маленькую зарплату работать в Германии сегодня не выгодно. Выгодно в этом случае не работать совсем. Если зарплаты на полноценную (по здешним понятиям) жизнь не хватает, то соответствующие государственные органы до уровня полноценной жизни доплачивают (оставляя вам, впрочем, скромный приварок, чтобы не было окончательно несправедливо), а если вы совсем не работаете, то просто платят за все: квартиру, медицинскую страховку, лекарства, карманные расходы... Даже ежемесячный поход в кино и подарок близкому родственнику пособие социальное учитывает. И это — до конца вашей жизни. Впрочем, желающих разлюли-малиной немецкой полакомиться немного совсем. Соблазнов здесь предостаточно, а пособие — все же только пособие, да и статус социальный, честно сказать, не очень приятный.

Мы живем возле самого Балтийского моря. Совсем рядом — знаменитый немецкий курорт Травемюнде: тридцать минут на электричке или в автобусе — и вы на пляже. Однако пляжи все платные и дорогие отменно. Неважно. В конце замечательной набережной есть местечко под солнцем для тех, у кого денег не густо. Мы между собой называем это место «русской поляной». Нет, здесь, конечно, не только «русские», но их всегда много, отсюда название.

А поляна роскошная, огромная, на зеленой подстриженной травке можно в мяч или в бадминтон поиграть на солнышке, а под старыми липа-

ми от того же солнца укрыться. Через набережную скоренько перебежали и — бултых с пирса в балтийские волны... Благодать.

Однажды корреспондент местной газеты приехал на эту поляну в разгар рабочего дня и стал с простодушным видом подходить к отдыхающему народу и спрашивать, где народ шляпы такие оригинальные, необыкновенные покупает. Оказалось, что шляпки купили: на Канарах, Сицилии, в Тунисе, Египте, Израиле... Один безработный даже на Кубе панаму себе приобрел. Замечательный репортаж получился, без комментариев. И я их давать не стану.

5

Немцы учебу, которая меньше года длится, за учебу вообще не считают. А без свидетельства о специальном образовании — даже улицу убирать не доверят, не говоря уж о большем. Чтоб городской автобус водить, три года учиться нужно. Понятно?

Так получилось, что в компьютерной школе, где я целый год конструкторские программы штудировал, рождественские каникулы совпадали с окончанием курса. После праздников оставались только экзамены — и все; и решили две эти даты совместить (немного досрочно) и пышно отметить, потому как три группы, по шесть-восемь человек в каждой, — механиков, архитекторов и дизайнеров — не совсем одновременно заканчивали, и другого такого случая — всем вместе собраться — больше не выпадало. А компания славная подобралась, все друг друга, как могли, поддерживали, разъясняли, показывали, группами, чтоб бензин лишний не тратить, в школу ездили, документы составлять помогали... Я один там был иностранец, так меня человек пять опекали, потому что компьютер совсем в то время не знал, а язык понимал еще очень и очень плохо, не говоря уже о терминологии — технической и компьютерной. Чудесный народ подобрался, честное слово.

А за праздничный стол садились мы всегда вместе — студенты и преподаватели, ведь разницы в возрасте и образовании между нами почти не существовало, да и обстановка в школе была домашняя, добрая.

Ну вот, составили списки, кому что купить, и 29 декабря, пустив все занятия побоку, с утра самого стали украшать свои классы и на стол накрывать, чтоб в 10 часов, когда по всей Германии наступает перерыв на завтрак, за стол можно было сесть и в компании теплой год грядущий отпраздновать.

Обычно на столе у нас было все магазинное, а тут, только мы за стол приземлились, входит Бернд Гродтке (он у нас эксель и аксес преподавал) и вносит на блюде огромный роскошный домашний торт. Но только мои однокурсники на торт никак почти не отреагировали, будто так и надо, будто им торты ежедневно пекут. Мало того, все знали, что Берндт не женат и живет со старенькой мамой и, значит, это не просто торт, а мамин...

Публика с удовольствием ела все покушное, а мамин торт лишь несколько человек попробовали. Так он почти весь на столе и остался, и Берндт его с грустной миной обратно в машину унес.

В общем, странная это история, но поскольку я подобное еще несколько раз потом видел, то понимаю, что есть в ней нечто закономерное. А вы понимаете как знаете.

6

Гольфстрим проходит здесь совсем рядом. Оттого в местах наших всегда очень влажно, зим настоящих, морозных никогда не бывает; минус пять по Цельсию — почти что предел, но зато и лето часто холодное и сырое, ведь до родины Андерсена — чуть больше ста километров.

Когда зимним утром на улице минус и влажность процентов семьдесят, а то и все восемьдесят, караул просто, особенно если ночью еще и дождик прошел — тогда все вокруг покрывается толстой, прочной ледяной коркой, в том числе и машины.

Об этих природных фокусах нужно знать и заранее к ним готовиться. Я, разумеется, видел, как граждане по утрам стекла машин скребками дерут и бутылки со всякими жидкостями и аэрозолями на капот выставляют, но как-то значения особого этому не придавал. О, мне многому пришлось научиться в свою первую автомобильную зиму!

Зима началась только, когда в одну из ночей, при минусовой температуре, долго шел дождь; с неба просто тек жидкий лед, и наутро моя машина покрылась толстой, крепчайшей ледяною броней. Чтоб до замка добраться, да к тому же открыть — и думать нечего было. Побегал я в полной растерянности вокруг ледяного чуда и вдруг обнаружил, что над замком багажника есть крошечный козырек, который... В общем, багажник мой, после некоторой магии, взял, да открылся; обрадованный — несказанно, забрался через багажник — с помощью акробатических трюков — на место водителя и помчался скорей в мастерскую, благо маленькая мастерская находится недалеко от нашего дома.

В мастерской одна стена полностью стеклянная, и можно сквозь стену видеть, как люди работают. Как я задним ходом из багажника вылезал, тоже хорошо видно было: работяги дела свои побросали, у стенки собрались, и им, в отличие от меня, очень весело было.

Не успело моё акробатическое представление закончиться, выходит ко мне толстый мастер с седоватой шкиперской бородицей и говорит, улыбаясь:

— Вам повезло с комплекцией, интересно, что б я делать стал. Ладно, давайте ваш автомобиль, минут через двадцать все будет в порядке.

И правда, через короткое время вывели мою машину — теплую и сухую.

— Сколько я должен? — спрашиваю у мастера

— Да ничего, — смеется, — горячий воздух денег не стоит. Мне приятно вам было помочь. Езжайте. Осторожно только. Счастливого вам пути.

Черт его знает, а только у меня весь день замечательное настроение было. Хотя, собственно, что особенного.

7

Урбанизация — это когда те, кто живёт в городах, в деревне ни разу не были, вишню от груши отличают по плодам только, а как выглядит, например, корова или овца — знают лишь по картинкам да кино про животных (зоопарк не считается). В учебных планах некоторых немецких школ есть даже экскурсии на крестьянский двор, чтоб хоть так детишки о сельском мире узнали.

Пирушка в маленьком, всего человек на двадцать, студенческом общезитии подходила к концу. Было уже далеко за полночь, все были немного

навеселе и поэтому позже вспомнить, как тема возникла, не могли совершенно. А разговорились о том, кто и когда был в деревне и каких сельскохозяйственных животных хоть раз живьем видел. Оказалось, что никто, ни один человек, не был, не видел и не представляет, кто вообще там живет, что и как делает. Вот дожили!

Разговор этот странный всех так разбудоражил, что и после сна не забылся, и утром, за завтраком, решили, что в ближайшее воскресенье соберутся компанией, кто будет свободен, поедут в деревню, проведут там весь день и купят какое-нибудь животное: какое понравится и нареканий властей общежитских вызвать не сможет.

Сказано — сделано! Всем вместе, разумеется, поехать не удалось. Кто работал, кто «хвосты» университетские подбирал, кто просто поленился неизвестно куда неизвестно зачем тащиться... В общем, сообща не смогли, но человек пять-шесть желающих набралось, и они здорово повеселились в тот день: по полям побродили, воздухом замечательным надышались, даже немного, с разрешения и под присмотром дюжего фермера, на скотном дворе поработали, а жена его их за это накормила вкуснейшей домашней ливерной колбасой и яичницей, прямо на воздухе... Расчудесное приключение получилось!

А под вечер, когда стали уже с семьёй радушной прощаться, купили они петуха-барневельдера — большого, перламутрово-черного, с ярко-красным резным гребешком и алой круглой бородкой, сильного, важного... Очень он им понравился, просто необычайно!

Целый месяц по коридорам и комнатам расхаживал гордый красавец-петух, а потом двое самых нервных свезли его обратно, в деревню. И если б сказали, что за возврат заплатить надо, то заплатили б, потому что урбанизованная общежитская публика до истерики доходить уже стала, когда ежедневно, без праздников и выходных, ранешенько-ранешенько утром в гулком пустом коридоре вдруг раздавался истошный, оглушительный вопль петуха.

8

В голове иногда сохраняются странные какие-то, причудливые картинки. Событие мимолетное, сиюминутное, ни о чем совершенно — засядет вдруг в памяти, да так прочно, как если бы это было зачем-нибудь необходимо. Мне хочется поделиться с вами одной из таких картинок, чтобы, раз уж она угнездилась намертво, хоть так оправдать ее присутствие в голове.

С утра было жарко, безветренно, на небе ни облачка, необычно даже для здешнего позднеосеннего времени; и, казалось, ошиблись метеорологи, обещавшие на сегодня «временами шквалистый ветер и ливень»; прогноз этот выглядел полностью неправдоподобно. Увы, на немецком севере резкая смена погоды — не редкость, и я привык доверять таким нелогичным прогнозам: слишком часто оправдываются; да и все доверяют, и если сказано «ливень», то без зонта из дома никто не выходит.

Мне нужно было к родителям, на другой конец города, без малого час целый ехать. Я сел в автобус, полупустой в субботнее утро, и принялся от нечего делать разглядывать пассажиров. Впереди, немного наискосок, возле прохода сидел старик с массивной, совершенно не соответствующей тщедуш-

ному телосложению головой. В автобусе было жарко, и старик специально сел поближе к проходу, так, чтобы воздух из открытого люка освежал хоть немного; теперь, опершись на внушительный ярко-красный зонт-трость, опустив подбородок на руки, духотой разморенный, он спокойно дремал.

Мы успели проехать всего минут двадцать, когда внезапно все вокруг потемнело, налетел ветер, а вскорости и дождь хлынул. Да какой! Через мгновение струи воды уже текли по дорогам рекой, низвергались водопадами из водостоков, заливали стекла машин так, что дворники еле справлялись...

Через открытый люк ветер задувал струи неистового дождя и в салон. Старик сидел слишком близко к люку, и россыпь капель летела на него веером; от этого он проснулся, поглядел наверх, абсолютно спокойно открыл огромный свой яркий зонт и продолжал — как ни в чем не бывало — сидеть на выбранном месте, глядя в окно на творящееся безобразие.

Люди на остановках входили и выходили, и никого нисколько не волновало, что для того, чтоб пройти, нужно непременно попросить старика убрать зонт. «Пожалуйста, — говорили ему с улыбкой, — разрешите пройти». «Пожалуйста, — отвечал старик, — будьте любезны», — наклонял торжественно к окну купол зонта и улыбался в ответ.

Ливень бесился недолго, а когда я подъезжал к своей остановке, почти прекратился, и показался уже вдалеке кусочек синего неба. А хорошее настроение косохлест никому не испортил.

9

Господин Шнайдер господином не всегда назывался. Еще недавно совсем звался он просто Шнайдером Вячеславом Борисовичем. Внезапное превращение в господина так сильно на него повлияло, что он еще в общепитии, где, пока не подыщут квартиру, живут эмигранты, в очередь с остальными мыть полы в коридорах наотрез отказался, равно как и от другой деятельностью, не подобающей его новому статусу; даже общаться со своими соземцами бывшими стал через губу, не считаясь с тем даже, что они теперь тоже вроде бы господа и ему, Шнайдеру, таким образом, ровня.

Впрочем, довольно быстро внутреннего ощущения оказалось Шнайдеру недостаточно совершенно, и новоиспеченный барин начал настойчиво изыскивать средства внешнего воплощения своих притязаний, для чего стал одеваться хоть и на блошином рынке (фломаркте), но зато в одежду исключительно от лучших, знаменитейших фирм, купил себе хоть и старючий, потрепанный, но мерседес и так далее, и так далее.

Правда, очень скоро выяснилось, что и это не совсем то, что требовалось. Теперь ему сделалось крайне необходимым подтверждение окружающими его господиномства, но именно это и оказалось задачей практически неразрешимой для безработного эмигранта, чьи амбиции многократно превышают трудолюбие, терпение и способности. Но ни на что не взирая, Шнайдер с упорством, достойным лучшего применения, искал выход из ситуации, казалось бы, тупиковой, безнадежной, бесперспективной и... НАШЕЛ!

К тому времени, когда найденный теоретический выход смог воплотиться на практике, прошло, примерно, лет пять эмигрантской жизни. Именно через это время Шнайдер и смог купить (не в сезон, а потому и,

по меркам немецким, не дорожую) путевку на крымский курорт. Он купил ее не как большинство отдыхающих на полуострове, а за валюту, получил номер люкс в очень простеньком пансионате, явился при всем блошином параде пред очи пансионатской obsługi и стал ждать почитания и подбострастия.

Обслуга эта была еще при старом, советском режиме воспитана и господином Шнайдером совершенно манкировала. Однако Шнайдер, у которого времени для осуществления плана было совсем, совсем мало, развил просто бешеную активность... и много чего за короткое время достиг. Вот только свежий сок перед завтраком ему подавать отказывались. Наотрез. Потому что его просто не было. Шнайдер же понимать ничего не желал, махал кулаками в кабинете директора, топал ногами перед шеф-поваром... и добился и этого. Наконец-то у него — одного единственного — утром стоял на столе апельсиновый свежий сок. Но, вот безобразие, теплый! «Ну теплый же! Должен! Холодный! Быть! Очень холодный! Со льдом!», — он чуть не растерзал несчастную официантку и пить сок не стал, демонстративно, не притронулся даже.

На следующее утро, только успел господин сесть за стол, из раздаточной показалась торжественная процессия: к его столику шли, разодетые в ресторанный пух и прах, три официантки цугом; каждая несла перед собой на подносе серебряном апельсиновый сок в высоком прозрачном стакане; подойдя к господскому столику, подавальщицы низко Вячеславу Борисовичу поклонились и... грохнули перед ним на стол три стакана... с кусками апельсинового льда, в который сок превратился в холодильнике за ночь. Вы бы слышали хохот, сотрясший стены столовой.

10

В общежитии изредка собирались мы небольшими компаниями — человек по шесть-семь — поужинать, поболтать, выпить по капельке. За спиной у всех был недавний совсем переезд: невероятная нервотрепка, бесконечные унижения, горькие расставания... Нам хотелось от всей этой переездной дряни как-то освободиться, расслабиться... Вот мы от стрессов недавнего времени посиделками этими пустопорожними и избавлялись.

Так мы однажды сидели, кутили, в сотый раз делились друг с другом приснопамятными впечатлениями... И вдруг Леночка — симпатичная маленькая толстушка среднего возраста — и говорит: «Ребята, мы что, здесь все и... умрем?»

У меня кусок в горле застрял... Смотрю, а все тоже притихли, друг на друга оглядываются. Секунды всего и висела напряженность печальная в воздухе, а потом в шутку как-то все обратили, растормошились, забалагурили — и кутеж дальше пошел. А во мне вопрос этот почему-то с тех пор засел и всплывает время от времени:

«Ребята, мы что, здесь все и... умрем?»

11

Они приехали из глухой казахстанской деревни — муж с женой и мальчик с синдромом Дауна. Муж в совхозе трактористом работал, а жена

бухгалтером там же; и когда у них такой необычный, с азиатским разрезом глаз, ребенок родился, решил тракторист почему-то, что жена с председателем совхоза — казахом — ему изменила, со всеми вытекающими из этого для жены последствиями.

Доказательств неверности жениной не было, разумеется, никаких, но так мужика нелепое предположение проняло, что уже ничьи доводы на беднягу не действовали. Даже когда местный фельдшер ему объяснил, что ребенок родился у них, к сожалению, больной, неполноценный, и болезнь эта лечению сегодня не поддается, что в нормальную школу ходить никогда не будет, что долго с болезнью такой не живут и разрез глаз у ребенка — тоже от этой болезни, из-за чего она раньше «монголизм» называлась, даже тогда ревнивец-тракторист не поверил, решил, что председатель с фельдшером сговорились и хотят вокруг пальца его обвести. Но кое-что важное для себя он из беседы с медиком вынес: в школу ходить не надо, жить долго не будет. На основании этих сведений и принял решение дикое, невероятное просто: непонятно чьего ребенка (кому охота, чтоб в деревне над тобой насмехались) из дома больше не выпускать, в дом посторонних тоже не пускать никого, ничему пацана не учить, ждать, когда очокурится. Точка.

Когда эта семья эмигрировала из Казахстана в Германию, мальчик-даун совсем большой уже был — лет четырнадцати — пятнадцати. Разговаривать он не умел, мычал только. Ел руками. Вместо зубов изо рта черные пеньки торчали. На улице у него начиналась истерика, и он только в каком-нибудь замкнутом, не слишком освещенном пространстве успокаивался. На незнакомых людей, точно зверь, набрасывался, мог покусать, исцарапать. При виде машин впадал в ярость неопишемую. В общем, был чем-то вроде Маугли, превратившегося в звереныша среди человеческих особей.

В Германии не учить ребенка в школе запрещено. Даже если ребенок неполноценный. Даже если неполноценный, слепой и полностью парализованный. Нет никаких исключений! Во-первых, вы не будете получать от государства пособие — «детские деньги», а во-вторых, вас накажут, согласно гражданскому законодательству.

Поэтому после приезда дикий подросток-даун попал, наконец, в специальное учебное заведение. Каждый день за ним домой приезжал микроавтобус и забирал его в школу, а вечером привозил обратно. Дело это было не простое и даже опасное. Пока его заводили, как быка упирающегося, брыкающегося и ревущего, в автобус и там ремнями безопасности к креслу пристегивали, семь потов сходило с шофера и помощника, много чего повидавших и умевших. К непростой этой операции хотели даже привлечь родного отца. Его, безработного, в штат обещали зачислить и зарплату платить, да он отказался.

С тех пор, как я об истории этой узнал, три года прошло, и событие среди прочих в памяти затерялось. А недавно гуляли мы в парке, который находится на территории заведения для душевнобольных и одновременно городу принадлежит, и встретили сильно повзрослевшего, растолстевшего больше прежнего дауна-переселенца — его нетрудно узнать было по длинному тонкому шраму на правой щеке. Он катил важно на взрослом трехколесном велосипеде с толстой сумкой через плечо; я окликнул его, поздоровался. Он остановился, осклабился в фарфоровой улыбке и произнес

важно и вполне членораздельно: «Их бин Зергей. Их арбайте хир. (Я работаю здесь)», — и покати́л себе дальше.

К слову сказать, дауны до семидесяти лет теперь запросто доживают.

12

У них были такие разные лица, характеры, судьбы... А потом их, шесть миллионов, превратили в одинаковый дым и пепел, развеяли по ветру, смешали с землею... Даже праху их некуда прийти поклониться.

Его зовут Гюнтер Демних. Герр Демних отлиывает плитки из бронзы, гравировывает на них имена тех, кто стал дымом и пеплом, и вмуровывает плитки в асфальт узких, сходящих к воде улочек старого города, где они жили когда-то.

Сейчас этих скорбных памятных знаков уже почти двести, и я много раз видел, как их, даже в толпе, осторожно обходят и стараются не наступить.

13

Месяца через три — четыре после приезда в Германию заболело у меня горло. Сначала слегка болело, и я пытался самолечением заниматься. Дальше — больше, пока я уже не выпил все лекарства, с собой привезенные, в медикаменты соседей по общежитию тоже успел солидно забраться и, наконец, не понял, что без врача мне обойтись не удастся. Нет, бог ты мой, я — не неандерталец, но с языком было жуткое дело — во-первых, а во-вторых, ни разу мы здесь у врача еще не были, и что и как это будет — совершенно не представляли. Трусоват оказался то есть, вот и тянул в надежде, что ситуация как-нибудь сама рассосется. Не рассосалась.

Мы с женой поначалу все наши бытовые и языковые проблемы вместе решали, складывая наше знание и понимание, умножая его двукратно, поэтому вдвоем приехали в центр города, нашли на одном из зданий табличку «лора», зашли и заготовленными заранее фразами объяснили, что нужно.

Оказавшись в заведении просто роскошном: на столе под окном — воды в цветных бутылках, на стенах — картины в тяжелых рамах, чудесная мебель, растения, вьющиеся по огромным окнам... мы обалдели просто, рты открыли (благо, кроме нас никого в помещении не было) и стали с открытыми ртами врача дожидаться.

Врач оказался таким, какой только и должен был быть в этом дворце — импозантным, высоким, одетым с иголки... «Идемте со мной», — сказал он, важно подавая мне руку с высоты своей импозантности. В большом, уставленном разнообразной аппаратурой кабинете меня тщательно осмотрели, многословно поясняя каждое действие, выписали аэрозоль и сосательные таблетки от боли и предложили непременно прийти с утра, на тощак, тогда и возможно будет окончательно поставить диагноз.

Мы, конечно, пришли. Смотреть меня больше не стали. Зато сделали тридцать шесть проб на аллергию и внушительно сообщили, что аллергии, к счастью, у меня нет, а есть простой ларингит, который вскоре должен пройти.

Оставалось только посмеяться, вздохнуть разочарованно и уйти. Но горло-то болело все так же, и что-то нужно же было делать! И тут жене в го-

лову пришла, как потом оказалось, очень удачная мысль: мы просто зашли в первую же аптеку и попросили подсказать, где здесь недалеко принимает хороший отоларинголог. Аптекарь оказался чудесно любезен. Он не только написал адрес и нарисовал расположение, но даже вышел с нами на улицу и показал, как добраться до дома с высоким крыльцом, рядышком с кирхой, сказав на прощание, что теперь я обязательно скоро выздоровею. Так мы попали к Барбаре, замечательной Барбаре!

Здесь было все совершенно обыкновенно, зато народу было — не толкнуться, детей маленьких множество; нас поначалу даже принимать не хотели, сказали в регистратуре, что только через неделю, но потом сжалились, и часа три пришлось провести в ожидании своей очереди.

Небольшого росточка, пожилая, слегка полноватая женщина выпорхнула сияя, радуясь нам, точно близким родственникам, протянула руки сразу обоим и кивнула, приглашая идти за собой в кабинет. Легко двигаясь по маленькому кабинету и непринужденно болтая, расспрашивала о том, что болит, и занималась попутно какими-то подготовительными делами. Наконец подошла ко мне, наклонилась с улыбкой над креслом, сказала: «Откройте, пожалуйста, рот...»

Она вдруг удивительно переменилась, как подменили. Улыбка исчезла, лицо стало жестким, замкнутым, серые глаза потемнели, все движения стали собранными и экономными... Я потом все это видел множество раз и каждый раз заново поражался мгновенной и полной ее отрешенности, этому необычайному умению сосредоточить молниеносно свои мысли, волю и чувства на пациенте. Будто в этой скромной комнатке, волшебным образом, оказывался в мгновение ока один из Асклепиадов.

— Вы сказали, что были уже у врача. У кого?

— Я не помню.

— Очень жаль. У вас горло здоровое, а вот корень языка воспален сильно. Я выпишу антибиотики, но и после того, как пройдет воспаление, болеть еще будет долго, нерв задело.

Она отклонилась и тут же вспыхнула ослепительная улыбка:

— Приходите ко мне через три недели. Я буду рада вас видеть здоровым.

Десять лет минуло с тех пор. Наша добрая Барбара засобиралась на пенсию. Жаль, просто невероятно жаль, что я больше никогда не увижу, как налетает внезапно исцеляющий ветер с острова Кос.

14

Мне почему-то кажется, что общие недостатки сближают людей гораздо легче, чем их достоинства. Найдя в ком-либо кучу не присущих мне достоинств, я начинаю комплексовать и растерянно озираться. Я чувствую себя так, как должен себя, наверное, чувствовать дистрофик в компании борцов сумо.

Задолго еще до приезда в Германию я был уже наслышан о врожденной немецкой пунктуальности, напуган необычайной немецкой аккуратностью и педантичностью, а знаменитыми немецкими дорогами бредили все знакомые автомобилисты. «Никогда, — думалось, — никогда не удастся стать естественной частью этого отточенного мира». Поэтому, когда на тре-

тий день по приезде автобус опоздал на 10 (!) минут, я гордо поднял голову и подумал, что все еще, может быть, не так плохо. А когда увидел, как местные жители бросают окурки не в урну, а прямо на тротуар, понял, что все еще даже (!) может быть хорошо.

Я, конечно, скучаю. И, как водится, недостатки прошлой жизни помню лучше достоинств. Наверное, для того и оставлен кусок исконной ухабистой русской дороги на самом подъезде к нашему дому почти на окраине города. Вечером, поздно, когда не видать уже из окна опрятных немецких домишек, я закрываю глаза, откидываюсь на спинку сиденья... Мое тело трясет, громяхая по кочкам, немецкий автобус, и кажется, что я — дома! И душа — отдыхает...

А недавно я ждал жену возле выхода из универсама и вдруг обнаружил дыру у себя на штанине. Бог весть откуда взялась! Я присел на корточки и стал ее пристально разглядывать.

— Was ist? (что случилось?) — раздалось неожиданно рядом, и худой темноглазый старик навис надо мною.

— Hier ist ein Loch (здесь дырка), — заявил я печально, подняв к нему голову.

— Das ist ja toll! (это же классно!), — расцвел вдруг в щербатой улыбке старик и, салютуя оттопыренным большим пальцем, нетвердо ступая, отправился прочь.

Хранители

1

Говорят, что лес — это не просто растущее рядом множество деревьев, а своеобразный живой организм. Мы видим лишь путаницу ветвей деревьев и кустарников, густоту трав, цветные пятнышки грибных шляпок. Но там, под землей, невидимое нам переплетенье корней и грибниц превращается в своеобразную нервную сеть, по которой передаются единые для всего этого растительного царства сигналы боли и неблагополучия, или, напротив, удовольствия и блаженства. В соответствии с ними этот единый зеленый организм вырабатывает стратегию роста, как-то реагирует. Мы же, люди, не замечаем или не осознаем этих ответов только потому, что наше наблюдение лесных событий обычно слишком кратковременно, и мы способны видеть лишь частности.

Мне кажется, что и города — это не просто стоящие рядом дома и живущие в них люди, улицы и скверы. Это тоже своеобразный живой организм со своей душой и характером. Конечно, превращение это происходит не сразу. Вначале люди строят свои дома в соответствии с генеральным архитектурным планом или как Бог на душу положит. Протягивают между домами ниточки дорог, проливают в землю свои кровь, пот и слезы. Напиваются вспышками эмоций места торга и общественных сходов. А главное, укладывают в землю прах своих близких.

Не могу судить, куда улетают души — в рай, ад или неведомый астрал, но наши телесные оболочки остаются здесь, на земле, точнее, в ней. Крохотные частички прежде любимых тел прорастают цветами и травами, опадают вновь листвою, превращаясь в песок и глину, становятся кирпичами зданий и основанием дорог, по которым спешат потомки.

Видно, потому уехавшие далеко от тех мест, где родились и выросли, многие, подходя к роковому рубежу, начинают вдруг ощущать притяжение родной земли, её негромкий, но настойчивый призыв. Расставшись с беспоконной душой, кирпичики тела хотят вновь соединиться с прежде известными атомами в причудливом, но родном калейдоскопе жизни.

Частички, остающиеся в круговороте жизни, влитые в новый живой организм, наполнены сиюминутными ощущениями до краев и меняются вновь и вновь. Но заключенные в кирпич, цемент, дорогу, превращенные в тело города, частицы эти уже не могут изменяться так быстро. Вначале они отзываются только на сильные вспышки страстей, которые время от времени сотрясают любое человеческое поселение, затем потихоньку начинают резонировать с близкими им по прежней, человеческой жизни эмоциями — любовью, ненавистью, вдохновением, страхом, стремясь вновь ощутить приятные и избежать травмирующих. И вот они постепенно обретают собственную память и начинают потихоньку, незаметно влиять и на нас, жителей города.

Так город становится живым. И как любой живой организм начинает расти в соответствии не только с железобетонными планами, которые стро-

ят люди, но и стихийно, нарушая все расчеты, непредсказуемо, иногда нелепо, но органично. Не сразу, не за одно поколение жителей, незаметно для них, постепенно настоящий город обретает душу и характер, свою судьбу.

У всех они разные. Одни вырастают в гигантские мегаполисы, где кипит энергия и бушуют страсти. Другие остаются маленькими, тихими и спокойными. Но все состоявшиеся города обладают этой сердцевиной. Как мы не видим переплетенье корней и связь всего живого в лесу, так и возникшая прочная связь между элементами города, его нервная система, скрыты от нас и не осознаются нами. Но ощущаются... И пока жива эта странная душа, жив и город. Даже если природные или социальные катаклизмы разрушат его дороги, сравняют с землей стены, город вновь возродится и оживет, как Рим, Рязань, Сталинград. А если жители умертвили эту невидимую общность, улетела душа города, то улицы прорастают джунглями или тайгой, заносятся песком или снегами.

2

Для того, чтобы с этой душой не случилось плохого, Городу нужны Хранители. Люди для этого не годятся. Они так недолговечны и беспокойны! А потому Города создают себе руками людей более прочных жителей — каменных, бронзовых, медных, — хранителей своей души и памяти.

Некоторые считают, что Каменные львы — главные хранители духа любого города. Но это не совсем так. Действительно, львы, эти царственные животные, появлялись в столице любой империи как символ её мощи, величия, силы духа и благородства. Затем имперскими наместниками появлялись во всех мало-мальски крупных городах страны. Не закрывающие глаз даже спящими, львы становились бдительной стражей, зорко высматривающими опасность. Они многое видели на своем веку, хранили тайны и отгоняли опасности.

Когда вдруг жители городов начинали войну с другими памятниками и побеждали в ней (ведь несмотря на прочность металла и камня, застывшие воины и короли так беспомощны перед мягкими и непрочными живыми человеками), Львы оставались неприкосновенны, становясь островками стабильности в стремительно меняющемся облике городов. Они связывали воедино рвущуюся нить времени, памяти и пространства, напоминая об исчезающем единстве империи, былой мощи и величии. Львы внушали жителям своих городов, что мощь не только в силе зубов и когтей, но главное — в силе духа. Что величие и царственность не только в том, сколько врагов ты заставил пасть ниц, но и в стойкости, великодушии, благородстве. Увы, увы! Не всем был внятн их каменный язык.

Львы перестали быть Царями в новой стране, собранной из обломков старой, и превратились в хранителей. Символом новой империи и нового единства стал памятник не воину на коне с оружием в руках, поражающему мощью, силой или красотой, а невысокому лысому мужчине с хитрым прищуром глаз, принципиально не держащему в руках никакого оружия. Его оружием стало слово, мысль, идея, мечта. Подчинив их себе, он обрел власть, какой не знали воины с мечом, копьём и даже автоматом.

Веря в его магическую силу, жители страны ставили этих новых идолов в каждом городе, а в некоторых даже и не одного! Помню, в Одессе поч-

ти в каждом ведомственном санатории считали необходимым поставить собственного Вождя, и сверкали они своими золотыми лысынами, смешные и непохожие на прототип, почти вдоль всей прибрежной полосы.

В старых городах, где продолжали стоять львы, особо заслуженные цари и императоры, дюки и поэты, этот новый каменный житель не мог стать средоточием души города, выразителем его индивидуальности. Его задачей становилось хранить единство новой империи, соединять энергию народа и власти во что-то однонаправленное. Ну что ж, это ведь тоже важно?...

3

Обычно, чтобы у города зародилась душа, требуется смениться несколькими поколениями. Но строившие наш Город люди принесли сюда Мечту о своей стране, которая набирала силу не один век, страстную жажду своей земли не одного человека, и даже не тысяч приехавших, но целого народа. Они так стремились враси в эту влажную, болотистую почву, совсем непохожую на сухую и горячую землю прародины, что когда мечте стали ломать крылья и она улетела на новый-старый берег, её маленькая горячая часть всё же осталась здесь. Вросшая в непривычную для неё землю, переплетясь с мечтами и чаяниями других народов, обживавших и строивших вместе новую жизнь, эта искра стала той песчинкой, вокруг которой росла жемчужина души новорожденного Города.

Раньше в Биробиджане львов не было. Разве что в гастролирующих цирках и зоопарках. А нужда у маленького города в своем долговечном Хранителе и защитнике была. Вот и стал им вначале единственный в городе памятник Владимиру Ильичу, стоявший в окружении цветов и деревьев на единственной площади. Невысокий человек, сдержанный, почти домашний — маленький памятник для маленького города, где все жители знали друг друга в лицо. И он знал и видел их всех. Стоя на своем невысоком постаменте, наблюдал, как вокруг набегают и движется жизнь горожан — щебечут дети, школьники и малыши, спешат мимо него на вокзал, работу или в больницу взрослые, что-то горячо обсуждают вышедшие из здания редакции газет люди. Они не всегда замечали его, а он впитывал их кипучую энергию, проникался сильными, яркими чувствами, вслушивался в разноязыкую речь, чтобы потом, в трудные минуты помочь душе города выстоять, сохраниться, согреть своих горожан.

Но город рос, менял деревянные тротуары и дома на асфальт и камень, наполнялся машинами и новыми людьми. Появлялись новые улицы и новые школы, заводы, площади и скверы. Для новой просторной площади, открытой ветрам и свету, старый Ильич не подходил и потому был отправлен куда-то в почетную ссылку. Сюда выписали столичного жителя, и он, высокий и строгий, по московской привычке первое время жителей особо не замечал. Повернувшись спиной к городу, всё внимание он направил на энергию власти, пульсирующую в двух зданиях, обрамлявших площадь. Лишь иногда, по большим праздникам, он снисходительно всматривался в прокатывавшуюся мимо волну горожан, украшенную флагами, бумажными цветами, воздушными шариками, доброжелательно внимал их приветственным крикам. Волны радости, праздничного возбуждения, пьянящего коктейля эмоций окатывали его и потихоньку согревали каменное сердце.

4

Городу, привыкшему к более тесной связи с людьми, ходившими по его тротуарам, жившими в домах, ложившимися в его землю, этого отстраненного взгляда было мало, и он потихоньку пытался выращивать новых хранителей, каждый из которых воплощал какую-то черточку его души. Ими становились и танк, вставший на постамент, и каменный хоккеист, и маленькие барельефы на стенах зданий. Они понемногу прорастали где-то на периферии внимания — на спокойных тенистых улочках или окраинах, в новых микрорайонах и на старых домах. Но до поры до времени над всем этим маленьким сообществом безусловно царил монумент Вождю.

И вдруг всё переменялось... У его ног больше не прокатывалась два раза в год шумная и весёлая волна горожан, а собиравшиеся иногда в апрельские дни группки людей излучали теперь волны гнева, обиды, возмущения. Из долетавших до Ильича слов, ему стало ясно, что и само его существование находится под угрозой. Его собратьев в других городах сносили, обливали краской и грязью, отправляли на задворки. Да и сам он чувствовал, что единое пространство империи, воплощением которой он был, рвалось и истончалось. В его каменной лобастой голове поселились тревога и недоумение. Люди, за которыми он так пристально наблюдал, были вроде бы те же, а вот речи их, кардинально поменялись. Мир, который он знал, рухнул, и сам он превратился в забытый всеми обломок...

Пролетело незаметно ещё несколько лет или даже десятилетий, и наш Ленин нашел свое место в изменившемся мире города. Он стал проще и теплее, глядя с величавой снисходительностью на своих горожан, рассказывающих, как воробьи на жердочке, у его ног, с пивом, мороженым, фотоаппаратами в дни праздников и концертов, проходящих на площади. Вновь рядом с ним шумела радостная толпа, взлетали фейерверки, гремела музыка, бегали дети. Устало, но пристально приглядывался он теперь к домам Власти напротив, ощущая ответственность за те маленькие, горячие комочки жизни, что каждый день приходили в мир за его спиной.

С каким-то даже облегчением Ильич думал: "Всё, хватит! Пора на покой. Я теперь не Главный хранитель, а пенсионер, рядовой каменный житель этого города". Но впечатанная в камень ещё при рождении ответственность за неразумных и недолговечных, но таких теплых и беспокойных подопечных требовала от него найти себе замену среди незаметно подросшего каменного пополнения.

5

В ночной тишине, под призрачным светом фонарей, пустая улица казалась каменным ущельем, на дне которого прячется неведомое. Ветер подхватил брошенный пакет и взметнул высоко в воздух. Похожий на маленькое привидение он пометался на высоте человеческого роста и, словно увидев добычу, резко рванул вниз. Но долететь до земли не успел. Сильная серая лапа, стремительно выброшенная навстречу, подцепила его на крепкий коготь и вновь подбросила вверх. Словно играющий кот, лев, спрыгивая с высоты камня, постарался в прыжке ещё раз поддать по пакету.

— Прекрати, Во Ван! У нас сегодня важное дело, — раздался суровый рык с соседнего постамента, и рядом приземлилась точная копия первого зверя.

Впрочем, Лео Ван не сердился на брата. После долгого неподвижного сидения в одной позе на посту возле торгового центра так хотелось размяться, насладиться силой мышц, остротой когтей, послушностью сильного тела. Долгие дни и ночи эти каменные львы несли свою службу, верные делу, для которого их создали китайские мастера. Оскаленными клыками, выпущенными когтями и неслышимым для людских ушей тихим рыком отпугивая зло и бедность от стоящего за их спинами здания. Лишь иногда в совершенно безлюдные ночи они позволяли себе сойти с постаментов и серыми тенями промчаться по городу.

Хотя время от времени Во Ван позволял себе и не сходя с места пошутить с человечками. То подмигнуть поднимающейся по лестнице красотке с развевающейся белой гривой, то чуть-чуть пошевелить ухом, стряхивая обнаглевшего голубя, то легонько прихватить когтем забравшегося к нему любителя сделать фото на память. Забавно было видеть ошеломлённые лица и не верящие себе глаза. Впрочем, его точные и выверенные движения длились не больше мига. Взмах ресниц — и всё как было, застывшая в камне фигура льва. Померещилось!

А сегодня у них был серьёзный повод для путешествия по городу. Надо было донести до всех каменных жителей города важную весть — прежний Вожак одряхлел и отказывается от власти — и решить со своим прайдом, будут ли они заменять его. В их небольшой, но постоянно растущей львиной стае, именно Во и Лео Ваны были признанными лидерами. Не потому, что старше других (это не так) или сильнее, а потому, что изначально сделанные под европейцев, они лучше понимали ставший им родным Город. Встав на посту, они первым делом выбрали себе новые европейские имена. Услышав, как один из прохожих окликнул знакомого: «Ну чё, Во Ван, как делишки?», левый лев очень обрадовался, что сможет взять себе здешнее имя, но с милой его сердцу частичкой Ван. Правый согласился с этой общей фамилией, присоединив к ней имя не совсем здешнее, но всё же не китайское — Лео, что значит Лев.

Да и место, где они стояли было особым. Это был настоящий центр Города, его солнечное сплетение. По этой короткой пешеходной улочке проходил хотя бы иногда каждый житель и гость города. Здесь покупали и продавали, отдыхали и праздновали, ели мороженое и катались на лошадях, развлекались и работали. Братья Ваны всегда были в курсе цен на картошку и на валюту, видов на урожай и тенденций моды, кто приехал в город и какой фильм обсуждают горожане. Кому же, как не им возглавлять прайд? Не этой же парочке у одного из китайских ресторанов, которая никак не могла поверить, что находится не в Поднебесной? Что, впрочем, и не удивительно. И сами эти фигуры выглядели как воплощение Будды в львином облике, и всё остальное, по их мнению, ничем не отличалось от Срединной империи. За их спинами стоит прекрасное в своём разноцветье с характерной крышей и красными фонариками здание, их ноздри овевают знакомые запахи специй и приправ, и лица хозяев, поваров и посетителей ничем не отличаются от канонов народа хань. А то, что иногда (пусть даже часто) среди них встречаются некрасивые лица северных варваров, так что ж — в Поднебесной империи цветут сто цветов и живут сто народов. В этой провинции такие поданные... И с этой идеи их было не сдвинуть.

Но всё же и их надо было спросить — стоит ли львам становиться главными хранителями Города? Или уступить эту честь другим его долговечным обитателям?

6

— Во Ван, не разгоняйся сильно. Давай сразу заглянем к уважаемому соседу.

— Конечно, брат!

В начале улицы, недалеко от братьев, в удобном кресле сидел сухощавый мужчина в круглых очках и с книгой в руках. Сразу было видно, что человек это знающий и мудрый, чиновник или даже судья! Ведь это его именем, как слышали Ваны, была названа эта улица, а такую честь надо заслужить. Пару раз братья видели, как рядом с ним собирались горожане, играла музыка, его восхваляли в стихах и прозе. Да и так видно было, что жители относятся к нему с почтением: возле его ног лежали цветы, дети и взрослые постоянно стремились запечатлеть себя на его фоне. Нет, он наверняка был судьёй в своей прошлой жизни! — верили Ваны. И имя у него было для этого подходящее — ША. Судья ША — согласитесь, звучит? Правда, как человек бесконечно скромный, на прямой вопрос Лео судья ША лишь иронично улыбнулся и промолчал, и братья, уважая это молчание, обращались к нему просто — достопочтенный ША.

Именно в нем расчётливый Лео предполагал будущего нового лидера, потому и торопился выразить, впрочем, вполне искреннее почтение и лояльность.

7

Душа города сразу при рождении была двуязычной. Ещё только поднимаясь из своей колыбельки среди сопок и болот, он впитывал в себя мелодии двух языков, равно рожденных далеко от этих таёжных просторов, но пришедших сюда обживать эту землю. Но на одном из звучащих о нём говорили с особой страстью и трепетом, вглядывались в его младенческие черты и видели будущего богатыря и красавца, умницу и богача. «Ты особый, единственный, самый-самый, напоённый молоком и мёдом мечты!» — слышалось ему.

Он был ещё младенцем и потому, не вникая в подтексты, рифы и выражи жизни своих родителей, просто купался в «мамэ-лошн», звучащем в бараках строителей и в важных кабинетах, в школе и на театральных подмостках. Язык набирал силу, наращивал мускулы, и тогда родителям-первостроителям было достаточно, чтобы «достопочтенный ША» пришёл в родившийся Город звучанием своего доброго и мудрого имени — Шолом-Алейхем, «мир вам»! Как камертон, напоминание, оберег.

Но вот чёрные волны тревоги, тоски и горя накрыли город, затем к ним добавился страх, и один из родных для него языков словно съежился. Потом чёрные волны отступили, но в Мечте, из которой и рождалась кипучая энергия преобразования, что-то безнадежно сломалось. Казалось бы, всё ещё было почти так же, почти... почти... Но словно надломленная, пусть и перевязанная ветка уже не цветет как прежде, так и ткань «мамэ-лошн» начала понемногу усыхать. И чувствуя это, Город пытался усилить свой оберег, превратив его из простого звучания имени во что-то материальное. Вначале — в

барельеф, который поселился в стенах здания, тоже носившего его имя, среди страниц, на которых в древних узорах букв жили слова, сказанные им.

Но этого было недостаточно. Язык, изгнанный из высоких кабинетов, с профессиональной сцены, а самое главное — из школы, продолжал своё печальное отступление. Но всё ещё жил на улицах и в домах, в колыбельных и шутках, тихом шепоте и громких песнях. И потому мысли о памятнике писателю, бродившей в головах горожан, не хватало напора, чтобы воплотиться в бронзовую фигуру. Тем более что дел и добрых забот городу и его жителям хватало. Он стремительно рос, прирастая домами и микрорайонами, цехами и заводами, школами и детсадами. В этих новых домах не было особой красоты или хотя бы индивидуальности, но они были согреты радостью новосёлов, плачем новорожденных и смехом подрастающих детей, спокойной уверенностью взрослых. Потому Город, хотя и не стал тем красавцем, что виделся когда-то в чертежах и планах задумывавших его архитекторов, не грустил об этом. Он был чистым, ухоженным, зелёным, уютным и главное — любимым, а значит, всё ещё у него впереди, — думалось и ему и жителям.

Но вдруг привычный мир стал рушиться. На Город вновь нахлынула тёмная волна из эмоций горожан — тревоги, печали, тоски. В этот раз меньше было страха и чёрного горя, но больше беспомощности, растерянности и непонимания. Часть жителей, как птицы, снялись с мест и полетели туда, в те земли, куда когда-то ушла Мечта. А с ними ушел из дворики и скверов один из языков, с которым когда-то рождался и рос Город. Лишь эхом прошлого звучала вдруг в оставшемся мелодия интонаций, знакомая неправильность речи, слова-осколки, напоминавшие о былом.

Вот тут-то и появился он, «достопочтенный ША», как называли его братья Ваны. Сел в кресле основательно и надолго, как в рабочем кабинете родного дома. Впрочем, почему как? Разве улица, носящая его имя, не истинный дом для памяти и для памятника?

Шолом-Алейхем вглядывался иронично и немного грустно в лица спешащих на базар продавцов и покупателей, галдящих мальчишек-школьников и весёлых студентов, мам с колясками и гостей, вслушивался в их речь, и уловив знакомую мелодию интонаций, вкусное слово, торопился внести их в свою книгу, чтобы на железных страницах удержать их в этом городе.

8

Лео поплакал из шара-фонтанчика на своей пешеходной улице. В пасти у него пересохло после долгих споров в своём прайде. Парочка от ресторана была твёрдо убеждена, что лишь их львиная семья, истинные дети Поднебесной, должны быть главными среди этих северных варваров. Кто, кроме них, трудолюбивых и цепких, сможет приобщить жителей этой провинции к великой и древней культуре? Разве не дети Срединной империи одевают и обувают жителей города, кормят яблоками и мандаринами, делают игрушки для малышей и гаджеты для взрослых, строят дома и обрабатывают землю (пусть пока и не всю)? Значит, именно они — львы, существа, рожденные для власти, и должны занять освобожаемое место.

Лео едва не охрип, пытаясь объяснить, что они ещё не понимают этот Город и его жителей, ещё не слились до конца с ним, а значит, не могут и править. Ведь власть благородного правителя — это прежде всего забота о

подданных, даже строгость и гнев его служат этой цели. А как можно заботиться, не понимая, не зная, что есть истинное благо для этих людей? Но всё бесполезно! Его слова разбивались об их суровые морды и каменные головы. Пока у Во Вана не лопнуло терпение. Он выскочил в середину круга, поддал лапой одному, рыкнул на другого, и пристально глядя в глаза каждому, спросил: «Кто-то хочет оспорить слова Вожака?» Желаящих не нашлось, и прайд единогласно решил, что в этот раз они не будут выдвигать своего кандидата ни на роль вожака, ни на пост главного Хранителя.

И теперь они обегали остальных каменных жителей, оповещая об общем сборе и прикидывая, кого поддержать.

9

— Приветствуем тебя, благородный воин ИС! — закричали братья, едва завидев мощный и хищный силуэт друга-танка. Им удавалось встретиться не часто. Танк стоял на своем постаменте довольно далеко от той улицы, где обитали львы, и добраться до него им удавалось лишь в долгие ненастные ночи. Если бы не сходство душ — и танк, и львы были бесстрашные и благородные воины, любящие обсудить военные хитрости, тактику и стратегию боя, то в такую даль львы бы вообще не забирались!

Братья Ваны искренне уважали ИС. Ведь он был настоящий! И прожил реальную жизнь служивого, прежде чем стать памятником. Правда, повоевать ему не пришлось. Этот ИС никогда не участвовал в боевых сражениях. Он был собран в 1944 году, назван в честь Иосифа Сталина и получил приставку три по номеру серийной модели. В то время как его собратья, выпущенные раньше, защищали просторы родины, ИС-3 ждал своей славы в тылу. Он опоздал на две войны — и ту, что несколько долгих лет громычала на Западе, и на ту, что стремительно отгремела на Востоке. Именно на эту восточную битву его когда-то отправили прямо с заводского конвейера, но пока танк добирался — война уже кончилась. Что ж, как истинный военный ИС исполнял приказ и честно служил в строю долгие годы. Когда на смену ему пришло следующее поколение танков, его вкопали в землю и превратили в маленькую крепость, защищающую свой берег пограничной реки от возможного нападения. А когда все сроки службы вышли, и танк собирались отправить на переплавку, его увидел молодой парень, родившийся тогда, когда большинство сородичей ИСа уже ушли в отставку, и, узнав его историю, сумел убедить всех, что ветеран достоин ещё одной жизни.

Теперь танк по прозвищу «Щука» вновь охранял и защищал память о великой Победе и о 60-й танковой бригаде, что в самом начале войны была сформирована в этом городе. Ему было что вспомнить и рассказать. Правда, вначале к Ванам он отнесся настороженно. Как-никак, создавали его для войны с «Тиграми» и «Леопардами», да и потом столько лет смотрел на Поднебесную сквозь прорезь прицела. Но их искреннее восхищение, готовность слушать байки из прошлого и врожденное благородство хищников сломало первоначальный холодок, так что теперь они были хорошими приятелями.

— Как здорово, что вы забегали! — радостно и взволнованно крикнул им ИС.

Обычно спокойный и сдержанный, сегодня он прямо подрагивал от волнения и коротко взрыкивал от возбуждения.

— Нет, вы слышали это?! Я-то думал, что про «на запасном пути» это поют так, для красоты слова, а оказывается вон оно что...

Лео и Ван переглянулись, им песня про пути была не знакома.

— О чём это ты?

— Да вот, говорят по соседству таких, как я, сняли с пьедесталов, подшаманили, и снова в бой против фашистов. Конечно, мы ещё ого-го! Знаете, сколько наших стоит по стране? Может, и мне ещё удастся повоевать? — ИС с сумасшедшей надеждой всмотрелся в братьев. То, что он опоздал на большую войну, оказывается, всё ещё мучило его.

Глядя на ошарашенные морды львов, танк понял, что они его энтузиазм не разделяют.

— Так это...

— Это же в другой стране, — с трудом нашелся Лео.

— Какой другой? Вы что-то путаете, ребята. Это вы с другого берега, а мы с ними в одной стране родились, в одной армии служили, против одних врагов воевали. Мой механик-водитель как раз оттуда родом был, я помню... Я вот только не совсем понял — с кем они там воюют, небось, опять с немцами?

— Да вроде нет... Кажется, какие-то укропы с колорадами.

— Не понял? Это что, битва за урожай, что ли? Ну, тогда бы речь о тракторах да комбайнах шла... Всё-то вы путаете! — ИС, видя что с братьями особо не обсудишь волнующую его тему, вежливо спросил: — Ко мне-то каким ветром вас занесло?

Лео и Ван переглянулись:

— Да так, повидаться забежали. Нам пора. Спешим.

— Бывайте! Забегайте ещё.

Лишь отбежав достаточно далеко, Ван рискнул сказать:

— Это ты правильно промолчал. Услышал бы про отставку Вождя, башню бы у него совсем снесло. Ильича «Иосиф Сталин» уважал, он для него авторитет!

— Это точно. И кто знает, с кем бы он тогда повоевать захотел. Может даже вновь на Поднебесную бы нацелился.

Братья переглянулись и помчались ещё быстрее.

10

Им предстояло забежать по дороге к хоккеисту, оповестить и его. Часть жителей местного долгоживущего сообщества они, считай, уже оповестили, забежав перед посещением танка к брату достопочтимого ША. На их родство указывало и имя — Мой ША. Да и как потом узнали львы, отец у них тоже был общий. Но если достопочтимого ША львы глубоко уважали, то брата его даже побаивались.

Во внешности этого маленького и смешного мужичка не было ничего от воина и охотника. Он не походил ни на Голиафа, ни даже на Давида. У него не было ни острых клыков, ни страшных когтей, ни рельефных мышц. Мой ША избегал прямых конфликтов, даже словесных, любил отвечать вопросом на вопрос, и если собеседник не понимал тонких намеков и подковырок, а норовил грубо нахамить, то просто прекращал общение. И хотя слова «Не мечите бисер перед свиньями» были записаны не совсем в той Книге, что он почитал, но разделял их на все сто. Может быть поэтому Мой

Ша никогда не навязывал и не проповедовал кому-то, кроме родни по крови, каких либо правил и наставлений. Но заставить его отступить не то что от Завета, но даже от мельчайшего правила жизни, установленных предками, забыть о печальной и весёлой мудрости своего народа, не могли ни века гонений, ни даже прямая угроза жизни. Львы чувствовали в этом маленьком человечке нестигаемую силу духа, которая не отступит даже перед яростью хищников.

Но боялся Лео не этого. Труба — шофар — в руках у раввина — вот что внушало ему буквально трепет. И пугала его не сила звука, хотя когда-то, говорят, она обрушила стены, а то, что даже три коротких ноты, напоминающие вздох, заставляли посмотреть на свою жизнь и увидеть разом все глупости, ошибки, маленькие предательства себя, что ты совершал, и искренне покаяться в них в глубине сердца... О, как страшно смотреть в себя! Страшно, что можешь не обнаружить ни добрых дел, ни даже крупных злодеяний, а так, мелочь всякую, суету и пустоту... И вдруг правда покаяться в своем несовершенстве. Тогда ведь придется менять свою жизнь. Нет, Лео пока был к этому не готов. И потому с уважением смотрел на отважных горожан, что присаживались на коварно подставленную прямо под шофар табуреточку. Мой Ша — человек твердых принципов, день придет и он дунет прямо тебе в сердце, протрубит свой призыв, не глядя на то, кто сидит на этой табуреточке, готов ли ты к покаянию, жаждешь ли ты его, или так, просто мимо проходил.

Впрочем, шофар можно было использовать и по другим, более земным поводам. С древности шофар использовался как сигнальный инструмент для созыва народа и возвещения важных событий. Так что звучать сегодня, собирая соплеменников на общий сбор, ему было в самый раз.

11

Чтобы быстрее оповестить всех, и успеть всё решить до рассвета, львы разделились. Во Ван свернул к небольшому стадиону, где жил Хоккеист, а Лео помчался на Набережную, предупредить тамошних обитателей.

— Привет, друг!

— Здорово, Вован!

Лев стремительно подпрыгнул вверх, уходя от удара клюшкой, и в прыжке попытался когтистой лапой шлепнуть по голове приятеля. Тот мгновенно пригнулся и тяжелая туша льва пролетела над ним.

Во Ван любил спортсмена, ощущая в нем родственную душу. Тот был компанейским парнем, добродушным, весёлым, всегда оценит шутку и поддержит розыгрыш. Но вождём ему не быть, понимал лев. Нет у него для этого ни жажды к власти, ни любви к интригам, ни умения лицемерить, ни даже здорового цинизма — качеств, необходимых для лидера. Да и честолюбие хромало. Даже в спорте, который был для него всем, хоккеист не претендовал на олимпийское золото. Он хорошо знал свои возможности и пределы — зональное первенство, вот его потолок. Да что там — труднодостижимая мечта! Но стоило Хоккеисту выйти на лёд, он преобразался: азарт, хитрость, спортивная злость превращали его в беспощадного бойца, готового на всё ради победы. И не важно, кем были его противники — дворовая команда или олимпийские чемпионы, он бился до конца.

— Ну что, Вовчик, какие новости? Как там наши выступают? Что там у вас в центре слышно?

Хоккеист любил обсудить с Во Ваном все спортивные новости — от местных до мировых. Причем болел азартно не только за хоккеистов, фигуристов, конькобежцев и футболистов, которых часто видел у стадиона, но и за пловцов, боксеров, теннисистов и борцов любых единоборств. Даже за спортивные танцы он переживал, от всего сердца желая победы землякам. И они его не раз радовали. Так что обсудить было что всегда.

— Да сегодня я без новостей. Наши завтра с соседями соревнуются, у них там «Шолом» очередной намечается. Гости уже в гостинице. Видел я их. Сильны-ы! Наши против них дети..

— Ничего. Мы верим твердо в героев спорта, нам победа, как воздух нужна!

Как всегда, хоккеист сказал строчки любимой песни с такой убежденностью, что Во Ван проникся. Песня эта так подходила Хоккеисту, так часто им вспоминалась, и так душевно всегда пелась, что лев был убежден: именно друг её и придумал. И уважал его за это ещё сильнее.

— Здорово сказано! Но сегодня болтать некогда. Все наши собираются у Ильича. Он на пенсию собрался. Будут перевыборы. Так что приходи, только ИСу не говори, а так мы всех предупредили.

— Ну надо, так надо. Тогда я прямо сейчас, с тобой. Побежали!

12

Евгений меланхолично смотрел на звезды. Он отдыхал. Тишина, только легкая песня реки, шорох трав и листья. Ласковое покрывало ночи окутывало его. Мерцание фонарей и звёзд, редкие светлячки фар далёких машин на мосту не разрушали волшебства, несущего покой измученной душе Евгения. Ведь главное достоинство ночи — покой и одиночество — оставались с ним.

Впрочем, теперь он уже научился относиться к жизни с философическим спокойствием, и сопливые дети, вульгарные девицы, которые днём так и норовили забраться к нему на колени, уже не казались ему исчадиями ада. Он принял свою нынешнюю жизнь как искупление греха пренебрежения любовью, того шлейфа разбитых сердец, что тянулись за ним в прошлой жизни.

Впрочем, в этом новом воплощении Евгений начинал находить и приятные моменты. Например, современная мода позволяла не только бросать нескромные взоры в декольте дам и барышень, присаживающихся рядом или даже забирававшихся к нему на колени, но и любоваться ножками проходивших мимо юных красавиц. Так что теперь Онегин твердо знал, в чем ошибался Пушкин — стройные женские ножки, к счастью, вовсе не такая уж редкость на Руси. А последнее время жители города иногда дарили ему и вовсе роскошный дар — прекрасные поэтические строки звучали рядом с ним. Но всё равно, ночь с её темнотой и безлюдьем нравилась ему больше всего. Если же одиночество вдруг начинало тяготить его, когда зима или осеннее ненастье надолго прогоняли с Набережной гуляющих горожан, то рядом всегда был приятный собеседник — Художник, чья фигура с кистями и красками, стояла совсем неподалеку.

Днем его также осаждали желающие быть запечатленными в раме его невидимой картины. Но Художнику это даже нравилось, напоминая напи-

сание портрета. Модель замирает, миг остановлен, запечатлен навечно и унесен с собой, чтобы потом, спустя годы вновь увидеть в волшебной раме солнце, реку и беззаботную улыбку.

К плеску и журчанию волн добавился какой-то новый звук — легкий топот и чьё-то дыхание. Из темноты вынырнул лев.

— Приветствую вас, друзья! — сразу к обоим обратился Лео.

— Рад видеть тебя, друг мой, — откликнулся Евгений. Ему всегда был симпатичен Лео, напоминавший ему о других львах, стоявших на часах в любимом и далеком городе на берегах Невы.

Приготовившегося что-то сказать льва отвлѣк раздавшийся вдали цокот копыт и переборы гармонии.

— О, как удачно! Мы все собираемся на площади у Ильича, мужики как раз и вас подвезут.

— На телеге? — по губам Евгения скользнула ироничная улыбка. — Благодарю вас, я лучше сам прогуляюсь по бульвару. А что нас там ждет — военный совет или салонная беседа?

— Нужно выбирать нового лидера, Ильич уходит. Может, ты? — и Лео с сомнением посмотрел на Онегина

— Владимир отрекся от престола? И нужно выбирать нового самодержца на царство? Увольте, это без меня. На свете счастья нет, а лишь покой и воля. И эта скромная скамья на берегу реки куда ближе к счастью, чем любой трон или его ступени. Ещё в прошлой жизни я решил держаться в стороне от интриг двора, от власть предержащих, и теперь тем более своим принципам изменять не намерен. А голосовать? Я вполне доверяю вашему суждению, мой царственный приятель. Лео, можешь голосовать не только от своего прайда, но и от моего имени.

— И от моего, — неожиданно поддержал его Художник. — Если бы выбирали за красоту и гармонию, то я бы поучаствовал в голосовании. А в политике и власти так мало красоты, и так много... — он не договорил и светло и грустно улыбнулся. — Я пас судить об этом.

Лео неодобрительно покачал головой, но в спор вступить не успел. Цокот копыт раздался совсем рядом и из темноты выступил мощный конь, везущий на телеге дружную компанию. Евгений приветственно снял цилиндр и отвесил лёгкий поклон вновь прибывшим.

— Шолом, шолом! — поприветствовали его в ответ с телеги.

На почетных местах там расположились достопочтенный ША и раввин. Рядом с правившим телегой бородатым серьёзным Исааком сидела его Голдасолнце — круглолицая, улыбчивая женщина, от которой так и веяло материнским теплом и домашним уютом. (Исаак напоминал Лео ИСу — такой же основательный, серьёзный и готовый на всё, чтобы защитить свой дом, где царил жена и смеялись дети. Недаром и имена у танка и человека были созвучны.) Сзади задумчиво перебирал кнопки инструмента гармонист. Вся мишпуха в сборе!

Лео одобрительно осмотрел этот небольшой человеческий прайд. Все разные, но явно одной крови и держаться друг за друга. Вот и сейчас они готовились выступить сообща.

— Присоединяйтесь, месье Онегин! — доброжелательно позвал того достопочтенный ША.

— Благодарю, я остаюсь, как говорил уже раньше Лео.
— Жаль, я хотел обсудить с вами литературные новости.
— А Вы заходите ко мне на обратном пути, буду рад. Недавно тут рядом со мной забыли новый альманах, там есть кое-что любопытное.

Пока эти двое обменивались любезностями, Художник подошел поздороваться за руку с Гармонистом. Лео пригляделся к музыканту повнимательней и недовольно фыркнул: «По этой мечтательной морде ничего определить нельзя. Вечно вроде в своей музыке, но кто его знает! Может, это он о власти мечтает. Тёмная лошадка!»

Некоторые основания думать так у льва были. Ещё только по приезде в город у Гармониста была какая-то мутная история. Не то его украли, не то сам в бега подался. В общем, кончилось всё хорошо, но, как говорится, осадок остался.

Гармонист, не прекращая игры, приглашающе подвинулся, освобождая место родственной душе — служителю муз. После короткого раздумья, Художник забрался на телегу и сел рядом. Конь тронулся.

13

На просторной безлюдной площади при мерцающем и слегка потустороннем свете фонарей необычная группа каменных жителей Города, собравшаяся у Ильича, казалась совсем маленькой, а наклонившийся к ним Вождь выглядел просто гигантом. Его громкий голос рокотал над ними:

— Ну что, товарищи, определились с кандидатурой? Кому сдавать вахту?

Ответом ему было безмолвие. Раввин, писатель, спортсмен, музыкант и художник, львы переглядывались, но никто не спешил вызваться сам или предложить кого-то. Наконец раввин обратился к Ленину:

— Простите, уважаемый, может быть Вы всё же..?

— Нет, нет и нет! — перебил его бывший вождь, — Дело не в моей личности и желаниях. Вы же знаете, товарищи, если бы это было на благо народа, я бы никогда не покинул пост. Но моё время ушло, и я должен передать власть достойному. Все мои знания, опыт, силы и связи будут в его распоряжении. А сам я берусь хранить память об истории Города и страны.

Ильич не любил служителей культа, и потому избегая Раввина, обратился к Шолом-Алейхему:

— Может быть, вы, товарищ писатель, как человек светский и образованный, возьмётесь?

Лео и Во Ваны кивнули и сделали шаг в сторону достопочтенного ША.

— Вот оно, еврейское счастье, — улыбнулся тот. — Пришло, когда не ждали. Но всё же должен отказаться от такой чести. Моя забота — мамэ-лошн, немного журналистика и слегка театр, возможно, образование. Но политика, власть — это не для интеллигентного человека.

Ильич с неохотой кивнул. К интеллигентам он относился чуть лучше, чем к служителям культа, но до конца всё же не доверял.

— Тогда кто?

Все переглядывались и во взглядах ясно читалась растерянность. Никто не видел в роли лидера ни себя, ни других. Вдруг вперед выступил Хоккеист, и, хотя и смутился под прицелом удивлённых взглядов, всё же нерешительно заговорил:

— Знаете, может быть, пока появится новый Главный хранитель, каждый из нас возьмётся беречь свою сферу Города. Я буду отвечать за спорт, Гармонист и Художник — за творчество, львы — за благосостояние, ну, где-то так... — вконец смутился он.

— Отличная идея! Согласны! — с облегчением заговорили все.

Ильич не очень-то верил в демократию, но идея с Советами когда-то сработала:

— Что же, Совет Хранителей — на сегодня это выход. А там посмотрим. Председатель Совету всё-таки нужен. Будем растить. Вот, например, товарищ Профессор Брук на подходе. Табличка с его именем в Городе уже появилась. А он человек опытный, наш, подходящая кандидатура.

Наступил синий предрассветный час и каменные хранители Города заспешили на свои места.

Война
глазами восьмилетнего мальчишки

Отрывок из книги
«ОДИССЕЯ ОДЕССКОГО ЕВРЕЯ»

...После первого класса украинской школы, который «мы с мамой» окончили с похвальной грамотой, меня записали в знаменитую одесскую музыкальную школу им. Столярского. Довелось взять несколько уроков игры на скрипке: учился «правильно» её держать, разучивал начальные гаммы...

И... война!

Отец ушёл в военкомат на третий день войны. А через день, утром, какой-то мужчина принёс нам записку от отца. Прочтя её, мы втроём поехали на трамвае на знаменитую «Чумку»...

Может, правда, может, нет, это тётя Елена рассказывала: когда-то в Одессе свирепствовала чума и всех умерших хоронили в одном месте, за городом. С той поры и стоит этот огромный холм, который никто не решался вскрывать. Вот на том холме и комплектовалась в Одессе резервная дивизия.

Команды: «В шеренгу, становись! По порядку номеров — рассчитайсь!» звучали беспрерывно... Маршировали по двое, по четверо в ряд, но самой желанной была команда: «Перекур! Разойдись!». И тогда, одетые в новенькую форму, в ботинках с «обмотками», со скатками шинели, бойцы толпой бежали вниз, к подножью холма, где их ждали родные, близкие, шумели примусы и булькало в кастрюлях!

На второй день пошли «боевые» занятия: бойцу давали деревянную винтовку и он, пробежав метров десять, с криком «Ура!» колот «штыком» пучок соломы на подставке. Нам, мальчишкам, это было так интересно!

На третий день, после обеда, всех бойцов погрузили на машины «полуторки» и увезли, как мы потом узнали, к реке Прут, где уже шли бои на границе с Румынией.

Через несколько дней нам принесли записку от отца с адресом известного в городе курорта, он был недалеко. Мама мигом напаковала две плетёные кошёлки, и мы помчались на трамвайную остановку.

Отец вышел к нам в больничном халате, очень медленным шагом, голова и шея были в бинтах, старался улыбнуться, преодолевая боль. Осколки мины ему извлекли только ночью, и он был очень слаб, говорил шёпотом...

В курортном саду мама расстелила одеяло под деревом, на котором уже зеленели маленькие абрикосы-дички, и так, вчетвером, мы прожили вместе пять суток под открытым июльским небом. Как потом оказалось — последний раз вместе...

Утром мама уезжала на Привоз за свежими продуктами, а папа уходил от нас только на перевязки. На шестые сутки, днём, возле госпиталя остановились несколько трамваев: раненых отправляли на оздоровление, в те дни — в «глубокий» тыл, в Ростов-на Дону. Мама вложила в руку вагоно-

вожатого красную «тридцатку», и он впустил нас в вагон. Отец усадил сестрёнку на колени, я прижался к его ноге, мама стоя обнимала его за плечи, прижимаясь к забинтованной голове...

Так мы ехали через весь город, не вытирая слёз, словно предчувствуя, что никогда больше не увидим отца. Трамвай остановился у какого-то железнодорожного разъезда, где стоял пассажирский состав, на вагонах которого были нарисованы большие красные кресты.

Отец наказал маме ехать к нашей бабушке, на Дальний Восток, в г. Биробиджан, где служил её сын. Договорились, что мы тоже поедem через Ростов-на-Дону, чтобы встретиться. Состав тронулся. Стоя на ступеньках вагона, папа успел крикнуть: «Береги детей!». Это были последние слова, которые мы слышали...

А война почему-то «быстро» и «победоносно» не заканчивалась... Наоборот, она стремительно набирала свои зловещие обороты... Пошли воздушные тревоги, бомбёжки, люди стали соблюдать светомаскировку. Повсеместно оклеивали стёкла полосками бумаги, материи, чтобы они не разлетались от ударов воздушной волны. Каждая семья сшила по два мешочка, на которых были чернильным карандашом надписаны фамилия, количество членов семьи и адрес. Каждое утро во двор заезжала машина с мешочками, в которых был хлеб, и уезжала с пустыми. В нашем доме не было ни одного случая, чтобы пропал хоть один мешочек.

В домах расчищали подвалы, превращая их в бомбоубежища. Сначала в них собирались все жильцы, но когда на улице Пушкина в один из домов попала фугасная бомба и завалило людей в бомбоубежищах, в подвалах прятаться перестали. При звуках сирены наши жильцы собирались у входных железных ворот дома (толщина жести на них — 0,5 миллиметра).

При этом логика жильцов тоже была «железная»: рванёт дом — все побежим на улицу, рванёт на улице — все побежим внутрь двора, домой. А успеем ли мы побежать? — об этом думать никто не хотел...

По городу гуляла байка: якобы на окраине города упала огромная фугасная бомба, но не взорвалась, потому что внутри был песок и записка «Чем можем, тем поможем!». Вот так: уже летели бомбы на города страны, а советские люди всё ещё продолжали верить в международную пролетарскую солидарность!..

Я помню свой детский страх во время ночных воздушных налётов, когда не переставая пронзительно выли сирены, бил по ушам звонкий грохот зениток, небо вспыхивало движущимися стрелами прожекторов, а стены дома вздрагивали от ударов воздушной волны и, казалось, вот-вот обрушатся на нас. Малые дети на руках заходились в плаче, а матери не могли их успокоить, сами заливаясь слезами. Разве можно это когда-нибудь забыть? У детей, переживших те воздушные тревоги, бомбёжки, тот ужас остался в памяти навсегда.

Днём наша мама бегала по разным учреждениям, выколачивая места на эвакуацию, а мы, детвора нашего дома и других, бегали по квартирам, клянча у соседей «негодные»... чулки! Пожалуйста, не удивляйтесь.

В первые месяцы войны немцы обильно забрасывали города зажигательными бомбами. Их устройство жителям Одессы объясняли ещё до войны на собраниях жильцов по программе ОСОВИАХИМА, которые без нас,

подслушивающей детворы, конечно, не обходились. Вспоминаю по памяти: «...при падении в бомбе разбивается колба с термической жидкостью. Выливаясь из корпуса и соединяясь с кислородом воздуха, она даёт высоко-температурное пламя». Тушить такую бомбу рекомендовалось двумя способами: либо, схватив её клещами, окунуть в бочку с водой, либо «засыпать» песком (или «быстро донести» до ящика с песком).

В реальности «дежурными» на покатых и крутых крышах домов стали старики и женщины (мужчины были мобилизованы). Бегать с бомбой в клещах по таким крышам до «бочки с водой» или до «ящика с песком» было, конечно, сверх их возможностей. Вдобавок бомба «роняла» целые «куски» всё сжигающей жидкости.

Я не знаю, где и кто в городе родил нужную идею, но одесситы повсеместно «приспособились»! По дворам развозили песок. Дети собирали у соседей «негодные» чулки. В них завязывался на узел рванный «низ», лопатами, совочками насыпался песок и завязывался «верх». Взрослые относили «наполненные» чулки на крышу и складывали там кучками в разных местах. Заметив падение зажигательной бомбы, «дежурный по крыше» вешал один «чулок» себе на шею, два брал в руки, и мог более уверенно идти по крыше к пока ещё маленькой, разгорающейся пламенной лужице и бросить в неё «чулки»! Материя сгорала моментально, а песок, рассыпаясь, гасил пламя.... Сжечь Одессу, как сжигали другие города, фашистам не удалось.

В городе сняли номера домов, трамваев, названия улиц и учреждений. Невинные вопросы на улицах: «А де?...», «А як?!...» вызывали обоснованные подозрения одесситов — «Этот наверняка не наш!».

Днём на трамвайных остановках можно было видеть кучки подростков, впрочем, никуда не уезжавших. Они ловили «шпионов»!

Надо сказать, что шпиономания в Одессе родилась не на пустом месте. Пароход покидал порт без гудка, но его непременно встречали в море вражеские самолёты! Сосед не ложился спать, не проверив светомаскировку у соседа, но во время ночных налётов ракеты и чьи-то «светлячки» указывали самолётам объекты для бомбёжки!

Бабульки на скамеечках возле домов шептались уже не о том, кто сегодня «вышел утром от соседки», а о «шпионах», которых стало «видимо-невидимо»! Листовки, афишные тумбы призывали население: «Т-с-с! Шпион — рядом! Будьте бдительны!». И одесская шпана бдила!

Конечно, женщины, бабушки с плетёнными кошёлками на трамвайных остановках ребят не волновали. Такие в кино шпионами не бывают! Но стоило появиться там мужчине призывного возраста или штатскому, но с «буржуйской» бородкой да ещё задававшему вопрос: «А как проехать...?», как на него тут же набрасывались 10—15 ребят.

— Дяденька, пойдёте в отделение! Вон оно, недалеко!

Вокруг — сразу толпа и громкие возгласы: «Ага, попался, фриц паршивый!». Кулаками эту ораву не сбросишь — толпа разорвёт! Оправдания, доводы «пойманного» тонули в рёве торжествующей толпы. И бедолагам приходилось покорно идти.

У отделения «шпиона» принимал часовой с винтовкой. Угрожая шттыком, он говорил:

— Проходите, гражданин, проходите! Тут с вами разберутся!..

Однажды ребята с нашей улицы, постарше меня, собрались на «дежурство». Я, тайком от мамы, конечно, увязался за ними. Подошёл к остановке какой-то мужчина, что-то спросил. Вдруг вся наша ватага бросилась на него! Пока я, восьмилетний, соображал, что к чему, меня кто-то оттолкнул, я упал, разбил до крови коленку...

...Я сидел на остановке и ревел. И оттого, что видел кровь, и оттого, что было больно, и от обиды: толпа с пойманным «шпионом» уходила всё дальше и дальше, без меня...

Радио, листовки призывали жителей города срочно сдать свои радиоприёмники. Люди охотно выполняли это указание, ибо любой сосед, которому ты когда-то не одолжил «на бутылку», мог «стукнуть» куда надо, что ты слушаешь ночью «голос врага»! Что-то, а уж «стучать» на Украине умели всегда, и не хуже, чем в Лондоне. Мама с тётей Еленой завернули наш радиоприёмник в одеяло и унесли сдавать.

Румыны, оккупировавшие Одессу, были потом благодарны одесситам: им не нужно было собирать «трофеи» по квартирам — большевики сами приготовили им новогодние подарки...

Блокадное кольцо всё сжималось. Властям пришлось нормировать и воду. Наша маленькая мама сумела всё-таки достать эвакуационный талон. Мы оставили ключ от квартиры в ЖКО, распрощались с соседями и уехали на подводе в порт. Это было 29 июля 1941 года...

Наш «пароход» оказался ржавой самоходной баржей с рубкой на корме. На носу её в небо грозно смотрели два спаренных ствола пулемёта «Максим». (Справочно: их «убойная сила» при вертикальной стрельбе — в пределах 100 метров).

А рядом был пришвартован бело-синий пароход с огромными красными крестами на борту. Стройными колоннами, в синих пилоточках с красной кисточкой, под барабанный бой, к нему подходили на погрузку отряды испанских ребят. Это были дети бойцов интернациональных бригад, погибших в годы гражданской войны в Испании. Их принял Советский Союз, и они жили в интернатах Одессы.

Наконец мы попали в трюм баржи. Он был пуст, и только в кормовой части лежала грудa рогожных мешков с углём, доходящая до иллюминаторов. Трюм наполнился быстро, нас задраили, и баржа закачалась на волнах. Мы плыли.

Сидеть возле мамы с сестрёнкой было скучно, и я, по примеру других мальчишек, взобрался по угольным мешкам наверх, к иллюминаторам.

Сбоку, чуть впереди плыл бело-синий пароход с испанскими детьми. Прошло не так много времени, когда на барже заревела сирена, и началось то, чего все так боялись — налёт! Пять чёрных точек в небе всё увеличивались и началась их смертельная круговерть!..

Зазвенели о железную палубу пули стрелявших самолётов, слева и справа вздымались столбы воды от сброшенных бомб. Мама криком звала меня к себе, а я не мог оторваться от иллюминатора. Сирены завывали и на пароходе. Наша баржа «пугала» вражеские самолёты очередями пулемёта, не давая им снижаться для прицельной бомбёжки. А бело-синий пароход — молчал!.. И после одного из прямых попаданий на его палубе возник пожар...

Команда парохода начала сажать детей в шлюпки и спускать их на воду. Они, переполненные, ползли вниз медленно, и то ли от неисправности, то ли пули перебивали тросы, но некоторые переворачивались, не доходя до воды, и дети падали в волны...

А фонтанчики пулемётных очередей чертили по воде свои смертельные «бульки»: одна за другой исчезали в волнах синие пилоточки с красной кисточкой! Бело-синий пароход горел...

Когда самолёты улетели, моряки баржи подобрали тех, кто сумел удержаться на воде. В трюме спустились несколько десятков мокрых, дрожащих и плачущих детей. А ведь при погрузке их были сотни!.. Конечно, женщины в трюме начали распаковывать свои баулы и, плача вместе с детьми, переодевали мокрых испанцев в одежды своих детей.

Баржа пришвартовалась в порту какого-то города. Огромная толпа нас, беженцев, начала взбираться вверх, по взгорью, на вершине которого был городской рынок.

У меня за спиной — вещмешок с чайником и посудой, в левой руке кошёлка с ночным горшком сестрёнки и её штанишками, правой я держал её за руку. У мамы тоже за спиной вещмешок, тюк с постелью — в правой руке, и чемодан с вещами — в левой. Это было всё наше «богатство», но поверьте, подниматься в гору с ним было очень тяжело.

Когда вся толпа эвакуированных растянулась по взгорью, снова налетели вражеские самолёты.

Я бежал за мамой, не выпуская руки сестрёнки, и почти волоком тянул её за собой! Ей тогда было два с половиной года. Мы добежали до первых ларьков рынка и «укрылись», прислонившись спинами к стенке ларька и уткнувшись головами в доску прилавка! Кричащие люди беспорядочно метались, налетая друг на друга, ища глазами хоть какое-нибудь «незанятое» укрытие. Возле нас упала девушка с длинной русой косой, лет пятнадцати. Пулемётная очередь разнесла ей голову, но глаза смотрели на нас, словно живые, моля о помощи. Ручеёк крови, петляя по пыли, подбирался к нашим ногам. Мама, я и сестра кричали от ужаса...

У сестрёнки от крика запал язык — она начала синеть! Пробегавший мимо мужчина, ошеломлённый нечеловеческими воплями мамы, может, врач, присел возле нас, сумел вытащить язык сестрёнки, и убедившись, что она снова начала дышать, побежал дальше. Прижимая к груди всхлипывающую сестрёнку, мама шептала ему вслед слова благодарности. Сколько лет прошло, а тот ужас всё ещё не уходит из воспоминаний...

Для нас подогнали подводы, мы долго тряслись по просёлочным дорогам, потом снова плыли на барже по какой-то маленькой речке, затем баржа села на мель. Мы все пошли пешком по полям и уже глубокой ночью добрались до какой-то деревушки, где староста завёл нас в хату-мазанку. Хозяйка поставила на стол кринку молока, кружки и завернутый в тряпицу каравай хлеба. Взяв большой нож, она положила руку на каравай и... он сжался! Нарезав куски хлеба, она убрала руку, и половина каравая поднялась! Я такое видел впервые!

А хлеб был такой вкусный! Больше такого я в жизни не пробовал! Память о хлебе-соли той пожилой казачки, приютившей нас после всего пережитого ужаса, живёт во мне до сих пор, и будет жить, пока живой!

Конечно, корю себя сегодня, что не запомнил ни её имени, ни названия того хутора. Но мне тогда было всего восемь лет... Утром подводы подвезли нас к какой-то «новой» железной дороге, где шпалы с рельсами были уложены прямо по степи, без насыпи. (Только недавно узнал, что эти «готовые» железнодорожные плети снимали с путей БАМа на Дальнем Востоке.) Погрузились в товарные вагоны, освободившиеся после подвозки очередной воинской части. Мы так надеялись попасть в Ростов-на-Дону и увидеться с отцом! Но не успели... Как только на станцию (или на железнодорожный разъезд) прибывала телеграмма о потребности эшелона для переброски воинской части или погрузки демонтированного завода, наш состав останавливали и звучала команда: «Всем выходить!». И вновь ожидание «свободного» состава товарных теплушек — сутками, порой под открытым небом, под дождём...

Война...

В Ростове-на-Дону мы с сестрёнкой остались на вокзале, а мама побежала искать санитарное управление. Вернулась она вся в слезах. Ей сказали, что наш отец был в Ростовском госпитале, вылечился и отправлен на Крымский участок фронта. Адрес и номер части они не дают — «не имеют права!». Увы, мы слишком долго ехали... Теперь у нас остался один «родной» ориентир — Дальний Восток, город Биробиджан, бабушка, мамина мама... Отец будет туда писать...

И вновь товарные вагоны, вновь обстрелы составов и бомбёжки, выгрузки, погрузки, очереди за эвакуационными талонами. Проблемы найти место на вокзалах, хотя бы на один матрац на троих, добыть чайник воды, кипятка и вечный детский страх отстать от своего эшелона. Забота отовариться хлебом в привокзальных эвакуопунктах до прощального гудка твоего состава! А как сжималось сердце, когда раздавался этот «последний» гудок, а мамы не было в вагоне! К нашему детскому счастью, она всегда успевала заскочить в последние вагоны состава и появлялась «нагруженная» на первой остановке! А до той поры мы с сестрой ревели в два голоса: многие дети теряли так своих родителей навсегда.

Могу только представить, что переживала моя мама, когда сестрёнка в теплушке болела, а я, восьмилетний, отправлялся на остановках добывать чайник воды или кипятка. Ведь порой приходилось «нырять» под десяток и более составов, чтобы добраться до водокачки, до водогрейки.

Цены на привокзальных базарах были непомерные, но во время стоянок состава у эвакуированных выбора не было. Может, в подобных обстоятельствах и родилась меткая поговорка военных лет: «Кому война, а кому — мать родна!».

На Северном Кавказе, по какому-то приказу «свыше», нас высадили и определили на поселение в какую-то станицу. Мама пошла работать в колхоз, сестрёнку определили в ясли, а я оказался на «каникулах». Дома в станице были каменные, с бассейнами, в которых летом и осенью собирали дождевую воду, а питьевую — привозили. Знакомство со станичной детворой окончилось для меня печально: «городского» в матросском костюмчике поймали, натолкали в рот перца и забросили в крапиву! Помирились мы тогда, когда всю ребятню станицы «мобилизовали» на уборку бахчевых: мы отрезали арбузы от плетей, скатывали их в кучи. Взрослые потом грузили их подводы.

Сводки «Совинформбюро» по радио были неутешительны: наши войска оставляли города. Однажды, когда мы работали в поле, на высоте примерно 50 метров над нами пролетел немецкий самолёт. На крыльях, на фюзеляже — чёрные кресты в жёлтой обводке! Лётчик, высунувшись из кабины, махал нам, ребятам, рукой! Вечером наша мама «сбежала» из колхоза в областной центр и вернулась через два дня с «пропуском» на дальнейшую эвакуацию!

И снова эшелоны, ужасный вой пикирующих самолётов, разрывы бомб слева и справа железнодорожной насыпи, аккуратные «дырочки» в жестяных крышах теплушек после налётов...

Недельные ночёвки в неопределённости, на полустанках, зачастую — в степи, и, как «счастье» — под скамейками; бесконечные очереди в эвакуационных пунктах, карточки, талоны, поиски воды, хлеба...

Запомнилась остановка в Краснодаре, где мама купила на станции целое ведро непривычно маленьких, но вкусных яблочек, подъезд к Сталинграду, где слева и справа от насыпи лежали перевернутые железнодорожные вагоны и были видны трупы людей...

Заметно похолодало, а ведь мы выезжали из Одессы в начале лета! Настоящим счастьем было, когда эвакуированным подавали товарный состав после подвозки сибирской воинской части: там были сколочены нары и стояли маленькие чугунные печки-«буржуйки» с трубой! Но чаще приходилось грузиться «навалом», кутаясь и согревая друг друга.

Запомнился один вокзал, где вдоль всего перрона стояли женщины, держа в вытянутых руках красивые тёплые платки, которые были бы нам так кстати, но, увы, оказались не по карману.

А война всё не заканчивалась — наши войска всё ещё оставляли города. По радио, на вокзалах звучали слова песни: «Мы камень родной обмоём слезой, когда мы вернёмся домой...».

Сибирь нас встретила нешуточными холодами! Удивил Иркутск: впервые с момента эвакуации мы увидели вечерний вокзал без светомаскировки! А в буфете были настоящие «довоенные» пирожные, правда, по невиданной ранее — коммерческой — цене. Мама всё-таки купила нам по одному, я свое съел и... потерял сознание. Меня увезли на машине «Скорой помощи». Корь! Куда увезли — никто толком сказать не мог.

На следующий день, оставив сестрёнку на попечение сестры из «Комнаты матери и ребёнка», мама пошла искать меня по больницам. В какой-то из них, возле одной из кроватей, стоявших в коридоре, мама увидела мой ботинок. Ухватив его, выгащила из-под кровати... меня! Оказывается, при высокой температуре больные корью прячутся от сильного света. Вот так я оказался на полу, а затем и под кроватью. На «пустую» койку моментально положили очередного больного... Следом корью заболела и сестрёнка. Мы все оказались в одной больнице.

После выписки нас определили на поселение в посёлок Черемхово, ибо дальше Иркутска эвакуированных не пускали. Хозяева одной избы выделили нам «угол». Топили в избе почти весь день — на улице уже была настоящая сибирская зима! После болезни мы с сестрой даже не выходили на улицу — не было зимней одежды.

К моему удивлению, хозяйка спускалась в свой погреб, рубила там топором стенку и ... набирала так полное ведро угля! Я с удовольствием взял

на себя эту заботу — было интересно. В погребке я был, как настоящий герой-шахтёр Алексей Стаханов! (Сейчас на месте посёлка Черемхово — открытый угольный бассейн).

За нами из Биробиджана приехала бабушка. Писем от отца она не получала. А маму без «специального» пропуска в зону Дальнего Востока не пускали: ожидалось вступление в войну союзника гитлеровской Германии — Японии. Биробиджан встретил нас невиданными огромными сугробами. Подъехала лошадь, впряженная в сани-розвальни, нас укутали, и мы поехали по заснеженной дороге этого города. Слева и справа возвышались двухэтажные деревянные дома.

Мы стали дальневосточниками...

Был февраль 1942 года.

В апреле

Апрель Михаил не любил, и было для этого достаточно оснований. В первую очередь следует заметить, что погода в апреле очень неустойчивая, капризная и коварная прямо-таки стервозная, то теплым поманит, а когда рассупонишься, снежком да ветерком колючим обдаст. Сопли потом на кулак мотаешь, и мотаешься по докторам, кашляешь да чихаешь. Но существовала еще одна причина, в причинный ряд не укладываемаяся. Об этом и будет дальнейший рассказ.

День 29 апреля был для него на протяжении нескольких лет какой-то особенный, если не сказать больше. Ну прямо-таки мистический день. Всякая лабуда в этот уже по-настоящему весенний день с ним случалась. То ли ранняя, совсем не весенняя, жара так действовала, то ли с Солнцем именно в этот день что-то происходило? Кто это наверняка знает? А он всеми фибрами души чувствовал, что обязательно какой-нибудь фортель образуется. Михаилу вспомнилось, как идет он в этот день, никуда не спешит, на все пуговицы плащик кожаный застегнут. Как вдруг, будто в замедленном кино, у впереди идущего мужика вместе с носовым платком из брючного кармана пачка денег выпадает, аккуратно так резинкой перехвачена, да купюры — один крупняк, сверху, по крайней мере, а за ней, как в замедленном кино, рука идущего сзади и наклонившегося к земле другого мужика тянется. Проявив некую несвойственную ему расторопность, Михаил успевает на эту руку наступить. Мужик дергается, шипит тихо: конечно, поделим по-братски, только отойдем в подворотню. На что он отвечает, что так дело не пойдет, деньги надо владельцу вернуть и громко окликает уже изрядно ушедшего вперед мужчину. Тот оборачивается и, смекнув, в чем дело, возвращается, без лишних слов забирает деньги. То ли очень торопится, но как-то исчезает из виду, даже не поблагодарив за находку. Михаил остается один на один с тем, кто минуту назад предлагал разделить поднятое с тротуара. При этом лицо мужика искажено злобой настолько, что впору сыграть ему злодея в каком-нибудь из многочисленных сериалов про ментов и бандитов.

Боковым зрением Михаил отмечает, что за происходящим внимательно смотрят из рядом припаркованного авто, затемненное стекло которого было приспущено. Несостоявшегося подельника буквально распирает от злобы: «Что, честный такой? Так гони штуку за свои принципы», — бросает тот ему в лицо, ухватив для верности за лацкан плащика, да так энергично, что пуговицы дождем посыпались. Это было, как говорится, чересчур. Автоматически сработала выброшенная вперед правая. Голова противника дернулась, а он сам, не устояв на ногах, скользнул по касательной в сторону припаркованного автомобиля. Михаилу показалось, что в машине неодобрительно на это отреагировали. Не мешкая, он крупным шагом двинулся по направлению к остановке, преодолевая желание побежать. И когда открылись двери очень кстати подъехавшего трамвая, Михаил туда расторопно заскочил. Оглянулся: преследователей не наблюдалось, но на всякий случай вышел на соседней остановке, взял такси и весь день перемещался по горо-

ду, тщательно отслеживая возможных преследователей. Как в плохом детективе, подумалось ему, когда выпитая натошак водка сняла накопившееся за день напряжение, а лицо мерзавца, которое впечаталось в память так, что и на смертном одре привидится, стало постепенно отходить на второй план.

Все стало понятно не сразу, но на следующий день, когда ситуация повторилась, только в другом месте города — Михаил прошел мимо, никак не отреагировав на происшедшее. Когда же впоследствии ему рассказали, как одного общего знакомого обобрали до нитки, в тот момент, когда он «делил» с новоявленным приятелем в загаженном и темном подъезде находку. Из рассказанного следовало, что как только «куклу» распотрошили, наскочили, как черти из табакерки, крепко сбитые парни, и потребовали вернуть деньги. Угрожая ножом, отобрали все и, раздев, пнули, хорошо, что не в лицо, оставив в одних трусах, благо было почти лето. Только тогда Михаил до конца осознал, от какой напасти спасли его трудолюбивые родители, знавшие цену трудом нажитой копейки и внушившие, что нельзя зариться на плохо лежащее. «Не тобой положено, не тобой будет и взято», наставляла его покойная мать.

Проходит ровно год. Бурное время привело в столицу. Она всегда отличалась обилием жуликов всех мастей, которые, умело маскируясь под благодетелей, «разводили» провинциалов, пообещав, например, чуть ли не задаром привезти из аэропорта, назвав незначительную сумму, а как потом выясняется, это плата лишь за первый километр пути, со всеми вытекающими последствиями. Михаил о многом был наслышан, не ел и не пил предлагаемого на вокзалах и в забегаловках угощения, тщательно следил за документами, но и на старуху бывает проруха. Ведь на дворе было 29 апреля.

Утро было погожим, еще вчера припорошенный поздним снежком широкий газон подле гостиницы зазеленел, а декоративные кустики опушились нежной листвой. Михаил решил с утра отправиться на Тверскую, где в здании главпочтамта расположился чековый фонд, куда он намеревался вложить ваучеры, чтобы потом, как сулила реклама, получать дивиденды. Эти ваучеры были единственным «капиталом», которым располагала семья, потерявшая все сбережения в результате шоковой терапии. Случилось ли оздоровление экономики, Михаилу трудно было об этом судить, но полки магазинов наполнились, очереди к прилавкам поредели, зато у магазинов, метро и вокзалов выстроились вереницы людей, предлагавших буквально все и по ценам ниже, чем в торговых залах. Такая получилась «загогулина»: раньше избавлялись от денег, теперь к ним стремились. Столица превратилась в сплошную толкучку, где шныряли проходимцы всех мастей, от наперсточников до карманников. Помятуя об этом, Михаил деньги и ваучеры разложил по внутренним карманам кожаной куртки, наглухо застегнув их молниями.

Тверская, куда его вынес из метро людской поток, была не столь многолюдна. По широкому шоссе стремительно неслись автомобили, витрины магазинов были чисты и привлекательны, ценники на вещах в твердой валюте внушительны. Михаил неспешно продвигался к главпочтамту, когда откуда ни возьмись возник невысокий паренек, который попросил выручить, а именно: вытащить из пачки лотерейный билет. Михаил не успел еще и понять в чем дело, как в его руках оказался злополучный билет.

С возгласом: «дяденька, спасибо, ты выиграл», паренек испарился, а он сам оказался в окружении людей, которые столпились вокруг одного, сличавшего номера билетов. Каждый раз выигравших было несколько, и нужно было добавлять в игру что-то. Кто-то поставил часы, кто-то кольцо. Не отдавая полностью отчета своим действиям, втянутый в бурный водоворот событий Михаил один за другим выложил все ваучеры и готов был отдать организатору и обручальное кольцо, но оно не снималось с пальца, и пока он с ним возился, ситуация резко изменилась. Вся компания оказалась в припаркованной милицейской машине и через некоторое время всех благополучно препроводили в обезьянник. По одному стали вызывать к следователю. Никто из вызванных в камеру не возвращался. Очередь дошла и до Михаила. Молодой, симпатичный и уже начинающий лысеть оперативник, одетый в гражданское, представившись просто Егором, объяснил ему, что он нарвался на группу отпетых мошенников, которые развели его как последнего лоха. Он пояснил, что ваучеры у организатора «бизнеса» изъяли, и если на суде, который, как правило, назначается на следующий день, Михаилу удастся доказать, что они ему принадлежат, то их вернут. А пока — до выяснения личности и запроса по месту жительства — придется вернуться в камеру и подождать. Михаил, поблагодарив за спасение от возможно больших потерь, понуро устроился на жесткой скамье. Надо отдать должное, запрос сделали оперативно, и спустя не более трех часов он оказался на свободе в более чем растрепанных чувствах. Обо всем этом Михаил поведал сыну — студенту университета, который накануне праздника навестил его в гостинице с предложением провести 1 Мая вместе.

Суд состоялся накануне праздника и был недолгим. Вся компания мошенников была оштрафована, а ваучеры Михаилу вернули, так как они имели региональную маркировку. Из здания суда Михаил отправился пешком к месту встречи с сыном, который должен был ожидать его на Чистых Прудах. Там они и встретились, но прежде состоялся короткий разговор с одним из мошенников, который шел за ним следом. Тот заявил, что потерпевших они, как правило, не преследуют, но здесь они сами оказались потерпевшими. Поэтому если бы не страховка, то ему было бы не сдобровать. А тут и сын подошел с газеткой в руке, в которую был завернут обрезок водопроводной трубы. Все, как говорится, встало на свои места. Что ж, хорошо то, что хорошо кончается. И сын оказался верным товарищем, и семейное «добро» не пропало. Хотя последний пункт должен быть взят под сомнение, так как полученная вместо ваучеров акция чекового фонда никаких дивидендов не принесла, а потом и фонд испарился. Кто же на проверку явились по-настоящему мошенниками? Правильно, но они в нашей реальности неподсудны.

Ровно через год, накануне майских праздников, Михаил отправился в соседний город к приятелю. Про то, что начало путешествия совпало с 29 апреля, вспомнилось не сразу, а лишь в связи с возникшими обстоятельствами. Электричка пришла без опозданий. Поздний завтрак под «сто грамм» пришелся по вкусу, взбодрил и прибавил сил. Захотелось пройтись пешочком по залитым ярким солнечным светом и прибранным к празднику улицам. Шел не спеша, а на подходе к заветной девятиэтажке его обогнала молодая особа, одетая в короткую курточку. Она оглянулась, озорно зыркнула

зеленым глазом и, встряхнув рыжими круто подвитыми волосами, энергично зашагала прочь. Михаила будто током ударило. Он шел за ней, заморожено глядя, как играючи перекатываются, набегают друг на друга, дразнят и манят обтянутые брючками плотные ягодицы. Шла она в том же, что и Михаил, направлении, но он не мог поручиться, что не пошел бы за ней и при изменившемся маршруте. Она вошла в тот же подъезд. В лифт они вошли одновременно. Заговорю, подумал Михаил, когда незнакомка нажала на кнопку нужного этажа. Он смотрел в ее глаза, немея от холодка в груди, покрываясь испариной, не в силах вымолвить ни слова. Михаил не был косноязычным, более того — слыл находчивым балагуром, но здесь его как будто подменили, да еще ему показалось за эту короткую минуту подъема на пятый этаж, что в кабине лифта резко запахло серой и на него вместо зеленых глаз попутчицы смотрят с укоризной печальные глаза жены. Они вышли на лестничную площадку и одновременно позвонили в разные квартиры.

Михаил, отдышавшись и придя в себя после выпитого с приятелем «за встречу», расспросил его о соседке, описав внешность своей недавней спутницы. Тот ничего не мог пояснить, утверждая, что ему никогда не встречалась такая девушка. Возможно, дневная гостья еще повстречается мне, подумал Михаил, устраиваясь на ночлег. Но больше их пути не пересекались. Будучи человеком суеверным, он даже предположил, что это было просто наваждение перед празднованием 1 Мая, которое с давних времен сопровождается сходом ведьм и дьявольскими плясками в канун Вальпургиевой ночи.

Почему это случилось три раза к ряду, размышлял Михаил, веривший в магию чисел, и больше не повторилось? Вразумительного ответа не находилось. Он обратился к кабале, но и там было больше туманных намеков, чем точных указаний. В конце концов, сложив обрывки из прочитанного в различных источниках, Михаил пришел к выводу, что ему в этот день открывался вход в параллельный мир. Более того, размышлял он, про Богато можно и не вспоминать, но дьявол сам о себе напомнит, хотя против его козней есть защита, и лично за него заступался ангел-хранитель, облик которого столь же многолик, как и дьявольское обличье. А в случае с манкой девицей так и вовсе все выглядит просто: дело в современном эротическом белье, более подчеркивающим, чем маскирующим...

Велосипед

*Если жить в стране насилия
бередить сомнения,
то напрасны все усилия
самосохранения.*

С. Чудаков

У меня в жизни было три велосипеда, всего три. У большинства моих сверстников женщин было гораздо больше, а страданий им они принесли, возможно, даже меньше. Да и вообще как предмет неодушевленный может страдать или приносить страдания? А вот может. И доказывать здесь нечего. Хочешь, верь, а хочешь — не верь.

От первого я настрадался больше всего. Был влюблен в него — никакими словами не передать: во все его никелированные и просто окрашенные

детали, в переливчатое треньканье звонка, во все три его колеса. На улице я был единственный обладатель велосипеда, предмета зависти и вожделе-ния соседей, которые выстраивались в очередь покататься. Я оказывался в конце этой очереди, она вообще до меня не доходила. Кроме попреков и дразнилок типа жадина-говядина мне ничего не доставалось. Неправда — доставалось от отца, который чинил и приговаривал: умный катается сам, а на дураке катаются другие, точнее, на его велосипеде. Это продолжалось до тех пор, пока мой мучитель, источник любви и ненависти не превратился в хлам, кучку металла, на который у старьевщика не выменяешь и рыболов-ный крючок. На этом его земная жизнь завершилась, душа отлетела, а тело, переплавленное в металл, обрело другую форму. Возможно, другому телу повезло больше и на нем уже не ездят, возможно, оно даже парит, обретя вечность пребывания в деталях космического аппарата, отправленного к да-леким звездам, где царит ледяное бесстрашие. Пусть будет так.

Мои же страдания на этом не завершились. Хотелось кататься, а не катить обод велосипедного колеса в придорожной пыли, поднятой босыми в вечных цыпках ногами. К этому времени моих повзрослевших товарищей уже одаривали двухколесными «школьниками» и «полувзросликами». Все они научились держать равновесие, некоторые резво катили по мостовой, находясь под рамой «взрослых» велосипедов своих старших братьев и отцов. Я ж глядел им вслед, закладывая ободу очередной вираж, так как кататься не умел, а научиться было не на чем. Но голь на выдумка хитра, тем более, что этой выдумке способствовал случай, а именно: велосипеды стали давать напрокат. Стоило это мероприятие не дорого и сэкономленному на моро-женом и кино хватало на часок-другой счастливого пребывания на двух колесах, вращающихся так, что и спиц не видно, просто дух захватывает, особенно если с горочки.

Однажды во время катания застала гроза. Стихия разворачивалась пря-мо на глазах, в волшебных сполохах молний и далеких раскатах грома, вызы-вающих не страх, а первобытный ужас. Ветер усиливался и подгонял в спину, дождевая стена зависла на заднем колесе, она не отставала, несмотря на то, что изо всех сил крутил педали. Наконец, ливень догнал и перегнал, убежал вперед, вздымая тучу пыли, в момент превращающуюся в грязь, в которой увяз велосипед, поскользнувшись и опрокинувшись, увлекая за собой седока. Починка обошлась в копейчку, отец, выдрав, запретил подобные авантюры.

Впечатление же от пережитого осталось в памяти, всплыв неожиданным образом во время демонстрации перехода вещества в критическое состояние, когда в специальном эксперименте пробирка на мгновение мутнела, как во время прохождения грозового фронта. Природа в малом воспроизводит свое грандиозное «Я», являя нам в капле воды захватываю-щую по красоте панораму радуги.

Прошли годы, наполненные другими забавами, но отсутствие своего велосипеда отзывалось некоторым детским комплексом, который не изжи-вается прожитой жизнью, внося в нее ту горчинку, без которой нет вкуса ни у выпитого, ни у съеденного. Можно было купить велосипед с первых своих получек, но все как-то откладывалось: то по причине их малости, то зима вставала впереди белой и длинной стеной. Но лишь прошелестели первые дождички и распустились липкие нежные листья на месте пуха позеленев-

ших верб, как лакированный и черный без никеля и цветных обводок заветный друг обрел кров и неутомимого седока, гнавшего его то в луга, то на речку, то просто по непыльной тропинке. Эти тропинки были непредсказуемыми, они, то тянулись, то обрывались самым неожиданным образом. Так неожиданной, но, тем не менее, долгожданной оказалась встреча на одной из них с той, чей образ на несколько лет отвел взор от других вполне симпатичных девчонок. Но что поделаешь — так уж устроено зрение: оно более внутреннее, чем наружное. Последнее лишь сличает сложным образом сложившуюся картинку. А когда они совпадают, тогда только поэт может столь определенно выразиться: «глаза закрою — вижу, робею, а потом...». Я же оробел настолько, что из робости признался, но был не осмеян и отвергнут, а понят и поощрен быстрым поцелуем. Она тихо, но с чувством прошептала, что тоже влюблена. С тех пор Сашура прочно заняла только ей отведенное место и в мыслях, и на узкой раме резвого велосипеда.

В то лето солнце было ярче, чем обычно, речка свежей и прохладней, прибрежные ивы раскидисты и тенисты, а юношеское счастье оказалось безмятежным, но не долгим. Нас разлучили вузы, время, новые приятели и обстоятельства.

Двухколесный свидетель пылких отношений, то лежащий в густой травке, то душою парящий в небесах, то неспешно едущий сам не зная куда, оказался востребован лишь во время летних каникул. Они были коротки настолько, что новой подружкой обзавестись было некогда, и велосипед хранил верность той, чья коса ниспадала на его руль, а упругое бедро подпирало так, что мешала вольному движению, увлекая в рытвины и канавы.

После института я вернулся в родные края, юность прошла, стало не до велосипедных прогулок. Два колеса, навеки связанные рамой, пылились в сараюшке родительского дома, который срочно пришлось продавать после того как мать, а следом и отец покинули бранный мир. Первые покупатели, пожив в нем месячишко, покупать дом передумали, потребовав назад задаток и прихватив кое-что из имущества вместе с велосипедом. Это обнаружилось не сразу. Барахла было не жаль, а вот потеря полузабытого и брошенного друга, переносящего юношескую душу и вполне одушевленного, жалко стало до самых слез. Где он катит без меня одиноко, есть ли девушка, что рядом идет?

Третий, по всей вероятности, меня переживет, так как основательно проспиртован. Нет, его душа спиртного не переносит и меня в подпитии не терпит, но своим появлением в нашей совместной жизни обязан водке и другим не менее крепким напиткам. Но как говорится, хватит интриг, расскажу все по порядку.

Нас, трех приятелей, живущих в деревянной двухэтажке, сплотило наличие двух мотоциклов, рыбалка и все остальное, что к рыбной ловле относится: снасти, лодка, палатка и водка. Последняя послужила прелюдией к появлению у меня третьего велосипеда, первоклассного — спортивного, с изогнутым узким рулем, такими же неширокими шинами и четырьмя звездочками передач, переключаемых посредством рычажка, связанного с ними стальным тросиком.

Наш дом был с частичными коммунальными удобствами, главные из которых были во дворе. Вот этот дощатый и щелястый ящик, поставленный

на попа и снабженный скрипучей дверью без ручек и крючков, (видимо, кому-то было не лень их отрывать), надо было периодически снимать с выгребной ямы, прикрытой широченной доской с вырезанной в ней дырой, «очком» в народе называемой.

Кто и когда это «очко» приводил в порядок, мы не знали до тех пор, пока одному из нас, но точно не мне, предложили это сделать за неплохие по тем временам деньги. Предварительно выпив, мы в одну из мартовских ночей, при свете лампочки, вынесенной на гибком проводе, довольно быстро и сноровисто все почистили. Водрузив ящик на место, отправились в баню. Потом еще выпили — похмелье штука тонкая, творческим мыслям способствующая. Я твердо решил, что на *говенные* деньги куплю велосипед. У друзей мотоциклы, а у меня будет велосипед, просто так, за здорово живешь. И что же: мужик подумал, мужик сделал. И вправду — деньги не пахнут, прав был император Веспасиан Флавий. Но что-то в деньгах, заработанных таким образом, было не так. Велосипед оказался с норовом, точнее с дефектом, пришлось с ним немало повозиться, прежде чем в него вселилась душа. Но дальше все пошло гладко, почти полное слияние душ, за исключением одного: пьяного он везти отказывался, всячески увивал, точнее, так вилял, что я с него падал обреченно и понуро шел с ним рядом.

Я приноровился ездить на велосипеде на дачу, экономии никакой, но есть прелесть в вечерней езде, по крутым подъемам и стремительным спускам, когда уставший, попив чайку, заваливаешься потом в пахнущую прелью койку и спишь, почти как в детстве, безмятежным сном. А утром, проснувшись рано, занимаешься поливкой грядок, затем, продрогший от утренней росы, бродишь с удочкой по перекатам небольшой горной речушки, выхватывая из мутной стремнины переливающихся всеми цветами радуги хариусов. Они хороши и в ухе, и поджаренные до хрустящей золотистой корочки.

И вот, наконец, наступает тот редкий час душевного покоя, когда разливается тепло поднимающегося солнца, от подернутого пеплом костерка, сухих и мягких фланелевых штанов и рубашки, надетых вместо промокшей в росе и реке одежды...

Все подоспело. На небольшом столике лучок и огурчики, уха и жареная рыбка, ледяная водица из ключика и чистый спирт. Все должно быть по порядку. Сначала воду, затем, зажмурившись и не дыша, спирт, потом — опять воду. Осторожный выдох, корочка хлеба к носу, тихий вдох, луковка с хрустом на зубах, а уж затем пожар внутри заливаешь горячей ухой: подобное следует за подобным. Дальше никакого порядка, всему находится место и время — и огурчикам, и укропчику, и салцу, и чайку. Губы тяжелеют, вслед за ними тяжелыми становятся веки, глаза слезятся от едкого дымка еще тлеющего костра и слипаются, душа парит, а тело отползает в холодок, замирая до самого пробуждения.

Просветление наступает вместе с опадающей жарой, до заката еще далеко, но уже тянет прохладой. Прозрачна, вкусна и холодна до ломоты в зубах ключевая вода, пробуждает она градус в притихшем внутри до поры до времени спирте. Ничего добавлять не надо — развозит по новой, да так, что падаешь с велосипеда. Так и бредешь, он не везет, но поддерживает, пока сердобольный водитель дачного маршрута не подберет обоих до самого

дома. На душе светло, мыслей никаких, а ноги почему-то не идут. Да куда и зачем — уж ночь на дворе.

Известно, что все мимолетно, пребывание во «дворянстве», в том смысле, что где заночевал, там и двор, закончилось. Все куда-то исчезло, работа, друзья. Ни кола ни двора, в том смысле, что за долги отобрали и квартиру, и то небольшое нажитое. Даже самым неприятзательным женщинам стал неинтересен. Пенсия — смех, на лекарства не хватает. Да и какой от них прок, в том смысле, что помогает только водка и то на очень короткое время. Из всего того, что связывает с прежней жизнью, остался велосипед, спрятанный от вездесущих судебных приставов в гараже бывшего соседа. Он, в отличие от меня, в хорошем состоянии и, надеюсь, в добром расположении духа. Я же во весь дух крою всех и вся за дело и просто так, из уважения к жанру, весьма забористо, и, надо полагать, очень скоро сдохну под каким-нибудь забором. Хочется одного — чтобы велосипед попал в хорошие руки...

Ильич

Была весна. Она пришла, как ей и положено, в наряде пышного цветения диких яблонь, которыми были засажены разделительные полосы широких проспектов. Все это кружило голову и туманило взгляд. Трудно было усадить себя за учебники, но надо было досрочно сдать летнюю сессию для того, чтобы вместе с двумя однокурсниками в середине июня отправиться на «калым», заработать сотню-другую, а может быть, даже и третью.

По радио усиленно муссировались события в Чехословакии, которые впоследствии назовут «Пражской весной» и будут сопровождать совсем другими комментариями. Тогда же приход к власти т. Дубчека и т. Свободы подавался как стремление прогрессивных сил внутри компартии ЧССР преодолеть разложение руководства братского государства, подверженно-го тлетворному влиянию Запада. К моему возвращению из Магорейда, где мы загружали лесом японские корабли, на помощь чехословацким товарищам отправился Т-34. Так говаривали остроловы, выражая этим неприятие внешней политики СССР.

Я тогда как-то этим не проникся и больше был занят тем, что с помощью разношерстной компании избавлялся от заработанных денег, которые мешали спокойно жить полуголодной студенческой жизнью. Утром шашлычная, днем кафе, вечером ресторан. И так несколько дней. Разлюли-малина. Когда уже угар прошел, то в сухом остатке оказались лишь носки, обмытые, как гворится, на славу.

Август отгорел, международный скандал разгорался, а я с однокурсниками отправился на картошку под перезвон гитарки и граненых стаканов. Мы пили, пели, и все было прекрасно для юных тел и голов: и безмятежный сон, и столь же радостное просыпание. Колеса стучали, поезд нес к конечной станции сельскохозяйственного края, где нас уже ждали машины с лавочками поперек деревянных кузовов.

Сентябрь оказался на редкость сухим и жарким, столько картофеля больше никогда в жизни не видел, под тяжестью мешков подгибались колени. Но к вечеру, после обильного ужина поверх стакана «тучи», настроение становилось прекрасным, как прекрасны были серые, в размер блюдца глаза

Ларисы. Особый шик заключался в том, что наш старший по сельхозотряду, лаборант института Леха никак не мог понять, когда мы умудряемся выпивать. Он нас тщательно обнюхивал, обыскивал, садился рядом, смотрел в оба глаза, в которых нарастало смятение по мере того, как трезвые парни стремительно «косели», и от них за версту начинало разить водкой. Он вплотную притягивал меня к себе и просил открыть секрет такого перевоплощения. Я ему обещал рассказать об этом по возвращении в общагу.

Город встретил осенней распутицей, холодными аудиториями, в которых по инициативе институтского комитета комсомола шло вялое обсуждение-одобрение введения в суверенное государство союзнических войск. Руководил процессом популярный в студенческой среде преподаватель политэкономии, на лекции которого шли валом студенты и младших курсов. Я был одним из них. Преподаватель слыл либералом, обладал подкупающим юность обаянием, читая курс политэкономии капитализма, мог о нем отзываться не только критически. Все это привлекало. В этих же навязанных сверху дискуссиях он выглядел неубедительно, был суетлив и резок в суждениях, все это отвращало и вызывало подозрение в фальсификации и лжи. С этих пор он для меня перестал существовать в качестве мыслящего человека.

Общага же вообще политикой не интересовалась, здесь не было ни радио, ни телевизора, а из купленного вскладчину магнитофона доносился хриплый голос Высоцкого. Он пел обо всем, в том числе и о нашей жизни скотской, которую в силу своей молодости мы таковой не считали, но вместе с его ритмами и мелодиями битлов это входило в сознание, становясь его частью, формировало, как потом обнаружилось, гражданскую позицию и даже мужество.

Вместе с тем подошла очередь зимней Олимпиады, с ее самой зрелищной частью — хоккеем. Ледовой советской дружине противостояли не только канадские профессионалы, но и сборные финнов, шведов, а также чехословацкие друзья. На тот момент «чехи», так их по-простому называли в народе, оказались самым трудным противником, им сборная СССР постоянно уступала, но при этом выигрывала состязание в целом. Расклад был следующим: наши проигрывали «чехам», но обыгрывали шведов, которые в свою очередь громили «чехов», а победа в целом оставалась за советской сборной. Комментаторы захлебывались от восторга, а народ замирал у голубых экранов.

В это время к нам в комнату поселился Саша, парень на факультете известный и даже в чем-то легендарный, так как будучи еще первокурсником, обломил самого Шиша, студента третьего курса Шишкова, наголоватого верзилу с жестким, поставленным ударом и крутой спиной. Саша вывел его из комнаты и сунул фейсом в газон, хотя ничего примечательного в его облике и телосложении не было. Он был высок, скорее, долговяз, имел лицо открытое, в прищуре светлых глаз походил на артиста Олега Янковского. Наверное, это и привлекало к нему девчонок, которых он осчастливливал во время своих регулярных ночевок в ленинской комнате, куда он с матрасом на плече отправлялся «заниматься», а уж в подругах для этих «занятий» недостатка не было.

На время хоккейных баталий Саше пришлось сменить место для частных встреч, так как в ленинскую комнату поселился взятый напрокат

телевизор, собирающий у своего экрана не только парней, но и девушек. Саша тоже слыл завзятым болельщиком. Все восхищались игрой Старшинова, братьев Майоровых, меня же эти производные от воинских званий фамилии и их носители не вдохновляли. Я болел за чехословацкую сборную, которая обыгрывала наших. Прикрывался от жесткой «критики» фальшивой нотой спортивного комментатора: «Вот еще одну шайбу забили наши чехословацкие друзья». Отвечал: «Друзья, я болею за наших друзей». Для меня музыкой отзывались имена Недамански, Иржи и Ярослав Холики, Дзурилла. Они были настоящими мастерами своего дела, с большим вдохновением впечатывали шайбы в воротца советской сборной. В это время в ленинской комнате повисала зловещая тишина, но на мое счастье за «чехов» болел и Саша.

По окончанию матча мы с Сашей радостно отмечали победу, остальные с досадой — поражение, но повод был замечательный, а закуска так себе, поэтому, быстро захмелев, мы располагались по своим койкам, ситуация же к разговорам не располагала.

Саша обладал замечательной способностью часть выпивки оставить на другой день, чтобы «поправить» здоровье. При этом так искренне утверждал, что ничего впрок не утаил, что трудно было ему не поверить. И так, обычное похмельное утро в общаге: выпито все, даже чайник предательски пуст. Открываю глаза от резкого запаха водки, вижу лукавые Сашины глаза и слышу: «Николай Васильевич, извольте выкушать». На поднесенной тарелке четверть граненого стакана водки, ломтик хлеба и луковка. Царский натюрморт. Выпиваю, занюхиваю. Хрумкнул луковицей, закусил хлебушком. Лепота, отпустило, гляжусь Гоголем: длиннонос и длинноволос. С теплотой в голосе: «Спасибо, Саша, в долгу не останусь, отныне ты для меня дорогой товарищ, а кто для комсомольца наиболее дорог, конечно же — Ильич». И надо же — к нему это приклеилось.

Ильич обладал характером легким, в отношениях был прост и ровен, со всеми на дружеской волне. Выпивал, но в меру, науками не заморачивался. Короче, брал от жизни все то, что давалось без особых усилий и само шло в руки. Но однажды пришел с ночных «занятий» не под утро, а как-то подозрительно рано. Я поинтересовался:

- Что, не дала?.
- Да нет,- расстроено буркнул он.
- Так почему мой друг невесел? И не только голову повесил?
- Пернул в самый неподходящий момент.
- Ну и что, — со смехом сказал я. — Извинился бы и продолжил.
- Да нет, — с грустью в голосе ответил он, — все упало.
- Ничего, — обнадежил его я, — в следующий раз встанет. Или тебе стыдно?

Он внимательно посмотрел мне в глаза и так очень серьезно сказал, что ему стыдно лишь за нашу партию и за наш народ, а в данном случае просто неудобно будет эту девчонку повстречать, да и что она о нем подумает, тем более расскажет. Не ожидал от него такой слабости, хотя циником он уж точно не был.

Прошло несколько лет. Ильич оставил факультет, и я его потерял из виду. Окончил институт. Начал работу в качестве молодого специалиста.

Женился. Был призван в советскую армию. Прошел курс молодого бойца. Принял присягу. В общем, солдат спит, а служба идет, другими словами, втянулся, и дни покатались, один похожий на другой. Масло съел — день прошел, ничего приятного уже в этот день не будет.

Но выпал денек, который, даже если специально постараться, из памяти не выбросишь, такой он запоминающийся.

Началась вторая декада сентября, по всем параметрам лето. Тепло, даже жарко. Воздух тих, день светел, разлита какая-то в нем благодать. На душе легко и благостно, но в то же время какие-то тревожные нотки звучат. И точно: приносят телеграмму, где меня родители жены поздравляют с рождением сына. Метнулся к ротному, с которым связывали не только служебные отношения. Он выписал увольнительную.

Дозвонился, успокоили: все нормально, парень три двести, назвали, как хотел, — Сережей. Возвращаюсь назад, размышляя о том, как бы в отпуск вырваться. Хороших идей не обнаруживалось. И тут неожиданно у kiosка меня окликнули. Я глазам своим не поверил — Ильич. Вот так встреча!

Я за всю свою службу и капли не выпил. А тут двойной повод. Ильич был не один. Что-то там быстро сообразили-соорудили с закуской на буторке, вернее, ящике. Выпили, разговорились. Вспомнили былое. Я спросил: «Почему ты, Ильич, за «чехов» болел?». Он ответил, что просто этим выражал свой протест. Я так не мыслил, во мне это подспудно было, мне как бы какая-то истина открылась. Я уточнил: «Ты сразу это знал?» Он сказал, что нет.

Проснулся я в казарме, меня тряс дежурный по части офицер: «Давай вставай!» И, налив полстакана водки, сказал: «Дерни и дуй к себе в радио-мастерскую, завтрак дневальный принесет, да вот еще тебе сверток передали». Я выпил, занюхал, зажевал, открыл. В свертке был белый свитерок, тонкий, шерстяной, и записка: «Носи, Василич». Этот подарок согрел меня зимой, а так как был под цвет солдатского белья, то ведущими борьбу со шшивчиками офицерами не отбирался. Спасибо тебе, Ильич.

Много мерзостей в нашей жизни совершалось. Было нестерпимо стыдно, и каждый раз, когда сбивают очередной «Боинг», я напиваюсь вусмерть, так как не могу себе представить, о чем думает задремавший в самолетном кресле ни в чем не повинный пассажир в тот смертный миг, когда его вырвали из краткого забытья лишь затем, чтобы погрузить в вечное.

За кого ты сейчас болеешь, Ильич? За Киевское «Динамо», или за Донецкий «Шахтер»?

Дамба. Ночь. Эпизод первый

Августовские ночи в Биробиджане редко бывают прохладными. Земля, трава и асфальт по-летнему неохотно отдают вобранное за день тепло. Но сумерки наступают быстро — осень уже не за горами.

В самом начале одной из таких ночей двое парней и две девушки заняли лавку перед подъездом во дворе на западной окраине города. Расположились они удачно. По обеим сторонам от входной двери плотными стенами поднимались кусты сирени. Одна из них накрывала ветвями лавочку, словно крыша беседки. Задёрнутые шторами окна домов сияли рассеянным, уютным светом.

Компания не принадлежала к хулиганскому сословию: музыкой своё присутствие не обозначала, пивными бутылками не звенела, разговор вела негромкий, и потому никому не мешала. Олег, Стас и его девушка, Настя, были студентами здешнего университета. А Маша, Настина дальняя родственница, приехала к ней на недельку в гости из Владивостока.

Шесть дней этот квартет был неразлучен. Маша за это время нашла, что «Бирику, ясен пень, против Владика слабо. Но городок всё равно прикольный». Возможно, она уехала бы домой и чуть пораньше, но между ней и Олегом, похоже, наметилась взаимная симпатия. Значит, и торопиться с отъездом раньше времени не следовало.

Вообще-то неразлучная четвёрка уже успела побывать в Биробиджане решительно везде, где принято развлекаться у местной молодёжи, так что сегодня идти, собственно, было некуда. Да и, честно говоря, все уже подустали от ежевечерней суеты. Поэтому сегодня засиделись у себя во дворе, не заметив за неспешной беседой, как опустились сумерки.

О чём может говорить компания из двух парней и девушек, когда в ней одна пара уже сложилась, а другая — вот-вот могла сложиться? Да о чём угодно! И никто уже не помнил, в связи с чем Маша предложила:

— Люди, а что мы во дворе сидим? Спать всё равно неохота. Пошли, что ли, на Биру сходим? Картошку возьмём, напечём на костре. А?

На секунду повисла тишина. Потом Олег сказал:

— Да у нас как-то не принято ночью на Биру ходить.

Произнесено это было так, словно он извинялся. И это было необычно, потому что по жизни Олег был парень далеко не из робких.

— Понятно, — кивнула Маша. — Комарьё достаёт?

— Да не-е-ет... — протянул Олег. — Просто не принято это как-то...

— Не поняла. — Маша недоумённо посмотрела на ребят.

Олег, который до этого глаз от неё не отводил, теперь растеряно переглядывался с Настей. Стас пожал плечами и с деланным равнодушием отвернулся, сосредоточившись на открывании банки энергетика.

— Так вы что — туда ночью никогда не ходили?

В ответ ни слова.

— Никогда? За всю жизнь — ни разу?

— Да что туда ходить-то по темноте? — Олег снова обратил взгляд на Машу и улыбнулся. Улыбка у него получилась несколько растерянной.

— Ой, да хватит париться! — с досадой произнесла Настя. — Хорош о всякой ерунде болтать. Может, по домам?

Хотя Настя и Маша и были дальними родственницами, внешнеюстью они походили на близняшек — обе высокие, по-русалочьи светловолосые и светлоглазые. Но вот характеры у них отличались разительно. Настю все знали как девочку рассудительную и к необдуманным решениям не склонную. Маша же была, как говорится, ураганом в юбке. Всё, что находилось в радиусе десяти метров от неё, как по волшебству приходило в движение и крутилось-вертелось по её воле, пока она или не успокаивалась, или не удалялась. Вот и сейчас она завелась буквально с пол-оборота.

— Ни фиги себе! Настюха! Парни! Что спать-то? На пенсии выспимся! Мне же завтра уезжать! Насть, Стас, айда прошвырнёмся! — И особым, просяще-капризным тоном добавила: — Ну, Олег, ну пожалуйста...

Разумеется, Олег не устоял. По-спортивному ладно скроенный, он одним плавным решительным движением оказался на ногах. Сразу стало ясно — если другие с Машей не пойдут, то он отправится обязательно:

— Ну что? Время ещё детское. Давайте прогуляемся.

Как известно, мозги у парней работают в одном направлении. Поэтому пока Олег выдавал свой краткий монолог, Стас мигом сообразил, что ночная поход к Бире — хороший повод продлить своё собственное свидание с Настей. Поэтому он тоже, хоть и не столь решительно, но всё же вступился за «прогулочный проект»:

— Слушай, Настя, пошли? А то точняк как малолетки: чуть стемнело, и сразу по домам.

Настя досадливо пожала плечами — дались им эти ночные вылазки на Биру! Но, в принципе, устраивать размолвку в компании оснований не было. Да и не хотелось, чтобы Маша уезжала с плохим осадком: обидится и во Владик на следующее лето не пригласит. Кроме того, и девчонка всё-таки клёвая, и хоть и дальняя, а всё же сестра.

— Ну, коли так приспичило, — в Настином голосе вспыхнуло и погасло лёгкое раздражение, — кам ту риве, чилдренз!

Идти было всего ничего. Вышли со двора, свернули за угол и оказались на Сорокалетке — широкой проезжей улице Сорок лет Победы, которая в этом месте плавным полукругом переходила в другую улицу — Набережную.

— Вот вам — пожалуйста! Предел ваших мечтаний, — снова раздражаясь, проговорила Настя и широко развела руками. — Довольны?

Но Маша её пессимизма не разделила.

— Вау! — Её глаза заблестели. — Смотрите: как два разных мира.

За спинами друзей высился крайний угловой дом микрорайона. Светящиеся окна и балконы, доносившиеся от них звуки наполняли его повседневной жизнью готовящихся ко сну людей. Перед ними лежал, матово поблёскивая асфальтом под ярко-оранжевыми уличными фонарями, поворот шоссе. А за ним, действительно, начинался как будто иной мир.

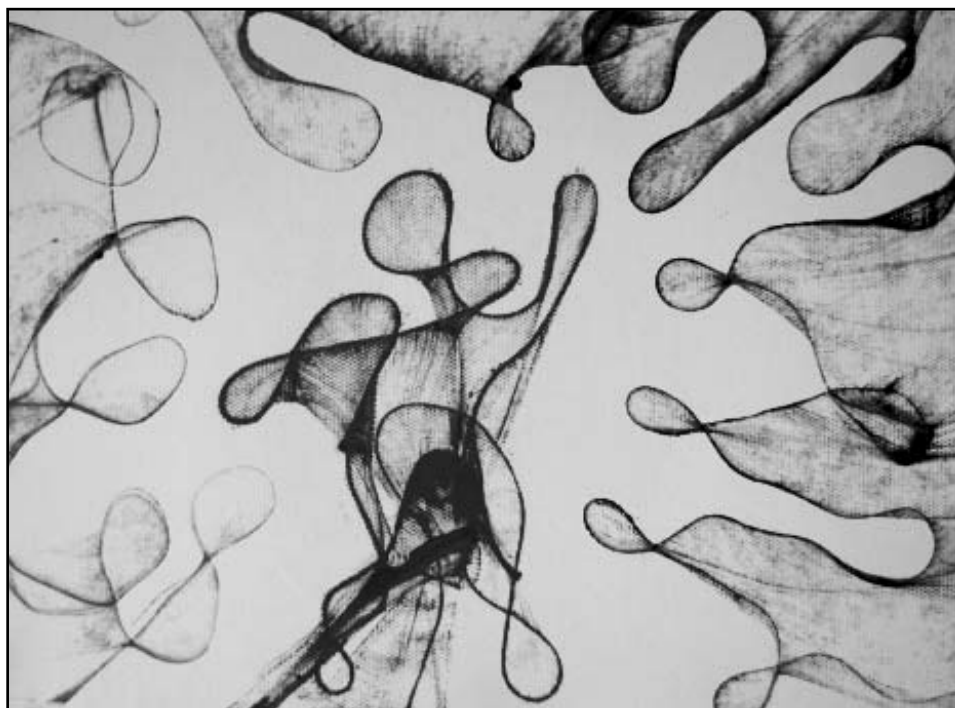
Правее неровными рядами смутно серели приземистые прямоугольники одинаковых в своём безобразном виде гаражей. Царившую между нами темноту разбавлял цвет бетонных стен, исходящие откуда-то из глубин меж-

Сергей Толмачёв. В тайге

Сергей Толмачёв. Вечная пристань

Сергей Толмачёв. Из цикла "Фигуры"

Сергей Толмачёв. Февраль и Март

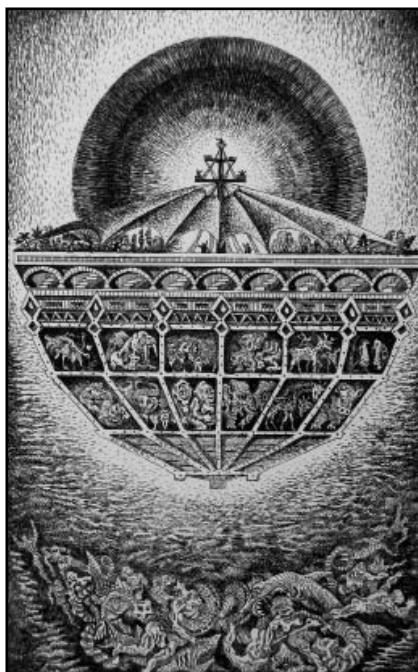
Сергей Толмачёв. Утешение

Сергей Толмачёв. Вавилонская башня

Сергей Толмачёв. Сотворение Адама

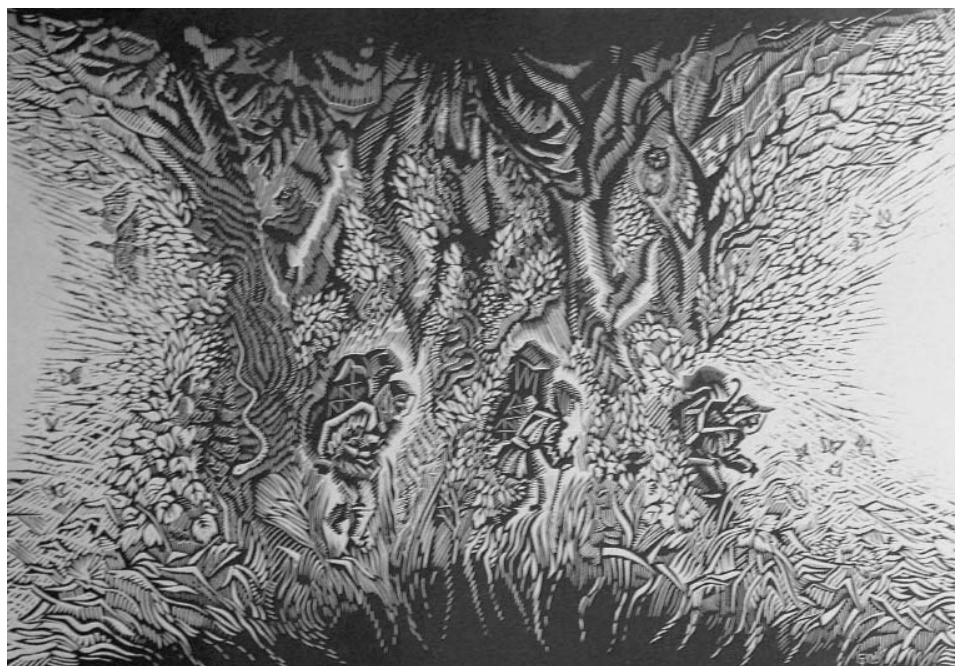
Сергей Толмачёв. Ноев ковчег

Сергей Толмачёв. Из цикла "Зима"

Сергей Толмачёв. На рыбалке

Сергей Толмачёв. Таёжная тропа

гаражного лабиринта рассеянные отсветы тусклых лампочек. Вдобавок оттуда доносились приглушённое расстоянием плаксивое причитание шансона.

Левее, начинаясь небольшим отлогим спуском, лежала дамба. Проложенная по её хребту укатанная грунтовая дорога уходила прямой беловатой полосой в сплошную черноту. Эта чернота была такой густой, что казалась плотной, осязаемой. Она стояла угрюмой стеной, которая поглотила, уничтожила пространство.

— Ух ты... — зачаровано проговорила Маша, — точняк как в ужастике.

Издали донёсся истеричный, нарастающий рёв мотора — по Сорокалетке летел легковой автомобиль без глушителя. Он вихрем пронёсся мимо ребят и, отчаянно завизжав тормозами, еле вписавшись в поворот, ринулся дальше — по Набережной. Его стоп-сигналы быстро таяли в отдалении.

— Дебилы, — нахмурилась Настя. — Мань, ну что? Насмотрелась?

— Да погоди ты. — Маша наискось пересекла шоссе и встала над спуском к дамбе.

Олег, как привязанный, пошёл за ней. Стас оглянулся на Настю. Она в сердцах махнула рукой:

— Ну идём, что ли...

Теперь все четверо стояли на у начала дамбы.

— Уматно... — прошептала Маша и замедленным движением указала на дамбу: — Прогуляемся?

— Да ну тебя! — Голос Насти дрогнул. — Точно, как в ужастике. Что за дурость — по темноте шастать?

— Да, Маш, — поддержал подругу Стас. — Ну её.

— Почему? — не отворачиваясь от хребта дамбы, тихо спросила Маша.

— Да потому, что там ночью никто не гуляет! — В голосе Стаса, до этого спокойном, тоже зазвучало раздражение.

Все замолчали. Между тем, глаза привыкли к темноте. Она стала не такой непроницаемой и как бы приобрела внутренний объём. Контур дамбы проступил чётче. Справа обозначился длинный ров, отделявший её от задних стенок гаражей. Слева стало различимым переплетение древесных стволов и ветвей приречного лесочка, а за ним тусклым ртутным отсветом поблёскивала лента Биры. От этой картины веяло чем-то непривычным, тревожным.

Пришедшая от реки свежесть коснулась рук, заставив кожу покрыться мурашками.

— Как дорога к замку Дракулы... — снова тихо подала голос Маша. Затем повернулась к Олегу. — Ты со мной?

Стас слегка тронул её за плечо:

— Мань, оно, конечно, тут ничего особенного нет. Только на кой тебе это надо?

Маша дёрнула плечом, не отрывая потемневшего взгляда от Олега. Он кивнул:

— Пошли. — И сделал первый шаг по грунтовке. Маша последовала за ним.

Они шли по дамбе рука об руку. Олег мельком оглянулся. Залитый фонарными огнями поворот с ярко очерченными силуэтами Насти и Стаса остался почти в полусотне шагов позади. Близкое присутствие Маши теперь

волновало, как никогда. Её лицо, обрамлённое темнотой, неуловимо приобрело новые прекрасные черты, и словно светилось слабым серебристым светом. И именно сейчас ясно ощущалось, что она — слабая девушка, которую надо оберегать и защищать.

— Тебе не холодно? — спросил Олег, забирая её ладонь в свою.

— Нет. — Машины пальцы шевельнулись, как птенцы в гнезде. — Ты только не думай, я не какая-нибудь там на мистике повёрнутая.

— Я так не думаю.

— Просто немного нестандартного драйва захотелось. Понимаешь?

— Понимаю. Главное, что я здесь с тобой.

— Правда?

— Угу.

Маша и Олег остановились и повернулись друг к другу.

— Ты хороший.

— И ты. И ещё — красивая.

— Я скоро уезжаю ... А ты во Владик приедешь?

— Обязательно.

— Когда?

— Если хочешь — на новогодние каникулы.

— Хочу.

Олег приобнял Машу, и она доверчиво подалась к нему навстречу.

— О-го-го! — раздался дурашливый выкрик Стаса. — Всё видим!

И тут же раздался голос Насти:

— Маша, Олег! Хорош! Возвращайтесь!

Олег досадливо поморщился:

— Во пристали... Но, действительно, давай уже пойдём.

— Ладно, поворачиваем... — с неожиданной покорностью согласилась Маша, доверчиво прижавшись к его боку.

Они неспешно побрели к освещённому повороту, к терпеливо ждущим их друзьям.

В этот миг в подсознании Олега шевельнулась мысль о том, что их спины оказались повернуты к тому самому пространству, которое только что выглядело таким чужим и враждебным. Шевельнулась, пустила мимо-лётную волну морозной дрожи между лопаток и исчезла. Гораздо важнее казалось то, что Маша так запросто позволила себя обнять, ощущать исходящее от неё волнуемое тепло.

Было хорошо видно, как на краю подъёма с дамбы Настя переступала с ноги на ногу — ей явно не терпелось закончить ночную прогулку. Стас, полуотвернувшись от неё, неторопливо прикуривал.

Всё изменилось в один миг. Настя, сдвинув колени, присела и пронзительно взвизгнула. Стас отшвырнул сигарету и крикнул:

— Олег! Сзади!

Над ухом Олега раздалось безобразное карканье, а в его руку железной хваткой впились тупые когти. Понадобилось целое мгновение, чтобы осознать — это кричит, оглянувшись первой и стиснув его предплечье, Маша. Олег сначала изумился, что она способна издавать такие звуки и в ней столько силы. И лишь затем резко оглянулся.

Волосы шевельнулись у него на затылке — их настигала погоня.

Сначала Олегу показалось, что от темноты отделился и катится по дамбе в их сторону бесформенный чёрный ком. Но почти тут же он разглядел, что это — живое существо. Оно было размером с крупную собаку и передвигалось неуклюжими, ныряющими, но быстрыми прыжками.

Олегу словно ледяной кол вонзили в сердце, и оно бешено заколотилось в груди; судорога свела челюсти и кожу за ушами. Маша вжалась в его спину и тряслась, как осиновый лист.

— Олег, я боюсь! Боюсь! Боюсь! — твердила она как заведённая.

— Не вздумай бежать! — Олег стряхнул её руки с плеч, быстро наклонился, подхватил с грунтолки камень и стремительно распрямылся. — Это просто собака. Большая собака.

«Стоять. Стоять на месте!» — стучало в голове. И этот стук всё уско-рялся, делался громче, потому что тварь, ничуть не замедляясь, продолжала скакать к ним по дамбе. Она двигалась молча, и Олег с содроганием увидел мерцающие вспышки её желтовато-зелёных глаз. Глаз хищника.

— А ну, пошла вон! — хрипло выкрикнул он, шагнул вперёд и замахнулся рукой с камнем.

Обычно это движение если не останавливает собаку, то хотя бы заставляет её насторожиться. Но ничего подобного не произошло. Чёрный зверь неотвратимо приближался.

Олег стиснул зубы и приготовился к худшему. И оно произошло, но только не так, как он ожидал. За его спиной послышался лёгкий дробный топот — Маша побежала. Олег выругался, расставил ноги шире и чуть пригнулся. Тварь, увидев бегущую девушку, тоже прибавила прыти. Её прыжки стали плавными, размашистыми, глаза заблестели ярче.

Сзади раздался звенящий вопль:

— Стас! Нет!!

Это был Настин голос.

— Я здесь!

Слегка запыхавшийся Стас оказался рядом. Боковым зрением Олег уловил хорошо знакомую по былым уличным дракам картину: намотанный на руку друга ремень со свободно свисающей тяжёлой пряжкой.

— Что за чертовня, Олеж? — прохрипел Стас.

— Вроде собака. Только странная какая-то.

— Страннее некуда... Гля — остановилась зараза.

Зверь, действительно, остановился и начал медленно покачиваться из стороны в сторону. До друзей донёлся мерзкий звук — хныкающий и гнусавый. Он не был похож на собачье рычание.

— На!! — Олег метнул камень и... попал!

Раздался глухой смачный удар. Тварь даже не взвизгнула. Она замерла, затем просто встряхнулась и неотрывно уставилась на парней своими круглыми глазищами. Её голова чуть склонилась, а лапа резко скребнула по дороге. Послышался скрежет когтей о щебёнку. Низко над землёй метнулось и погасло несколько ярких искр.

— Ничего себе... — пробормотал Стас, крепче сжимая ремень.

— Отступаем. Только очень медленно, — прошептал Олег.

Пятясь, они сделали несколько шагов назад. Существо тоже сдвинулось с места. Оно начало перемещаться скачками из стороны в сторону,

сдвигаясь то к одному краю дамбы, то к другому. Зверь словно высматривал, можно ли напасть сбоку. Или примерялся — как проскочить мимо парней туда, где у конца дамбы находились девчата.

— Похоже, сейчас бросится, — процедил сквозь зубы Стас. — Возьми в руки хоть что-нибудь.

— Некогда, — ответил Олег. — Как кинется, бей ремнём сверху, а я — ногой сбоку.

— Понял.

Тварь была уже близко, но рассмотреть её как следует всё равно не удавалось из-за пригнутой головы и тёмной окраски шерсти. Различить удалось лишь кривоватые передние лапы и мощный, покрытый вздыбленной щетиной загривок.

— Готовься, — шевельнул губами Олег. — Сейчас начнётся.

И вдруг сзади раздался шум подъезжающей к повороту машины. Настя и Маша что-то закричали вразнобой. Мотор затих. Раздалось хлопанье дверей и послышались мужские голоса:

— Эй, парни! Что у вас там?

— Тут собака. Здоровенная, — не оборачиваясь, крикнул Стас.

— Сейчас подойдём.

Но выходить на дамбу мужчины не спешили. Они о чём-то заговорили между собой; до Стаса и Олега донёсся обрывок фразы: «может, бешеная».

Появление новых людей, похоже, сделало своё дело: зверюга не остановилась, но прекратила свои маневры и теперь продвигалась вперёд гораздо медленнее. От неё по-прежнему исходила угроза, но теперь она словно изучала изменившуюся обстановку.

Между тем Олег и Стас переступили черту, за которой начиналось освещённое шоссе фонарями пространство. И вскоре их ступни ощутили отлогий подъём — дамба закончилась. Несколько невольно ускорившихся шагов спиной вперёд, и они оказались на шоссе. Теперь можно было и оглядеться по сторонам.

С двух сторон их окружали четверо молодых мужчин. Один из них держал в руках короткую монтировку. На асфальте стоял, поблёскивая корпусом, похожий на небольшой броневик джип. За его капотом укрылись бледные, до изумления похожие сейчас друг на друга Маша и Настя.

Мужчины на Стаса с Олегом внимания почти не обратили. Оно было приковано к чернеющему на дамбе силуэту зверя.

— По ходу, ротвейлер, что ли?

— Да не... крупноват для ротвейлера... А ну-ка... — невысокий крепко шагнул вперёд, свистнул и резко взмахнул рукой. — Пошёл вон!

Тварь тут же возобновила свои ныряющие скачки в их сторону. Все услышали шорох гравия под её лапами.

— Опаньки, — удивлённо проговорил кто-то из его спутников. И тут же добавил: — Отойдём-ка лучше за тачку.

Брюнет в лёгкой спортивной куртке распорядился:

— Девчонки, быстро в машину! Димон, на полу салона, сзади, пара железяк должна быть. Давай их сюда.

— Постойте. Смотрите.

Олег указал на дамбу.

Зверь остановился перед кромкой света. Он пару раз попытался переступить через неё и даже приподнял лапу для шага вперёд. Но она как будто соскользнула по невидимой преграде.

— Что происходит? — с тревогой спросил кто-то.

В ответ раздался странный, рыдающий стон. Он раскатился над землёй, потом взмыл вверх, обратившись в звенящее злобное хныканье, и оборвался режущим уши хриплым визгом. Все инстинктивно подвинулись ближе друг к другу. Кто-то выругался. Тварь круто развернулась и поскакала в темноту, мельком оглянувшись через плечо. Людей уколол ненавидящий блеск её глаз.

— Господи, что это было? — пискнула Настя.

— Похоже, испугалась, паскуда, — неуверенно произнёс один из мужчин.

— А мне кажется — на свет она выходить не захотела, — возразил обладатель монтировки, и, подумав, добавил. — Или не смогла.

— Володь, ты что? Как это — не смогла? — раздражённо прервал его крепыш. — Она что, нечистая сила что ли?

Олег оглянулся на Машу и увидел, что она очень напугана — черты её лица заострились, лежавшая на капоте рука мелко подрагивала. Из-за уха выбилась и нелепо торчала в сторону прядка волос.

— Это просто собака. Большая собака. Вот и всё. Он взял её за руку.

— Ага. Просто собака, — снова подал голос крепыш. — А ты, парень, видел, чтобы собаки таким скоком скакали? Или слышал, чтобы так вопили?

— Всё! Хорош!

Брюнет открыл дверцу автомобиля.

— Вам, ребята, куда?

— Рядом, через дорогу.

— Вот и идите. Мы немного подождём, а там уж не обессудьте — у нас свои дела.

— Хорошо. Спасибо.

Девушки, обнявшись за плечи и часто оглядываясь, послушно пошли через шоссе. Стас и Олег, как стражи, двинулись за ними — чуть сзади и по бокам. Мужчины, тихо переговариваясь, начали рассаживаться в машине. Олег краем уха услышал:

— Сань, ты же со стороны дамбы сидишь?

— Ну.

— Боковое стекло на всякий случай подними, лады?

Один из мужчин крикнул уже из салона:

— Эй, молодёжь! Вы бы не по ночам не шарахались там, где добрые люди не ходят.

Стас, ступив последним из компании на газон за асфальтом, обернулся и помахал рукой. Джип фыркнул и газанул с места.

Проводы Маши прошли нормально. О ночном происшествии все, словно стоворившись, не вспоминали. Олега вообще ждал весьма приятный сюрприз. Перед посадкой в вагон Маша крепко, по-настоящему, поцеловала его.

Но когда поезд тронулся, Настя захандрила. Поэтому назад в автобусе ехали молча. Когда вышли на остановке «Дом быта», девушка попросила с ней не ходить и направилась в ближний универсам. Парни, пожав плечами, перешли дорогу и направилась вглубь микрорайона.

Стас неожиданно предложил:

- Старик, зайдём ко мне? Хочу кое-что показать.
- Давай. А что покажешь?
- Увидишь.

В комнате Стаса Олег привычно плюхнулся на диван:

- Ну, что там у тебя?
- Сейчас.

Стас что-то набирал в строке поисковика.

- Вот. Посмотри-ка внимательно.

Монитор заполнила африканская саванна, по которой под ритмичную музыку лавиной неслись зебры. Затем в мелодии прорезался угрожающий и величественный мотив — появились медленно идущие львы. Зрелище было, конечно, впечатляющее. Но Олег не числился среди фанатов видео о животных. Поэтому он нетерпеливо спросил:

- Ну и что?

Стас не ответил. Музыкальная тема осталась угрожающей. Но её тональность сменилась, предвещая приход новых грозных существ. И они появились.

Зрачки Олега расширились, а во рту стало сухо. Среди жёлтой травы, высоко вскидывая передние части широкогрудых тел, скакали могучие зверюги. Их движения были неуклюжими, но быстрыми и целеустремлёнными. И эта целеустремлённость нагоняла жуть. На уровне подсознания становилось ясно, что, наметив для себя какую-то цель, эти существа от неё уже не отступятся.

- Погоди... так ведь это... — выдавил из себя Олег.
- Узнал? Похожи? — криво усмехнулся Стас.
- Но ведь это...
- Ага. Гиены.

Стас погасил изображение. Друзья немного помолчали.

– Откуда в Биробиджане гиена? — наконец подал голос Олег.
– Кто её знает, — пожал плечами Стас. — Может, из передвижного зверинца сбежала. А может, придурак какой-нибудь у себя держал.
– Не... Зверинец-то у нас когда последний раз побывал? А если бы у кого из местных такое чудовище было — весь город бы знал.

- Втихаря держал.
- Нет, невозможно. Не хомячок. Да и зачем? Смысл-то какой?
- А я почём знаю?
- Слышь, Стас, а они у нас в лесу не водятся? Заповедник же в двух шагах от Бирика.

- Ты что, в школе не учился? Конечно нет!
- Мда. Интересно.
- Очень.

– Так погодь! Выходит, зря мы вчера напрягались. Это же гиена. Они ведь падалью питаются. Надо было не пятиться, а шугануть как следует. Мало я в неё камнем запуздырил! Надо было...

– Остынь! Та тварюга была похожа на гиен, которых я тебе сейчас показал.

- Ну и что?

– Это пятнистые гиены.

– Да хоть полосатые!

– Мало читаешь, братан. Не поверишь, но полосатые тоже есть. Вот они – трупоеды. А пятнистые... Я тут подсуетился насчёт информации. – Стас подвинул к себе лежавший на столе клочок бумаги и прочитал: – «В двух случаях из десяти пятнистые гиены, действительно, выступают в известной всем роли падальщиков. Однако в пяти остальных они самостоятельно убивают свои жертвы, в основном – крупных копытных, во время охоты на них. Наконец, в трёх оставшихся случаях пятнистые гиены отнимают добычу у других хищников. В том числе – у львов».

– Как?

– У львов, глухня.

Олег протянул:

– Серьёзные, оказывается, зверюшки.

– Уж куда как покруче собаки! – в сердцах произнёс Стас, комкая бумажку.

– Подожди... И вот такое чудище чуть ли не в городе шарится? А вдруг нападёт на кого? По дамбе же днём дети могут ходить, женщины. Народ рядом на Бире толчётся. Может, пока не поздно, в МЧС сообщить или в полицию?

– Вот-вот! Там точно решат, что мы кукукнулись. Представляешь – пришли два чудика и рассказывают о гиене в Биробиджане! У нас же ни фотки, ни видео... Следы ни ты, ни я, никто здесь вообще от собачьих наверняка не отличит. Да и с утра на дамбе, поди, уже люди натоптали, машины ездили. Дохлый номер!

– И что делать будем?

– А я знаю? Вообще не факт, что она всё ещё там.

– Вообще-то да. Может, убралась куда... Да и вряд ли она днём нападёт. А ночью... Ночью там только шибко умные вроде нас с тобой ходят.

– Сейчас всё равно ничего не решим. Давай вечером встретимся и помозгуем.

Помозговать не удалось. Вечером во всём микрорайоне выключили свет. Желание идти куда-то сильно ослабло. Да и острота вчерашнего происшествия притупилась. Короче, встречу решено было перенести на утро.

А утро началось с неприятного сюрприза.

Звонок мобильного заставил Олега разлепить веки и чертыхнуться: если Стас каждое утро ни свет ни заря, как заведённый, выходит на пробежку, то нормальные люди здесь при чём?

– Ты чего в такую рань трезвонишь? – осведомился Олег хриплым спросонья голосом.

– Старик, ты не мог бы сейчас прийти ко мне?

– Что за спешка? Случилось что-то?

– Думаю – да.

Эти слова прозвучали тоном, который мигом поднял Олега с постели.

– Сразу говори – фатально или нет?

– Приходи, увидишь.

Много ли времени надо парню для сборов в «пожарном порядке»?

Уже через десять минут, благо Стас жил в соседнем дворе, Олег вбежал в его подъезд. Взлететь на второй этаж, где жил друг, было секундным делом. И тут, за несколько ступенек до площадки, Олег запнулся, словно с размаху налетел на стену.

На тёмной металлической двери квартиры Стаса на уровне пояса взрослого человека среднего роста блестели четыре глубоких и длинных царапины. Они были совсем свежими — их желобки отливали незамутнённым стальным блеском. Вчера днём их не было.

Ступая, словно по горячим углям, Олег поднялся на площадку, нажал кнопку звонка. Тревожно оглянулся на верхний лестничный пролёт. Он был пуст, но Олег почему-то не отрывал от него взгляда, пока дверь не открылась.

Хмурый, одетый для пробежки Стас вышел на площадку.

— Что скажешь? — спросил он, кивнув на царапины.

Олег присел, провёл пальцем по одной из них, встал и покачал головой:

— Не хотел бы ошибиться, но... хм...

— Говори, что подумал.

— Стас, похоже, это след от когтей.

Олегу показалось, что Стас сейчас бледноват для добросовестно загоравшего всё лето человека. Но и ему тоже, откровенно говоря, сейчас было не по себе.

— Сразу говорю — большую собаку в подъезде никто не держит, — уточнил Стас.

— Угу... Понял. — Олег снова присел и осторожно потрогал царапины возле самого края двери у косяка. Присвистнул. — Ё-моё! Сам не увидел бы — не поверил.

— Что ещё? — с плохо скрываемым беспокойством спросил Стас.

— Да вот... На краю двери царапины шире и глубже. И их там больше, чем четыре. — Олег покачал головой. — Похоже, обладатель этих когтей очень старался войти в твою квартиру.

В подъезде, казалось, стало чуть темнее и прохладнее. Стас отступил к перилам и провёл ладонью по лицу, словно стирая с него что-то неприятное. Олег тем временем, спохватившись, устремился вниз по лестнице.

— Ты чего? — окликнул его Стас и, поскольку друг не ответил, сбежал вслед за ним.

Он застал Олега склонившимся над расщепом деревянного косяка подъездной двери.

— Зар-раза! Когда к тебе шёл — увидел, но значения не придал. А теперь всё один к одному.

Олег указал на застрявший в расщепе небольшой клочок шерсти — грубый, похожий на толстую щетину тёмного рыжевато-серого цвета. Стас брезгливо поморщился, присел на скамейку возле подъезда и передёрнул плечами:

— Точно как с хребта гиены. Олег, во что мы с тобой вляпались?

— Понятия не имею. Мы же ничего такого не сделали. Давай по порядку. Маше захотелось прогуляться ночью по дамбе. Там нам встретился зверь, похожий на гиену. Он хотел напасть на нас. И напал бы, но тут появились ещё люди, и он ушёл. Но сегодня ночью он, похоже, пытался открыть

твою дверь... Стоп! А как он её нашёл? Допустим, по запаху. Но тогда, почему — твою? Ведь первым на дамбу пошёл я, и камнем в него попал тоже я.

— Не строй из себя следака. Не мог зверь по запаху найти мою дверь: представляешь, сколько за сутки по тротуару прошло людей, а уж про машины, проехавшие по дороге, вовсе молчу — бензин начисто другие запахи перебил. А ко мне он пришёл просто потому, что я живу к дамбе ближе, чем ты. — Стас качнул головой и негромко добавил: — Гиена это, или кто другой там, но это решило начать с того, кого проще достать.

— Ты сам себя слышишь? Значит, запах пропал, но эта тварь точно пришла к твоей двери. И она что-то там перед этим решила. На минутку — это не человек и решать не умеет.

— Всё так. Только ты об одном, старик, забыл.

— О чём?

— Олег, ни фига она вчера этих мужиков на джипе не испугалась. Но один из них точно заметил. Она... в общем, она тогда не захотела выходить на свет. Или не смогла. А у меня за дверью сегодня оказалась, потому что в микрорайоне вчера ночью света, как помнишь, не было.

— Ты чего плетёшь?

— Плету то, что думаю. И хочу с этим разобраться.

— Не дури, ладно?

— Я не дую. Мы действительно во что-то вляпались. В такое, что пока лично мне совсем не понятно. Но эта тварь с дамбы теперь будет приходить к нам, точнее — за нами, всегда. Она будет появляться с темнотой. И я не хочу всю оставшуюся жизнь трястись после заката, как заяц. Не хочу за десять метров обходить стороной каждый тёмный угол. Не хочу дрожать, услышав ночью шорох у себя под дверью.

— Заканчивай эту лабуду.

— Закончу после того, как сегодня ночью разберусь со всеми непонятками. Ты со мной?

— Давай так: ближе к вечеру снова встретимся и поговорим. Лады?

— Лады.

Широкогрудая гиена, покачивая головой из стороны в сторону, брела по дамбе. Озираясь и приплюхиваясь, она направилась к повороту шоссе. Там тоже царил темнота. Гиена приподняла голову. Верхняя губа дрогнула, обнажив похожий на злорадную усмешку оскал.

Помедлив, она вышла на асфальт и внимательно огляделась по сторонам. Фонари над дорогой горели далеко слева, со стороны улицы Пионерской, и потому казались простыми светящимися точками. Набережная улица, так же, как и Сорокалетка, была совсем не освещена, но с её стороны приближалось негромкое и неспешное постукивание каблуков. Дома высились над поворотом как тёмные скалы. В некоторых из чёрных провалов окон тускло мерцали отблески свечей. На одном из балконов теплился крохотный огонёк сигареты.

Ноздри гиены чуть шевельнулись. Через мгновение она уже знала, что к повороту приближаются двое двуногих — молодые самец и самка; на балконе стоит зрелый самец, от которого исходил характерный запах жидкого дурмана.

Можно было и подождать, но гиена нетерпеливо метнулась на полусогнутых лапах через шоссе, беззвучно нырнула в кустарник придорожного газона и затаилась.

Стоявший на балконе алкаш не то чтобы увидел что-то: он уловил какой-то молниеносный бросок через асфальт.

— Утю! Я тебя! — гаркнул он в алкогольном задоре и швырнул вниз пустую пивную бутылку, которая глухо ударилась о траву рядом с притаившейся гиеной. Она метнула свирепый взгляд вверх, но с места не тронулась: из-за угла дома вышла пара.

Парень и девушка остановились — они услышали крик пьяницы, и бутылка пролетела едва ли не перед ними. И то, и другое они приняли на свой счёт. Между мужчинами возникла перебранка: парень предлагал балконному бойцу спуститься вниз, а тот, упиваясь своей недосыгаемостью для противника, всласть поливал его всеми известными ему ругательствами.

Между тем гиена терпеливо ждала. По её шкуре пробежала, вздыбив щетину на загривке, волна — от пары пахло добычей. Вкусной добычей. Из чуть раскрытой пасти на землю потянулась нить клейкой слюны. Но у неё сегодня была иная цель. И поэтому она, несмотря на соблазн, продолжала оставаться неподвижной.

Наконец девушка увела парня. Пьяный, чувствуя себя победителем, для полного самоутверждения ещё немного помитинговал на балконе и скрылся в квартире. Гиена поднялась на ноги. Она ненавидела двуногих — мерзких, шумных, вонючих, слабых. Ненавидела их всех.

Презрительно брызнув мочой на траву, хищница затрусилась вдоль стены дома и завернула во двор. Его погружённый во тьму квадрат был безлюден, но не пуст. Две бездомные дворняжки, потянув носами воздух, поджали хвосты и вихрем помчались прочь. Исподтишка наблюдавшая за ними из-за детской песочницы кошка оглянулась и, не теряя ни секунды, устремилась к ближайшему дереву.

Гиена не обратила на эту бесшумную суету ни малейшего внимания. Она подбежала к подъезду Стаса, несколькими движениями морды приоткрыла входную дверь и протиснулась внутрь. Дверная пружина оказалась тугой, и лохматый бок на миг был прижат к косяку. Но мощному телу хватило одного движения, чтобы освободиться; лишь в расщепе старенького косяка застрял небольшой клочок волос.

В подъезде было чуть сыровато, прохладно и не просто темно, а очень темно. Но это не было для гиены помехой. Она сделала было несколько уверенных шагов и тут же замерла: в замкнутом пространстве когти звонко клацали о бетон. Тогда её шаги стали осторожными — лапы касались ступеней так, словно ежесекундно ожидали удара стальных челюстей капкана. На втором этаже она остановилась перед металлической дверью, за которой скрывался тот, кто был ей нужен. Её горло задрожало от тихого клокочущего рычания, оголившего кровожадный оскал острых конических зубов.

Гиена попыталась поддеть край двери носом. Бесполезно. Тогда она подняла лапу и стала отдиравать ею дверь от косяка. Одна бесплодная попытка следовала за другой. Гиена, забыв об осторожности, дрожа от распиравших её нетерпения и злобы, со скрежетом рвала когтями металл. Наконец, лапа сорвалась, оставив на гладкой поверхности длинные глубокие борозды.

Ничего не получилось. Гиена присела на задние ноги и тонко заскулила. Странно было услышать этот звук от такого могучего и страшного существа. Выражение гиеньей морды сейчас могло напугать кого угодно: в глазах пробежали красные искры, пасть обнажилась до самых дёсен; кожа на переносице собралась в складки, которые ошетинились вставшей дыбом короткой шерстью.

Жалобный скулёж был ничем иным, как выражением высшей степени озлобления этого чудовища. Лишь чья-нибудь, всё равно чья, смерть могла хотя бы немного загасить душивший сейчас свирепого зверя гнев.

Этажом выше открылась дверь, послышались голоса.

— Леночка, ну куда ты по темноте пойдёшь? Оставайтесь ночевать. Ляжете с Оленькой на диване, — сказал кто-то голосом пожилой женщины.

Ей ответил молодой голос:

— Да ладно, мам. Мы домой. Оля, домой хочешь?

— Хотю, — раздался детский лепет.

— Вот ты упрямая! Хотя бы подожди, отец фонарь возьмёт и проводит... Серёжа, где ты там возишься?

— Мы пока спустимся потихоньку. Возле подъезда подождём.

На лестнице послышались шаги двух спускающихся людей — осторожные шаги взрослой женщины и лёгкое шарканье детских сандаликов.

Гиена насторожилась, едва лишь наверху начала открываться дверь. Первый её порыв был к бегству. Но жажда убийства оказалась сильнее. Она, не таясь, шумно развернулась к верхнему лестничному пролёту.

— Ой! Кто там? — испугано пискнула девочка.

— Чего ты? Кто там ещё? — чуть досадливо спросила ведшая её за руку молодая женщина, и осеклась. С нижней площадки на неё уставились два круглых зеленоватых глаза.

Женщина завизжала — пронзительно и отчаянно, порывисто подхватила ребёнка на руки.

— Лена, что у тебя там?! — заполошно вскрикнули наверху.

Ответа не последовало: женщина, прижав к груди испуганного ребёнка, молча метнулась назад. Но снизу раздался заставивший подкоситься колени мерзкий визгливо-гнусавый вопль, и вверх по лестнице к ней устремилось что-то кошмарное.

Олег вздрогнул и открыл глаза. В первую секунду пробуждения он с тревогой попытался осознать — кричал он во сне или нет. Но судя по тому, что родители никак не дали о себе знать из соседней комнаты, все же не кричал.

Сев на диване, он медленно потёр ладонями лицо. В комнате проступили первые признаки приближающегося вечера. Олег поморщился: спать днём вообще-то не входило в его привычку. Вот и сейчас он не мог понять, каким образом его так сморило.

Станным было ещё и то, что ему впервые довелось увидеть собственный сон, как говорится, со стороны. Увиденное оказалось весьма реалистичным и очень неприятным. Образ гиены предстал в нём гораздо чётче, чем накануне наяву на дамбе. Мало того, все её действия в его сновидении были чёткими и последовательными — от момента появления до свирепого бро-

ска вверх по лестнице. Это выглядело довольно пугающе. К тому же он знал, что гиена существует на самом деле, и всё то, что было увидено во сне, учитывая обнаруженные в подъезде Стаса следы, запросто могло произойти в реальности.

Как там Стас сказал? «Но эта тварь с дамбы теперь будет приходиться к нам, точнее — за нами, всегда. Она будет появляться с темнотой. И я не хочу всю оставшуюся жизнь трястись после заката, как заяц. Не хочу за десять метров обходить стороной каждый тёмный угол. Не хочу дрожать, услышав ночью шорох у себя под дверью».

— Ты прав, старик, — пробормотал сквозь зубы Олег и взял телефон. — Алло, Стас. Когда подойти?

Они стояли на самом рубеже освещённого пространства. Дальше начинался мрак. Под ногами у них лежал спуск к призрачно убежавшей вдаль по хребту дамбы дороге.

В руках у парней были мощные фонари. Стас, деловито нахмурившись, освободил от темного полиэтилена железный прут с импровизированной рукояткой из изолянта. Обернулся к Олегу:

— Что у тебя?

Олег расстегнул дорожную сумку и достал кухонный топорик с широким полукруглым лезвием и рифлёным, утяжелённым для отбивки мяса, обухом. Сумку отбросил в придорожный бурьян. На вопросительный взгляд Стаса ответил:

— На обратном пути подберу.

Стас кивнул и спросил:

— Как думаешь, она там?

— Там. Куда ей деться. Прячется пока где-то. Но думаю, нас она уже засекла.

— Идём?

— А выбор есть? Сам сказал — если не мы за ней, то она за нами придёт.

— Тогда двигаем.

— Угу. И что бы там ни было, держимся вместе.

— Само собой.

И они ступили на дамбу...

Крещенская ночь Стёпки

События описаны реальные, в ночь на 18 января 1925 года село Доброе на 3 ½ часа захватывалось бандой хунхузов в 150 человек

Стёпке в этот год, аккурат на Пасху, исполнялось одиннадцать лет, и он считал себя уже взрослым. Да и как иначе. Уже прошлое лето и половину осени, до самого Покрова, проработал паренёк подпаском — сам себя кормил, облегчая заботы родителей.

Две зимы всего проходил Стёпка в школу (она у них в селе Добром двухклассная). А чтобы учиться дальше, надо было ехать в Екатерино-Никольскую, это волостной центр, аж за 56 верст, да там у кого-то жить. Вот только кто дома будет помогать? Остальные дети в семье мал-мала-меньше. Сестренке, Ксюшке — только семь, два брата вообще карапузы. А тятка, как пришел с войны, всё время и мучится. Перед непогодой его так крутит, что он по ночам от боли кричит. И на глаза слепнет. Ему бы доктора настоящего, да где в округе его сискать? И кто ж к ним в глухомань бездорожную из-за одного мужика поедет? В деревне же только бабка-повитуха да коновал. Тем и спасаются добринцы...

Хоть и считается их деревня, что носит такое ласковое название — Доброе, небольшой, всего с полсотни дворов, но коровы в каждом дворе, да нетели и бычки. Набиралось скота больше сотни голов! Поэтому, как только через неделю после майских праздников на полянках вырастала трава с пару вершков, мать будила Стёпку на самой заре и вручала большую кружку парного молока и ломоть хлеба, который часто заменялся то куском пирога с диким луком и капустой, то пирога рыбного.

Речка протекала здесь сразу за огородами и называлась также как и деревня — Доброй. Рыбы в ней водилось такое изобилие — только не ленись. Если карась, то со сковородку. Щука в полпуда считалась рядовой, а сазаны, что летом, в июльскую большую воду, выходили кормиться на залитые луга, так те — что трехмесячные поросята.

Вот только за стадом нужен глаз да глаз. Ведь могут и поля потравить и разбрестись по кустам, спасаясь от надоевшего овода. Побегай тогда за ними. Выручал пёс Смелый. Его ещё щенком батя привез из Нагибово — это соседняя деревня, прямо на Амуре стоит. Отец говорит что Смелый — помесь якутской лайки с волком. Раньше в районе Биракана была зимняя ярмарка, туда приезжали караваны даже из Якутии. Оттуда привезённые ножи славились и выносливые лошади, которые даже зимой могли кормиться на подножном корме. Из такого проходящего каравана и взяли здешние селяне крупного щенка, который не скулил, не тьявкал нелепо, когда его приподнимали за ухо, а молча висел, перебирая в воздухе толстыми лапами: «караактер» показывал...

Сегодня вечером, сразу после ужина, батя приготовил ледоруб и несколько разных по размеру, сплетенных из тонкого ивняка «черпаков». Стёпка сначала подумал, что готовится снаряжение на рыбалку, но где тогда сети?

— Тятя, ты на рыбалку собрался, а меня не зовешь?

Задумавшийся о чём-то отец, верно, не расслышал сына, пришлось повторять свой вопрос отцу ещё раз.

Тот почесал затылок:

— Через день Крещение. Старухи-соседки упросили меня да соседа нашего — Якова — сделать на реке большую прорубь. Мол, в колодцах воды совсем мало, а все вдруг разом затеяли большую стирку. Знаю, не прорубь им нужна, а иордань. Да моё дело маленькое, тем более задаток уже получил — десять фунтов муки да ядрицы столько же.

Помолчав, добавил не спеша:

— Так что пусть освятят водичку, а через пару дней можно и карася почерпать на ямах, да вьюна на Чёрном ручье: его там санями вози. А теперь марш на печку, утро вечера мудренее...

Русская печь занимала чуть ли не треть избы, главным украшением которой была никелированная кровать — мамкино приданное.

Степка ещё долго ворочался на тёплой печи. С полатей было видно, как отец, сидя на низенькой табуретке у приоткрытой дверцы (подтопка-керосин нынче дорог), подшивал ему катанки. Сначала сучил дратву, протягивал через кусок воска, а затем шилом прокладывал стёжку. И то правда, подошвы Стёпкиных валенок совсем прохудились, а через дырку сбоку, которую отец заделал было заплатой из изюбриной кожи, постоянно набивался снег.

Наконец мальчуган заснул, и снилось ему, как ледоход крушит на реке заторы и мутная вода несёт почерневшие льдины.

Проснулся Стёпка от того, что его тряс за плечо отец, несмотря на темноту в доме, почему-то одетый. Даже через закрытые двери и окна был слышен собачий лай, псы по всему селу аж хрипели. И тут сразу в нескольких местах лай осёкся и перешёл в предсмертный вой.

Стёпка это сразу понял — так визжал их пёс Дымок, когда в прошлую зиму на охоте секач вспорол тому своим страшным жёлтым клыком бок.

Отец выдохнул: «Хунхузы! Мигом одевайся, бери Смелого и дуй в Нагибово — пусть подмогнут».

Уже через полминуты Стёпка был на улице. Отец снял пса с цепи и привязывал к его ошейнику свой плетёный пояс. У Смелого шерсть стояла дыбом, но он не лаял. По полуволчьей своей породе он всё всегда делал молчком, поэтому на охоте с ним в паре пускали другую собаку, для голоса. Стёпке отец присоветовал только, передавая поводок Смелого:

— Давай огородами, затаись в тальниках и только потом беги. На тебя да ноги твои вся надежда.

Их дом стоял на самом берегу. Крутой яр был очень скользкий и, скорее всего, лесным разбойникам пришлось обходить его дальше стороной. Поэтому Степке повезло, он успел прошмыгнуть, прежде чем хунхузы взяли деревню в кольцо, но ещё полверсты лез через сугробы и кусты, держась за ошейник пса, прежде чем выскочил на дорогу.

Расстояние до соседней деревни — вёрст с шесть. Не будь Смелого, в темноте и сбиться с пути было недолго. А кругом — поля, продуваемые ночным ветром. Заплутаешь, выбьешься из сил, сядешь на корточки передохнуть — недолго пропотевшему от бега и заснуть навсегда на крещенском злом морозе. Но пёс-полуволок уверенно тянул своего маленького поводья

к далёкому жилью, по сугробам тащил мальчугана, как хороший рысак прогулочную коляску. Кожаный поясок крепко был намотан отцом Стёпки на руку мальчика поверх рукавицы.

Ни Стёпка, ни отправивший его в ночь отец не знали, что обходя дом у крутого яра, хунхузы всё-таки заметили цепочку некрупных следов, уходящую от задов крестьянской усадьбы в тёмное ночное поле. Кинулись было двое проверить — не послали ли из села за подмогой, но вскоре вернулись: за следами ребёнка неотступно следовали отпечатки широких волчьих лап. Махнули рукой — сожрёт серый мальца, не упустит. Ну и шуму меньше, и на нас гибель гонца не спишут — не будут искать так настойчиво. Мужики — будут больше о добре печься, снова в земле своей ковыряться. Крестьяне для лесного бродяги-разбойника — подножный корм!

В Нагибово было тихо. В домах — ни огонька. Мальчик и пёс-полуволок ещё только подбегали к крайней избе, как местные псы подняли разногололицу, почуяв чужаков. А когда Стёпка забарабанил руками и ногами в деревянную глухую калитку и вовсе перешли на остервенелый лай.

В растревоженной избе зажегся тусклый свет и кто-то приотворил тяжёлую дощатую дверь.

— Кого там нечистая несет, будто пожар? — окликнул в темноту с порога недовольный мужской голос.

— Дяденька, я с Доброй. Хунхузы у нас... — Голос от напряжения и страшного бега у мальчишки осёкся.

Огромного роста мужик в накинутой на плечи шубе уже отворял калитку. Увидел оцетиневшегося, похожего на волка пса, рядом со Стёпкой, опасно спросил: «Не цапнет? Заходи быстрее и веди его в дровяник».

Замахал руками на своих двух лающих сторожей: «Замолкните, ироды!», и потащил паренька в дом.

Там тоже все уже проснулись. У замёрзшего оконца стояла женщина в накинутом на плечи платке, на столе тускло горел огрызок сальной свечи, с печки свешивались три ребячьих головы. В избе мужик велел Стёпке:

— Ну? Давай, докладай, что у вас там?

Стёпка приступил к докладу.

— Батя разбудил и послал до вас. В деревне хунхузы, сам видел как расходились по домам. Вот и всё, — доложил Стёпка.

— Санька, Илька! — закричал хозяин своим сыновьям-подросткам. (Те, как слезли с полатей, стало видно, что постарше, чем поначалу показалось Стёпке.) — Одеваться, и по всем избам бегом! Пусть мужики собираются у сельсовета — хунхузы на Доброе напали. В первую очередь — к председателю. Пусть шлёт человека в Благословенное — там телехфон. Хотя он и сам знает, что делать.

— Мать, — окликнул затем и жену, заставив её оторваться от замороженного окна. — Дай парнишке попить горячее, а то нутро у него сгорит, да переодень в сухое и на печь. Наскрозь промок-продрог.

Но Стёпка, стоя в валенках, в которых уже таял набившийся за голенища снег, стуча зубами, прохрипел: «Дяденька, я с вами».

— Какое «с вами»? — огрызнулся мужик. — Пойдут только мужики у кого оружие имеется. Мал ещё под пули лезть, вояка...

Сыновья же хозяина дома, получив ответственное задание, без промедления выскочили на улицу, на ходу застегивая одежонки. А хозяин, деловито оделся, перепоясался солдатским ремнем, подошел к божнице, перед которой теплилась лампадка, достал из-за иконы одну за другой две горсти патронов, разложил по карманам овчинного полушубка и вышел с берданкой также в морозную ночь.

Хозяйка тем временем разожгла подтопок и поставила греться воду в чугушке. Степке приказала забираться на печь и скинуть оттуда всю его замороженную и мокрую одежду.

— Меня зовут Катерина Степановна. Укройся там стёганным одеялом, а я посмотрю, во что тебя принарядить, — сказала мальчику.

Скоро хозяйка поила Стёпку горячим чаем с сушёной малиной. Он согрелся, перестал дрожать всем нутром. Переодетый в сухую рубаху и порты хозяйских пацанов, он пролежал какое-то время на печи, разговаривая с самым меньшим в семье мальчишкой, как в избу заскочили Санька с Илькой и, перебивая друг друга, затараторили восторженно:

— Папка с мужиками, у кого ружья, поскакали верхами в Доброе. Одного конного направили в волость, а другого — в Благословенное.

Женщина перебила их:

— И сколько таких охотников набралось?

Мальчишки стали считать по пальцам, выходило двенадцать человек.

— Другие будут дежурить здесь по очереди, — пояснили они про оставшихся в деревне.

Немного погодя, побродив по избе, подростки тоже полезли на печь, где завели обычные мальчишеские разговоры про то, кто какую самую большую рыбу поймал или видел необыкновенное, но больше про то, как вооружённые мужики из Нагибово и Доброго сейчас вместе хунхузам ка-ак зададут! И тятка их будет, конечно, самым храбрым бойцом...

А Стёпка на это молчал. Он, само собой, тоже был уверен, что батя заступится за дом свой, за детишек, за мамку. Но как они там одни, у самой околицы? А как у бати вдруг в морозном-то снегу опять суставы скрутит да дышать станет тяжело? Стёпка очень боялся видеть тятку такого: жалко, а помочь ничем не можешь, только гладишь его опухшие коленки...

С тем и заснул незаметно для себя, разморенный теплом печи и утомлённый полубессонной тяжёлой ночью Стёпка беспокойно на печи Стёпка...

На улице понемногу уже светало, от двух небольших окошек, хоть и затянутых ледком, в избе стали чётче проявляться предметы — большой ткацкий станок в углу, лавки вдоль стен. В это время проснулся Стёпка от голоса отца в избе: «Ну, где там мой постреленок?»

Стёпка мигом слетел с печи на пол и, сбив с отцовской головы шапку, повис у бати на шее:

— Живой! Как там наши — отбились?

У отца из-под шапки виднелась белая тряпка. На вопрос он ответил не сразу, уклончиво:

— Да, видно обошлось. Ушли бандюги, всю деревню обчистили и ушли. Хорошо, вот нагибовские мужики подросли, отбили часть лошадей, да немного саней с добром. Ведь подчистую всё выгребли.

Гость повернулся к хозяйке дома.

— Вашему Михаилу особое уважение, кабы не он....

Батя поклонился женщине в пояс.

На предложение женщины позавтракать с ними, отец отказался, но та заставила выпить на дорогу его и Степку по кружке горячего молока и съесть по ломтю хлеба. Затем попрощались с хозяйкой и её сыновьями (хозяин был еще в сельсовете), и вышли из дому. Во дворе стоял запряженный в сани их рыжий мерин. Это удача, что его у хунхузов отбили. Открыли дверь сарая, где на ночь был заперт Смелый, и вывели пса на улицу. У того вновь шерсть на загривке встала дыбом.

По дороге отец стал рассказывать подробней о происшествиях минувшей ночи, но когда на поворотах полозья заносило, и возок подпрыгивал, он морщился от боли:

— Только ты убежал, я с мамкой ребятишек в охапку, да в баню.

На всякий случай отец сделал в полу предбанника тайный ход, который вел в небольшой схрон. Сверху лаза всегда лежало с пару охапок поленьев, догадаться, что под полом что-то есть, не приходило никому в голову.

Продолжил рассказ.

— Только я в избу, а за мной пятеро и сразу тесак к горлу. Обшарили всё, расстелили на полу две скатерти, да одеяло байковое — свалили туда всё барахло и в узлы связали. Потом один, толстомордый и носатый — видно маньчжур, — увидел на полу кольцо от крышки подпола и что — то по-своему проверещал.

Прервав рассказ, отец повернул к Степке голову:

— Не замерз?

— Нет, батя, рассказывай, — ответил Стёпка.

— Ну вот, один со свечой полез в подпол, а там ведь только одна картоха. Вылез и показывает мне — мол, лезь туда. Только наклонился, а кто-то прикладом мне по голове и полетел я вниз. Очнулся, наверху тихо. Сколько времени прошло — не знаю. Удалось крышку приоткрыт (на ней сундук стоял), прислушался — тихо. Выбрался наверх, кровь на голове запеклась, а перевязать нечем — пришлось занавеску на полосы рвать. Выглянул на улицу. Хунхузы ушли, только на бугре ещё хвост обоза. Я бегом в баню, мамку с рябятишками открывать, а затем к соседям.

Как выяснилось из дальнейших обрывистых фраз отца, на выезде из села по растянувшейся на полверсты колонне саней с захваченным у жителей добром и ударили с засады мужики из Нагибово. Было бы их побольше, да ружьишки получше, а то ведь половина просто с дробовиками. Хорошо, что бандиты не разобрались, дали дёру — вот и бросили пятнадцать лошадей и восемь саней. Там и зерно в мешках, и часть учебников из школы, и кой-какие вещи из домов. Бабы теперь разбираются, где чья скатерть или полушалок.

Потом батя надолго замок, всё поглядывал на серого пса, что спокойно бежал за санями, только когда почти подъехали к деревне добавил, что у Чупровых изба сторела да амбар. Саму хозяйку, пробившую ухватом голову одному из бандитов, когда тот схватил её дочку, красавицу Лушку и, намотав на руку её косу, потащил из избы, забили насмерть тесаками. А хозяйина Севастьяна Чупрова тяжело ранили, и прикладом били, и штгыками кололи. Теперь гадают — выжил бы.

В самом конце своего рассказа отец буркнул, что косоглазые всех девок перепортили, да баб, кто помоложе, ссильничали. Но что это означа-

ет, Степан понял, когда уже подросток. А пока он погрузился в размышления: выживет ли Севастьян Чупров? как, если бы он, Стёпка, был фельдшером, замотал бы правильно — белыми бинтами — разбитую голову отцу да ходил бы за исколотым Севастьяном... Обиженных разбойниками баб и девок тоже было жалко: те почему-то и теперь сидели по домам, то ли боясь, то ли стыдясь почему-то выйти на улицу. А Стёпка не знал как им помочь...

Потом был деревенский сход в пустой школе: бандиты ведь все столы и лавки переломали. На сход и ребятишки лезли, да их не пустили. Сообща решили просить власть дать оружие отряду самообороны — когда у казаков раньше в каждой избе была винтовка, а то и две, никто из лесу вот так в хутора не совался. Собралась бы сотня — да на ту сторону! Вырубили бы там пару сёл и всё — тишина надолго была бы, — развоевались после драки мужики.

А ещё общество постановило, чтобы его, Степана, направили в волость учиться. За его подвиг. Чтобы фельдшером или учителем стал, а то — самим инженером. Семье же его помогать продуктами. С жильем для ученика вдалеке тоже решилось: у Капустиных дочка в Екатерино-Никольском проживает, для одного парнишки малолетнего место найдется.

Через пару дней из волости выделили комбеду с десятком японских винтовок и по сотне патронов на каждую, остались видно на складах с гражданской. Теперь нас, амурских казаков, никто не замай!

Управляющий

В то сентябрьское утро 1913 года ударил первый крепкий морозец и все — траву, листья деревьев и ветки, гальку речных кос — накрыло лёгкой алмазной пылью. В ранних лучах солнца это искрилось и сверкало. Да так, что становилось больно глазам.

На тропинке, что тонкой змейкой пролегла по крутому яру левого, русского берега реки Амур и вела с хутора Союзного в сторону станицы Екатерино-Никольской, показались трое конных. Все в одинаковых брезентовых плащах и форменных фуражках с кокардами Департамента таможенных сборов — переkreщенные жезл бога торговли Меркурия и факел. За спинами двоих всадников, по облику — смуглые, приземистые и скуластые — типичных забайкальцев, торчали длинные стволы трёхлинейек*, хотя куда сподручнее для конных были бы кавалерийские карабины. По выправке и хорошо подогнанной конской сбруе было видно, что это опытные наездники и проводят в седле немало времени. У третьего конного, более грузного, с длинными и пушистыми бакенбардами, усами и бородкой а-ля Ришелье, перепоясанного крест-накрест патронташами чёрной кожи, за плечами, стволами вниз висело охотничье ружьё. Управляющий Союзным таможенным постом, губернский секретарь Модест Иванович Свирский, заядлый охотник, даже находясь в разъезде, не мог отказать себе в удовольствии лишний раз пострелять глухарей или, на худой конец, рябчиков. Дополнял импозантный вид чиновника висевший на груди цейссовский** бинокль в роскошном коричневом, кожаном же футляре.

* Трёхлинейная винтовка системы Мосина под патрон образца 1908 г.

** Фирма, основанная Карлом Цейсом, славится своим качеством линз, основное производство в г. Иена, ФРГ.

Время от времени всадники останавливались, внимательно всматриваясь в поверхность широкой пограничной реки и оглядывая подходы к ней. Наш, русский, берег более высокий, и на него почти выходят отроги хребтов Малого Хингана, поросшие вековыми елями, кедрами, со стволами в два-три обхвата. Все это чередовалось большими и малыми распадками, с их широколиственным буйством дальневосточной тайги и было сплетено и перепутано лианами дикого винограда, лимонника, актинидий. А в почти непроходимые заросли «чёртова дерева», так здесь звали аралию с её густо усаженным крупными шипами стволом или кусты не менее колючего элеутерококка, лучше и не забредать! Без плотной и прочной одежды, крепких рукавиц там делать нечего. Рай для контрабандистов! Перешлыл реку, и всё: найти в таких дебрях человека почти невозможно.

Китайский же берег, более низкий и пологий, затянутый сплошной щёткой тальников, вообще казался одной сплошной серо-зеленой стеной. От станицы Пашково до Радде река стиснута горами, и её ширина не превышает 300—400 саженьей*, поэтому в этих каменных «щеках» огромная водная масса несется со страшной силой, и только выйдя на равнину немного успокаивается и река становится шире.

Сегодня в разъезде находились досмотрщики поста Фёдор Ковширь и Иоаким Пастухов, на проверку маршрута с ними выехал управляющий поста. За оставшееся время надо было отмахать ещё почти тридцать верст, переночевать, и только к вечеру следующего дня вернуться обратно.

Впереди водная гладь делала крутой поворот и, казалось, исчезала среди буйной растительности. Едва группа прошла речной изгиб, как все почти одновременно на расстоянии в пару сотней саженьей увидели приставшую к нашему берегу китайскую джонку. Трое человек что-то торопливо из неё выгружали. Всадники осторожно спешили.

— Ваше благородие, побудьте с конями, а я с Иоахимом постараюсь подобраться поближе, — шёпотом обратился к управляющему Фёдор (тот, из забайкальцев, что постарше).

Управляющий согласно кивнул, и таможенник передал Модесту Ивановичу поводья своего жеребца и кобылы напарника.

Прошло несколько минут ожидания, и вдруг кобыла Пастухова заржала и лягнула жеребца Свирского, когда тот куснул её за круп. Люди около джонки, услышав эти звуки, начали забрасывать обратно в лодку тюки, свертки и прыгнув в неё, торопливо отчалили. Гребец посудыны резкими движениями заюлил** веслом, джонку подхватило мощным течением и когда досмотрщики подбежали к месту выгрузки, джонка с китайцами была уже далеко.

Иоаким остался на месте, а Фёдор подошел смущённый к управляющему:

— Не удалось прихватить, ваше благородие. Успели «ходи»*** улизнуть.

Модест Иванович поехал по тропе, за ним двинулся Ковширь, уже верхом, ведя второго коня в поводу. Подъехали к месту, где только что грузились контрабандисты, только спешили, как раздался возглас Иоакима:

* Старинная мера длины, 1 сажень = 1,8 метра

** На китайских джонках лодочник гребет стоя одним веслом.

*** Так среди русского населения именовались китайцы.

– Нашел! Не успели всего забрать. Второпях забыли.

В руке он держал плоский жестяной бачок.

– Не меньше чем ведро ханшина*. С паршивой овцы — хоть шерсти клок.

После нескольких минут поиска уже Фёдор нашел тюк с пятью ватными куртками, его унесли подальше в кусты. Скорее всего этот лёгкий, но объёмистый выгрузили первым.

– Прошло лето, вот хунхузы** и решили своим старателям подкинуть тёплой одежды и провианту, заодно и ханшину, обменять у приисковых на золотой песочек и самородки. А те за спирт маму родную продадут: постоялка целый день по колено в леденящей воде, резиновые сапоги у единиц.

Федор, выдав тираду, достал кисет и, оторвав от книжицы папиросной бумаги листок, стал вертеть самокрутку. Полез за своим кисетом и Иоаким.

Свирский тоже вынул из бокового кармана своей форменной тужурки на выхухолевом*** меху кожаный походный портсигар и зажигалку. Достал папиросу и предложил Пастухову, но тот отказался:

– Спасибо господин управляющий, но мой самосад ядрёнее, да трав духмяных положил, чабреца и мелиссы, как затянешься — так и пробирает до самых костей. А вот зажигалкой можно попользоваться: спички надо беречь, в лесу без них никак.

Модест Иванович курил только один сорт табака — «Дюбекъ», специально заказывал его капитанам проходящих судов или покупал в Благовещенске, а то и в Хабаровске. Сам набивал машинкой гильзы, обычно выбирая для этого свободный вечер, и не любил, когда в это время кто-то прерывал это священнодействие.

Управляющий закурил и пустил несколько колец дыма:

– От Поликарповки до Помпеевки, а это без малого верст 40—45, по нашему берегу в Амур впадает масса ключей, на которых китайцы хищническим способом добывают золото, ловят кабаргу на петли. Мускусная железа только у самцов. Зимой хищники хоть мясо берут, а в тёплое время тушка портится и шкурка неважная, а сколько самок попадает... Сболя выбивают. И на границе здесь пять бакенщиков, да еще наши разъезды. Вот хунхузы беспрепятственно и проникают на русский берег, завозят продукты, снаряжение для промысла и бесследно исчезают в тайге. Найди их там потом.

Затем обратился к досмотрщикам:

– Давайте отъедем с полверсты, ведь беглецы за нами обязательно наблюдают. И когда тропа отклонится от берега, спрячем, что подобрали. На обратном пути заберем.

Такое место нашлось быстро. Тропа здесь уходила от берега, и в небольшом распадке, в густых зарослях лещины, перевитых диким виноградом, листья которого уже приобрели пурпурную расцветку, находки были надёжно спрятаны. Фёдор не удержался, и нарвал целую горсть синевато-сизых кистей. Угостил своих попутчиков. Терпкий кисло-сладкий сок дикого винограда, уже прихваченного осенним морозцем, хорошо утолял жажду.

Разъезд продолжил свой путь. К вечеру без приключений добрались до устья безымянного ручья. Ночёвки обычно устраивали в паре верст даль-

* Китайская водка низкого качества, обычно гналась из гаоляна (вид просо).

** Так назывались разбойники из Китая, иногда банды состояли из 1—1,5 тыс. человек (здесь нарицательно).

*** В настоящее время занесена в Красную книгу, семейство бурозубковых.

ше, но на сей раз решили изменить обычному правилу — расположились на небольшом островке. Вернее полуострове: вода сильно упала и он соединился с берегом галечной косой. Летним паводком сюда занесло несколько вывороченных с корнем деревьев, получился своеобразный редут выше половины человеческого роста с узким проходом. Лучше места скрытной стоянки и не сыскать. Внутри этого природного редута завели лошадей, их тут же расседлали и, после того как животные остыли, напоили. Получив свою мерку овса, они дружно уткнулись мордами в подвешенные брезентовые ведра. На костре пускал пузыри закопченный чайник, в котелке бурлил кулеш. Всё делалось без лишней суеты и лишнего шума, на дрова шел только сушняк, тот, что давал меньше дыма. Зачем лишнее внимание?

Пока управляющий что-то писал на колене в тетрадь в коленкоровом переплётё, досмотрщики наломали и принесли целую кучу пихтовых и еловых веток: ночью на голой земле уже не полежишь.

На куске брезента разложили немудрёный ужин. Федор и Иоаким из перемётных сум достали вареные вкрутую яйца, солёные бочковые огурцы и картошку «в мундире», кусок малосольной кеты уже этого года хода, соль в чистой тряпице и такую же тряпицу с мелко наколотым сахаром. Модест Иванович в свою очередь выложил завернутую в пергаментную бумагу жареную тушку фазана (подстрелил вчера на примыкающих к хутору огородах и сам приготовил), а также две банки рыбных консервов. Открыл их своим ножом. В свои сорок шесть управляющий так не женился, обед ему готовила приходящая казачка. Зимой было проще: она лепила с запасом пельмени и котлеты, благо дичи и рыбы хватало, всё это морозились и проблем с завтраком и ужином у холостяка не возникало. Летом же выручали консервы: капитаны и шкиперы судов старались угодить чиновнику по здешним местам — заметному. Да и сам Модест Иванович не гнушался и мог приготовить себе что-нибудь немудреное.

Ели таможенники молча, быстро темнело. Осенью всегда так. Только солнце опустится за горизонт, и тут же, практически без сумерек, наступает ночь. Иоаким сходил на реку помыть посуду и набрал воды в котелок и чайник на утро.

Молчание нарушил Ковширь:

— Модест Иванович, вы устраиваетесь ужю. Мы-то в разъездах привычные, с Иоакимом ночь поделим. Первым я заступаю.

Но управляющий с этим не согласился:

— Нет, братцы, так не пойдет. Старший тут я. Мне всё равно не спится, поэтому до часу ночи дежурить мне, а следующий — уже по очереди.

Досмотрщики возражать не стали.

Стало резко холодать. Ветер с сопок зашумел в прибрежных тальниках.

На лошадей накинули легкие попоны, сняли пустые торбы с голов.

Костер потушили, досмотрщики устроились на своих лежанках, каждый положил рядом свою винтовку, на сапоги они надели бахилы из тонкого войлока, головы закутали в башлыки и скоро затихли. В разъездах приходится спать не раздеваясь: вдруг тревога, а тебе портянки вертеть.

Свирский достал из нагрудного кармана куртки часы без цепочки, открыл крышку. Чтобы рассмотреть циферблат пришлось щёлкнуть зажигалкой — стрелки показывали без четверти десять. Снял плащ, аккуратно

расстелил на куче лапника, из переметной сумы достал туго свернутую в валик бурку, развернул и накинул на плечи. Провел рукой по шелковистой поверхности. Подарок брата, он уже управляющий Ялтинской таможней. Модест Иванович был в прошлом году в отпуске, заезжал к нему. На юге хорошо, тёплое море и нет этого изнуряющего летом гнуса. Надо, наконец, решать. Откладывать больше нечего. По возвращении из разъезда писать инспектору рапорт об отпуске и переводе в центральную часть России, или на худой конец в Благовещенск или Хабаровск. Сердечко стало прихватывать всё чаще, а на хуторе только две бабки-повитухи да коновал, пока доберешься до доктора с оказией — доедешь ли живой.

Управляющий Союзненским таможенным постом ещё долго сидел на стволе принесённого рекой плавника, вслушиваясь в шум ветра. Достал из кобуры, висевшей на поясе, браунинг и переложил его в карман брюк. Телу в бурке было тепло, но ноги стали понемного стыть. Пришлось встать и походить по периметру завала. Узкий серп нарождающегося месяца почти ничего не освещал и управляющий еще пару раз прибежал к помощи зажигалки — ну вот уже половина двенадцатого. Скоро можно отдохнуть. Спать не хотелось, просто надо полежать на спине, вытянуть ноги, целый день ведь провел в седле. Досмотрщики привычны, как правило, пару раз, а то и три раза в неделю в разъезде.

Первая треть дежурства прошла легко и тихо. В час ночи Свирский разбудил Ковширя и лёг на свою кучу лапника. К своему удивлению, быстро заснул. Проснулся Свирский от треска плавника. Почти всё небо было затянуто тяжёлыми серыми тучами, которые не дали остыть земле, поэтому иней к утру не выпал. Только на востоке край неба был ещё чистым и уже розовел. Иоаким ломал сухие ветки об колено и подкладывал в разгорающийся костер. На таганке висел чайник.

— Как спалось Модест Иванович? Если будете бриться, то вода уже теплая, — обратился Иоаким к начальнику разъезда.

— Давно уже не спал так, лег и провалился, — ответил управляющий. — А бриться буду уже в хуторе: ещё темно, не ровён час и порезаться можно.

Он вышел из завала и отошел справить нужду в кустах. Вернулся, взял мыльницу с мылом и полотенцем, подошёл к берегу ручья. И сразу услышал лёгкое позванивание, оно пробивалась сквозь шум бегущей воды. Присмотрелся и увидел мелкие льдинки на воде, они вертелись и, ударяясь друг о друга, издавали лёгкий звон, что Модеста Ивановича очень обрадовало. Значит через неделю, максимум полторы заканчивается навигация, санный путь откроется в лучшем случае в декабре. Надо последним пароходом, который потянет в Хабаровский затон на буксире баржу Усть-Сунгарийской таможенной брандвахты, что всю весну, лето и осень стояла в устье реки Сунгари, почти напротив станицы Михайло-Семеновской и одноименной таможенной заставы, добраться до Хабаровска. А там вагон второго класса и — здравствуй, Курск!

Хотя нет, сначала лучше к брату в Ялту. В родном городе только полупившийся отец. Модест ещё учился в духовной семинарии, как вдруг неожиданно слегла мать и буквально сгорела за две недели от двухстороннего воспаления легких. Отец — чиновник почтового ведомства — так и не женился

больше, но стал пить с тоски. Приеду в Курск, на могилку к маменьке надо обязательно сходить. В памяти навечно остался её мягкий грудной голос и ласковые руки. Руки у нее были золотые, сама не хуже модных портних шила себе наряды. А какие у неё получались пирожки с вишневым вареньем!

Модест Иванович даже почувствовал на губах их неповторимый вкус. Пришлось тряхнуть головой, чтобы избавиться от наваждения.

Когда вернулся к костру, чайник уже бурлил и Пастухов ножом крошил в него плиточный чай. Завтрак был легкий — крепко заваренный чай и вяленое мясо с ломтями ржаного каравая.

Когда полностью рассвело, разъезд отъехал уже с пару верст от места ночлега. Обратный путь прошел без приключений. Забрали спрятанные в распадке вещи. И только перед самым хутором Свирский увидел стаю рябчиков в молодом ельнике. Те дружно взлетели при приближении трёх конных, наверное, лакомились на брусничнике. Попросив досмотрщиков задержаться и взяв ружье, Свирский стал подкрадываться к отъедавшейся птице. Вскоре раздались один за одним два выстрела, и вот уже управляющий возвратился, держа в руках пять тушек. Молодняк подрос и совсем сравнялся с родителями по размеру. Потомить таких рябчиков в духовке, да залить клюквенным или брусничным соком — это будет просто божественно! Чиновник было доволен таким приятным завершением поездки.

Когда подъехали к зданию своего поста, Ковширь слез — открыл ворота. На крыльцо вышел дежурный досмотрщик Дмитрий Кирилюк.

— Как на посту дела? — спросил управляющий дежурного. Получив ответ не по форме, что всё, слава богу, без происшествий, Свирский спрыгнул, немного, правда, тяжеловат, с жеребца и повёл его к коновязи. Фёдор и Иоаким тоже привязали своих лошадей, пошли ставить в пирамиду казённое оружие.

— Вы, пожалуйста, коня моего расседлайте, — обратился управляющий к Кирилюку. — И когда остынет, попоите и дайте овса полторы нормы — он сегодня заслужил. А я пойду к себе, что-то устал совсем с дороги, в ногах слабость.

Управляющий даже не стал пить чай и сразу лёг сверху на заправленную кровать в своей простой казённой квартире. Но сон не приходил. Немного полистал единственную, имевшуюся в служебной квартире книгу: служебный же «Таможенный тариф» и, наконец, забылся.

Проснулся Модест Иванович среди ночи от тупой боли в груди и не сразу понял, где находится. Только когда открыл глаза и с трудом, даже застонав, повернулся с левого, ноющего, бока на спину, понял. Не в Кронштадте он гуляет с Татьяной по набережной, а лежит в своей холостяцкой служебной квартире на хуторе Союзном Екатерино-Никольского станичного округа Амурского уезда Амурской области, так далеко находящегося от Финского залива. Начал тихонько массировать грудь и где-то минут через десять боль стала стихать, только тогда управляющий приподнялся и медленно сел. Под его грузным телом, даже через два матраца, жалобно за скрипели пружины панцирной сетки. Модест Иванович дотянулся до спичек и зажег обе свечи в бронзовом подсвечнике, стоявшем на старом письменном столе возле кровати. Открыл крышку изящной японской шкатулки, достал пару пакетиков с порошками, развернул, налил из графина стакан

воды и высыпав порошки в рот, запил и полусидя прислонился спиной к стене. В таком положении пробыл долго, от сидения затекли ноги и управляющий вновь лёг на кровать. Сон не шел и перед глазами, как в немом синематографе, замелькали чёрно-белые кадры его жизни. Вот он ученик младшего класса реального училища в форменном мундирчике и фуражке с кокардой, и маменька ведет его за руку в первый раз на занятия. Вот духовная семинария: казарменный внешний вид учебного заведения и его учеников, сумеречные коридоры, чёрные рясы, чёрные дни, последовавшие за смертью матери. Оставил. Затем, работа в почтовом ведомстве, где так и не смог подняться выше чина коллежского регистратора, занимался там самой скучной работой — чиркал всевозможные отписки на запросы и сдавал огромные тома в архив. Только с помощью старшего брата удалось перейти в Департамент таможенных сборов и устроиться в Кронштадскую портовую таможню на должность помощника корабельного смотрителя в 1904 году. Через год влюбился, как гимназист, по самые уши, в выпускницу Бестужевских курсов. Бежал с работы чуть ли не вприпрыжку на свидание и вдруг нелепая смерть светлой мечты: во всём честная и прямая Татьяна пошла на студенческую демонстрацию в том кровавом 1905 году. Полиция и конные солдаты стали разгонять шествие, началась перестрелка между ними и какими-то «дружинниками», охранявшими шествие и в девушку попала чья-то шальная пуля. После этого Модест уже не мог ходить по этим улицам, где каждый уголок напоминал о Ней и о том, что так нелепо и страшно произошло. Модест пытался вычеркнуть из памяти всё, что связывало его с Татьяной, а что не смог забыть, прятал как можно глубже. А когда и это не получились, пришлось писать рапорт и уезжать подальше ото всего этого, от самого себя на Дальний Восток. Продолжил службу в Благовещенске, уже помощником папгаузного надзирателя, затем получил должность управляющего Союзного таможенного поста. А всё равно жизнь получалось непутевая. Ему сорок шесть, а у него ни жены, ни детей и служит он, как говорится, у чёрта на куличках, а уж здоровье стало подводить, а тут — две бабки-повитухи да коновал. А может жизнь скоро изменится к лучшему? Придёт конец прозябанию в глуши, с нынешним чином можно попытаться и в городе служить устроиться. Ну чем не город, хоть бы и Благовещенск?

С тем успокоительным настроением управляющий таможенным постом и заснул, почувствовав облегчение. В последующие дни ждал парохода, завершающего Амурскую навигацию. Ел мало и вяло, службой не интересовался, доклады досмотрщиков принимал в доме, вот так же полусидя на заправленной кровати, прислонясь спиной к деревянной стене избы, только что неизменно одетый по форме в мундир. Бриться вот перестал. Как пришли он, Ковширь да Пастухов из разъезда, так и не побрился, не подравнивал своей Ришельевской бородки. Неопрятно, эдак, конечно, но кто тут его видит особо? А просить казаков-сослуживцев побрить его стеснялся: на Амуре народ вольно дышать привык, не знает как барину угождать. Ничего, вот недолго уже, рапорт об отпуске и переводе начальству ушёл, переберусь в город — там к парикмахеру, в хорошую баню — выгнать здешнюю простуду да и к врачу хорошему зайти не забыть...

Прошло несколько дней. Второго октября 19.. года Модест Иванович Свирский, полный радужных надежд, взошёл на палубу последнего па-

рохода, идущего вниз по Амуру и четвертого октября вечером ступил на пристань Хабаровска. Теперь — гостиница, потом — баня, смыть дорожную грязь и на следующий день — к инспектору на прием.

Но жизнь, помимо воли человека, оказывается, может выкинуть не предусмотренный никаким расписанием или казённым циркуляром зигзаг.

Утром пятого октября всё того же 19.. года в рабочем журнале Хабаровского городского полицейского управления появилась выполненная каллиграфическим писарским почерком запись:

«4-го октября в 9 часов вечера в бане Мустахитдинова в номере 12 от паралича сердца скончался губернский секретарь Свирский Модест Иванович, управляющий Союзным таможенным постом. При себе имел триста пятнадцать рублей. Имущество умершего хранится на Сунгарийской брандвахте, приведенной в Хабаровск на зимовку и стоящей в затоне.»

ПЕРЕВОДЫ

АЛАЙ

*Перевод с китайского Никиты Антонова
Перевод тибетских имён
и географических названий Александра Зорина*

Пыль улеглась

Часть I

Глава I. Дикие дрозды

В то утро шёл снег, я лежал в кровати и слышал, как за окном поют дрозды.

Мать вымыла руки в медной чашке, затем окунула их в молоко, ворча, словно сохранять их красоту — это какое-то утомительное занятие. Она легонечко стукнула по краю медной чашки, отзвук тут же разлетелся по всей комнате, и молоко в посудине покрылось тонкой рябью.

А затем позвала служанку Сангэ Дролма.

Служанка принесла другую чашку. Мать поставила миску с молоком на пол и стала потихоньку подзывать: «Сюда-сюда, Дордор». Из-под шкафа, скуля, вылез щенок. Перекувырнувшись через голову, а потом повилив хозяйке хвостом, уткнулся в чашку с молоком и принялся жадно и шумно его лакать, да так, что, казалось, он может задохнуться. Моей матери, жене тусы*, очень нравился этот звук, когда собачка «задыхалась» от её любви. Пока щенок жадно упивался молоком, она мыла руки в чистой воде и одновременно отдавала распоряжение нашей служанке: узнать, проснулся ли её сын. Вчера у меня немного поднялся жар, поэтому мать осталась ночевать в моей комнате.

Я сказал: «Мама, я не сплю». Она встала перед кроватью, дотронулась до моего лба и сказала: «Жар уже спал». Как только она договорила, сразу же отошла от меня и стала рассматривать свои белокожие, но все-таки не убережённые от старости руки. Она делала это всегда по завершении утреннего туалета. Вот и сейчас, закончив умываться, она рассматривала свои руки, на которых день за днём проявлялись всё новые и новые признаки старения, и ждала звука падающей воды, которой поливает ей руки служанка Дролма. Это ожидание всегда было тревожным для матери. Вода выплёскивалась из высоко поднятой чашки и утекала на каменную плиту под домом. Звук рушившейся с четвертого этажа воды сводил судорогами её тело. И в самом

* 土司 [родовой] старшина инородческого племени (в старом Китае — глава местной администрации в районах с не-китайским населением).

деле, он так напоминал звук разбивающихся костей, что всегда потрясал и захватывал дух.

Однако сегодня толстое снежное одеяло поглотило этот звук.

Тем не менее её тело вздрогнуло как раз в тот самый момент, когда этот пронзительный отзвук должен был прозвучать. Я услышал, как из прекрасных уст служанки Дролма донеслось еле слышное бормотание: «Это хозяйка не сама упала». Я переспросил её: «Что ты сказала?»

— Что сказала эта пигалица*? — переспросила меня мать.

Я ответил, что она сказала, что у неё болит живот.

Мать спросила теперь уже её: «Это правда, что у тебя болит живот?»

Но я ответил за Дролму: «Уже не болит».

Мать открыла консервную банку, окунула туда мизинец, зачерпнула немного масла и вытерла его о тыльную сторону руки. То же самое она сделала другим мизинцем. Дом тут же наполнился неприятной горечью. Это было одно из её средств ухода за кожей — жир сурка и масло из поджелудочной железы свиньи с добавлением мистических индийских благовоний, преподнесенных ей в дар монастырем. Моя мать могла совершенно естественно показывать своё брезгливое отношение. Как-то раз она сделала такое лицо, на котором совершенно отчетливо читалось её отвращение, и сказала при этом: «Эта вещь такая вонючая».

Сангэ Дролма принесла самую лучшую шкатулку, в которой были два браслета жены тусы: один, яшмовый, она надевала на левую руку, а второй, из слоновой кости, всегда был только на её правой руке. Она надела их, повертела вокруг запястья и с досадой сказала: «Я снова похудела».

— Да, — ответила служанка.

— Ты кроме этого ещё что-то можешь говорить? — спросила мать.

— Да, хозяйка.

Я подумал, что жена тусы ничем не отличается от других людей и даст ей пощечину, но этого не произошло. Однако служанка так испугалась, что её круглое личико вмиг покраснело. После этого жена тусы спустилась позавтракать. Дролма стояла подле моей кровати и вслушивалась, ожидая, когда шаги жены тусы — ступенька за ступенькой — достигнут нижнего этажа. Затем она сунула руку под одеяло и хорошенько ущипнула меня, приговаривая: «Это когда же я сказала, что у меня живот болит? Когда же, а?»

— Ну, не болит, — ответил я. — А ты в следующий раз опять хочешь так же сильно плеснуть водой, чтобы моя мать вздрогнула?

Это остановило ее. Я надул щеки, и она не могла не поцеловать меня. А, поцеловав, сказала: «И не смей ничего говорить хозяйке». Я потянулся к ней, чтобы обнять, но мои руки скользнули ей под одежду, а когда я дотронулся до её груди, мне показалось, что мы были словно маленькие зайчики. В тот момент я испытал такое потрясение, что моё тело и голова наполнились жаром... Но Дролма вырвались из моих объятий и сказала: «И не вздумай ничего сказать хозяйке».

В это утро я впервые почувствовал, насколько волнительным и одновременно приятным и возбуждающим может быть женское тело.

После Дролма сразу же попыталась отругать меня: «Идиот! Дурак!»

Протирая глаза, я спросил ее, заикаясь: «Правда? И кто же этот ду-дурак?»

* 小蹄子 в оригинале она назвала ее «копытце». Это бранное слово, обращение к женщине.

— Действительно — круглый дурак, — закончила она.

Дролма даже не помогла мне одеться. Она ушла, оставив на моей руке красный рубец, словно меня клюнула птица. Она оставила мне боль, подарившую новые ощущения и некое особое волнение.

Свет за окном искрился поразительно ярко! С улицы доносились крики детей слуг, гонявшихся за дроздами, и то и дело пытавшихся бросить в них что-нибудь потяжелее. А я лежал в кровати, на матрасе из медвежьей шкуры, среди облаков шёлка, и внимательно прислушивался к шагам служанки, которая была сейчас на нашей длинной веранде. По-видимому, в данный момент она совершенно не желала мне прислуживать, поэтому я откинул одеяло и громко позвал её.

На территории, где управлял тусы Мачи, каждый знал, что сын, рожденный от второй жены, был дураком. И этот сын — я.

Почти всем, кроме собственной матери, я нравился таким, какой я сейчас. Если бы я был умным парнем, кто знает, может быть, отошёл в мир иной, а не сидел бы здесь и не предавался пустым мечтанием, попивая чай. Первая жена тусы умерла от болезни. Моя мать была куплена торговцем мехами и лекарственными растениями, после чего была подарена моему отцу. Когда отец зачинал меня, он был сильно пьян, поэтому мне только и остаётся такой путь — быть дурачком.

Хотя это и так, но во всей округе, простирающейся на несколько сотен ли*, не было человека, который бы меня не знал. И это лишь по той причине, что я — сын тусы. Если не верите, можете попробовать стать слугой или умным сыном простолодина и посмотреть, найдутся ли те, кто знает вас.

Я — дурак. А мой отец поставлен императором господствовать тусой над десятками тысяч людей, поэтому, если служанка не является, чтобы одеть меня, мне достаточно покричать, и она придёт.

Прислуживавший мне человек вечно отставал на полшага: только я вытягивал ноги, и шёлковое одеяло волной стекало с постели на пол. Шёлк, что прибывает к нам через непроходимые горные перевалы с земли ханьцев**, настолько легкий, что лётся, как вода. С малых лет я никогда не мог понять, почему земля ханьцев была источником так необходимых нам шёлка, чая и соли, и уж тем более не ясно мне, откуда именно у нас, племенных вождей, взялся источник власти. Кто-то сказал мне, что причина кроется в погоде.

— А-а, всё дело в ней, — отозвался я. Но в душе у меня были сомнения.

«Возможно, это и так, — думал я. — Но причина явно не только в погоде. И почему же погода не сделала меня чем-нибудь другим? Насколько мне известно, в каждом месте есть погода. Опускается туман. Дует ветер. Становится теплей, и снег превращается в воду. Холодает — и вода снова превращается в снег. Погода заставляет изменяться буквально всё. Когда смотришь на что-либо широко раскрытыми глазами, на то, что вот-вот должно измениться, надо просто моргнуть, и оно вмиг изменится и приобретёт свой изначальный облик. Есть ли те, кто может никогда не моргать? Прямо как тогда, во время жертвоприношения».

* 里 ли — мера длины, равная 500 метрам.

** 汉地 место проживания национальности хань, самой многочисленной в современном Китае (~92%).

Тогда за вьющимся дымом скрывались полуоткрытые ярко-красные губы божеств, которые то ли смеялись от радости, то ли плакали от печали. Вдруг перед храмом раздался такой дикий гром барабанов и рёв труб, что люди там затряслись от страха. В этот момент к божествам вернулись их прежние выражения лиц, и они возвратились к своим мрачным и бесчувственным границам...

В то утро первый раз с начала весны выпал снег. Он был таким влажным и плотным, что даже самый сильный ветер не смог бы его сдуть, и растлился так далеко, что собирал лучи света всего мира. Таким может быть только весенний снег.

Лучи, отражаемые от снега, стекались на шёлк моей постели со всего мира. Я так боялся, что эти лучи, словно ручьи, струившиеся по шелку, могут утечь от меня вместе со снегом, что моё сердце наполнилось печалью от предстоящего расставания. Концы переливающихся лучей будто жалили меня прямо в сердце, да так, что я заплакал, и моя кормилица Дечен Мотсо, спотыкаясь, устремилась ко мне. Она вовсе не старая, но почему-то ей нравится выглядеть, как старуха. Вскоре после смерти своего первенца она стала моей кормилицей. На тот момент мне было три месяца, и мама с тревогой ждала, когда на моем лице появятся такие эмоции, которые свидетельствовали бы о том, что я знаю, что прибыл в этот мир. Просто когда мне был всего месяц, я ни разу не улыбнулся. А в возрасте двух месяцев никто не мог заставить меня реагировать на происходящее.

Тусы, словно отдавая очередное распоряжение, сказал своему сыну: «Посмейся-ка для меня». Не видя ответной реакции, он, сменив тон, строго приказал ему: «Смейся! Слышишь меня?! Смейся, я сказал!». Он был такой смешной, что у меня слюна потекла, когда я растянул губы в улыбке. И вдруг мать вспомнила, что когда пьяный отец зачинал меня, у него было такое же лицо. Мать отвернулась, и слезы покатались по её щекам. В этот же момент у неё пропало молоко, и она тут же решительно сказала: «Можешь назвать этого ребёночка «Голодная Смерть»».

Отец несколько не придавал значения её словам и лишь крикнул ведающему домашними делами, чтобы тот прихватил десять серебряных юаней и упаковку чая и дал их Дечен Мотсо, у которой только что умер её внебрачный ребенок, — чтобы она могла заплатить за пищу и чай монахам для осуществления небольшого обряда для её ребенка. Управляющий, конечно же, понял, что имел ввиду хозяин. Утром он вышел из дома и уже после обеда привел с собой кормилицу. Как только они подошли к воротам, на них сразу же обрушилась свора злобных и бесконечно лающих собак, на что управляющий сказал ей: «Пусть запоминают твой запах».

Кормилица вытащила из-за пазухи кусочек хлеба, разломил его и бросила собакам, которые так жадно пускали слюну, что как только она выпустила кусочки из рук, они ринулись к ним и, подпрыгнув, поймали их прямо в воздухе. После этого они стали выписывать вокруг нее круги, поднимали её юбку своими зубами, обнюхивали её ноги, словно желая удостовериться в том, что её запах и запах так щедро раздающей еду — это запах одного человека. И только когда они стали вилять хвостами и продолжили доедать свой хлеб, управляющий ввел кормилицу в гуаньчжай*.

* 官寨 гуаньчжай — дом тусы в Тибете (также 官寨).

Тусы был очень доволен. Хотя у только что прибывший кормилицы на лице и была горечь утраты, но молока у неё было так много, что пятна от него были видны на её одежде.

Я тут же разревелся. И хотя у матери уже совсем не было молока, она всё ещё пыталась заткнуть рот своему дураку-сыну «пустышками». Не выдержав, отец взял палку и, громко стукнув ею об пол, сказал: «Не плачь. Кормилица пришла». Я сразу же перестал, будто понял сказанное. Кормилица взяла меня у матери, и я тут же нашёл грудь, полную молока. Молока у неё было — как в бурлящем источнике! Да такое сладкое. Но вместе с тем я ощутил вкус мучений и страданий, вкус полевых цветов и трав. А мамино молоко наполняло меня всевозможными мыслями, от него в моей маленькой головке всё гудело и жужжало.

Вскоре мой желудочек наполнился, и, чтобы показать свою удовлетворенность, я обмочился на кормилицу, а она заплакала, отвернувшись от меня, как только я отпустил грудь. Ведь незадолго до этого ламы отчитали похоронные молитвы по её только что умершему сыну и, закутав его во множество шерстяных ковров, погрузили его тело в глубокий пруд.

— Тьфу! Какая же она жалкая, — с презрением кинула мать.

— Простите меня, хозяйка. Я просто не смогла сдержаться.

Мать приказала ей дать пощечину самой себе...

Сейчас мне уже тринадцать. После стольких лет кормилица, так же, как все остальные слуги, знает множество семейных тайн тусы. Она тоже ошибочно полагает, что я глуп, поэтому частенько, встав передо мной, говорит: «Хозяин? Фу-у-у. Слуга. Тьфу». Однажды она проталкивала старую овечью шерсть в моё одеяло и заметила нитку, торчащую из ее разошедшейся по шву одежды, вытащила ее, смешала со слюной и, выражая полнейшее презрение ко мне, выплюнула шарик на стену прямо перед моим лицом. За эти год или два она будто бы была не в состоянии плевать так высоко. Вот так она и постарела.

Когда я разрыдался, кормилица, сломя голову помчалась ко мне и начала умолять: «Молодой господин, пожалуйста, не кричите, не нужно, чтобы хозяйка услышала».

Но я продолжал орать, потому что это доставляло мне огромное удовольствие. А кормилица вдруг сказала мне: «Молодой господин, снег выпал».

При чем тут снег? Но я действительно перестал плакать. Встал со своей постели, подошёл к маленькому окошку и стал смотреть на голубое небо, заставляя замереть от страха окружающих. Поэтому она подхватила меня и помогла мне немного, но я увидел лишь толстый слой снега на прижавшихся к земле ветках деревьев. И снова заплакал.

— А, смотрите, дрозды прилетели к нам с гор! — незамедлительно произнесла кормилица.

— Правда?

— Да, они прилетели. Слышите, они зовут детишек поиграть вместе с ними.

И тогда я послушно позволил ей одеть меня. Господи! Наконец-то я дошел до рассказа о дроздах! Боже! Даже пот на лбу проступил. Там, где мы живем, все дрозды дикие. Когда пасмурно — никто не знает, где они, но как только проясняется, они кружат повсюду и поют звонкие и чистые песни.

Однако они не могут долго находиться в полете, в основном они перелетают с более высоких мест на более низкие, поэтому не могут опрометчиво прилететь с гор туда, где есть люди. Но как только выпадает снег и они не могут добыть себе пищу, им ничего не остаётся, как только прилететь сюда.

Дрозды прилетели из-за снега.

Когда я кушал вместе с матерью, вошёл наш хромой управляющий, чтобы узнать, не изволит ли молодой господин пойти погулять и поиграть в только что выпавшем снегу, нужно ли сменить его обувь на более теплую пару сапог.

— Убирайся, хромоногий! Повесь эти рваные сапоги себе на шею и убирайся вон! — прогнала его мать.

Он, конечно же, не повесил себе их на шею, но тут же вышел прочь.

Некоторое время спустя он снова приковылял и сообщил, что больная проказой женщина, изгнанная в горы в крепость Каба, не найдя еды в заснеженной местности, сбежала и направляется вниз.

— Где она сейчас? — без промедлений спросила мать.

— На половине пути она провалилась в яму для охоты на кабанов.

— Она сможет выбраться?

— Нет. Сейчас она в яме, зовёт на помощь.

— Ты разве ещё не зарыл её?

— Что? Похоронить заживо?

— Меня это не волнует. Так или иначе, но мы не можем допустить, чтобы прокажённая ворвалась в наше поселение.

После этого мы отправились решать вопросы о подаении милостыни монастырю и раздаче семян простолюдинам, возделывающим нашу землю. На латунной жаровне горел яркий и блестящий древесный уголь и через некоторое время у меня проступил пот.

После выполнения хозяйственных дел мать всегда менялась в лице и уже не выглядела такой утомлённой — хорошее настроение возвращалось к ней. Её лицо сияло, словно лампа. Я внимательно наблюдал за её сияющим от счастья лицом, да так, что не слышал ни одного вопроса, которые она мне задавала. Отчего она разозлилась и крикнула на меня: «Что, ты говоришь, тебе надо?». И я ответил: «Меня позвали дрозды».

Потеряв терпение, жена тусы ушла в страшном гневе. Я потихонечку попивал чай, прямо как аристократ. А когда я пил вторую чашку, то услышал, как наверху, в зале для богослужения, застучали барабаны: я знал, что это жена тусы пришла к монахам помогать им в их делах. Если бы я не был дураком, то не разочаровывал бы мать в такие моменты. В последние дни она наслаждалась могуществом и властью тусы. Отец вместе со старшим братом отправились в административный центр провинции пожаловаться на нашего соседа — тусы Ванпо. Сперва он грезил о том, как бы присвоить коралловые украшения, отпавшие от кольца тусы Ванпо. Но лама сказал, что это плохая затея. В итоге вскоре один из приграничных старост-тусы предал нас, взяв в своё подчинение более десяти семей. К тому времени тусы Ванпо был уже там. Отец послал гонца с богатыми подарками, чтобы вернуть их, но получил отказ. В следующий раз гонец уже взял слитки золота, чтобы подкупить умы бунтовщиков. Золото нам вернули, сказав, что, если бы тусы Ванпо убил кого-нибудь, то весь его народ разбежался бы, как от тусы Мачи.

Тусы Мачи не оставалось ничего другого, как вытащить из ящика, инкрустированного серебром и жемчугом, карту и печать, которой ему было предоставлено государственное звание чиновника пятого разряда* императора маньчжурской династии Цин, и пойти жаловаться в военное правительство провинции Сычуань Китайской Республики**.

Мы с тусы Мачи — одна семья. Кроме меня и моей матери наша семья включает отца и старшего брата (от первой жены тусы), а также старшую сестру и дядю по отцу, который уехал торговать в Индию. Старшая сестра скоро отправится из этой страны белых одежд в ещё более далёкую Англию, как все говорят, в очень большую страну, страну, над которой никогда не заходит солнце***. Как-то раз я спросил отца: «Это правда, что в больших странах не бывает ночи?». Отец рассмеялся и сказал: «Ну, ты и впрямь дурак!».

Сейчас они не со мной, поэтому мне одиноко.

И тут я сказал: «Дрозды!». И тут же спустился вниз, но как только я спустился, дети слуг сразу же окружили меня. Отец часто говорил мне: «Смотри-смотри, все они — твой скот». Только я ступил на каменные плиты внутреннего дворика, как весь этот скот меня окружил. На них не было сапог и меховых халатов, по-видимому, они, в отличие от меня, ничуть не боялись мороза. Они стояли там и ждали, когда я прикажу им что-нибудь. И мой приказ был: «Пойдем ловить дроздов».

Лица их сразу же покраснели.

Я взмахнул рукой, крикнул что-то и повлек за собой стадо детенышей слуг. Едва не снеся ворота дома, мы выбежали наружу и ринулись вперед. Но эти негодники испугались собаку, которая как бешенная лаяла на них, добавляя этому утру радости и веселья. Снега так много! Он придавал природе яркости и пространственности. Мои рабы, как и я, громко кричали и шумели. Босыми ногами разрушая снежный покров, они пинали снег и собирали за пазуху льдинки. А дрозды в это время, задрав хвосты, прыгали туда-сюда, ища пищу вдоль ограды, где не было снега.

Я крикнул: «Начали!» — и мы вместе с моими рабами бросились на тех дроздов. Будучи не в состоянии высоко взлететь, дрозды спешно устремились к фруктовому саду на берегу реки. Там мы втаптывали их в снег, им было некуда деться, и одного за другим мы забросали их камнями. Те, кому посчастливилось остаться в живых, пожертвовали своими задницами, просунув головки в трещины в камнях и между корнями деревьев, где и застряли, после чего попали к нам в руки.

Эта идеальная битва была проведена под моим командованием ещё в юности.

Я снова скомандовал слугам, чтобы они сбегали домой и высекли огонь. Кто-то наломал высохших веток с яблоневых и грушевых деревьев, а самые ловкие и смелые были отправлены на кухню, чтобы стащить соль. Остальные остались расчищать фруктовый сад от снега — нам нужно было

* Всего этих разрядов было девять.

** 中华民国 Китайская республика — китайское государство, просуществовавшее с 1911 по 1970 г., сейчас частично признанное государство, расположенное на о. Тайвань. Официальные власти КНР считают эту территорию своей и говорят о принципе «одно государство — две системы [политических]».

*** 日不落帝国 страна, над которой никогда не заходит солнце — одно из образных названий Британской империи.

разжечь костёр, вокруг которого могли уместиться десять человек. Украдший соль Сёнам Тсеран был, можно сказать, моим доверенным лицом. Получив соль, я приказал ему помочь прибраться в саду. Тяжело дыша, он начал убирать снег. Он отбрасывая его в сторону ногой и делал это гораздо быстрее, чем другие пройдохи. Поэтому, когда он пнул снег прямо мне лицо, я не ругал его, хотя он и раб, и я знал, что он это сделал специально. Однако всегда находятся люди, которые души не чают в ком-нибудь из таких рабов. Именно поэтому я терпеливо отнесся к поступку, из-за которого снег, попавший мне в лицо, заставил смеяться моего раба.

Огонь развели очень быстро и быстро ощипали дроздов. Сёнам Тсеран не сразу убивал дроздов, сначала он выдергивал у них перья. Они визжали от ужаса в его руках, а из-за этого пронзительного визга у всех были мурашки. У всех, кроме него. Он сидел и продолжал ощипывать живых птиц как ни в чём не бывало. К счастью, аромат жареной птицы быстро успокоил сидящих вокруг костра. И вскоре каждый съел по три — пять дроздов, диких дроздов.

Перевод Викторией Демиховой

Тихонькая – Бирофельд

Уже вечереет, но мы отправились из Тихонькой на Бирское опытное поле. Я окончательно договариваюсь со своим возницей о том, чтобы ехать сегодня: дорога дальняя – верст шестьдесят. Едем на фуре и все лесом.

А вдруг кто встретит, остановит – это же опасные дороги? Может, не стоит?

Но возницы высмеивают меня: лишь бы дорогу нащупать, чтобы не заблудиться, тогда можно ехать целую ночь. Никто не помешает. Хорошенькое дело! В Биро-Биджане – да чтобы разбойничали!..

Раз так, то едем.

Чуть впереди нас – фуры с ульями. Едут они медленно. Не надо бы их обгонять. Лучше держаться вместе... Но молодые парни из менской «дикой дивизии» даже слушать меня не хотят.

– Еще чего! Если «украинским увальням» так нравится, то и пусть волокутся вместе с пчелами...

...Возле парома мои возницы добились, чтобы их первыми переправили через Биру: у них нет времени. Они спешат. Они не станут ждать. Ни в коем случае не будут ждать.

Добродушный паромщик с корейской бородкой, безусловно, расположил к себе эту молодежь. Он тоже был когда-то молодым. Теперь, если кто-то горячится, он лишь спокойно наблюдает. Он просит у меня «расейскую самокрутку» и между прочим рассказывает, что ОЗЕТ собирается строить через Биру огромный мост. А его возьмут сторожем этого моста. Вот и выходит: не придется ему тянуть паром, да еще и вдвое больше зарплату будет получать. Конечно, умная вещь.

– Очень хорошие люди, этот ОЗЕТ...

– Парни, таки действительно, куда нам спешить. Все равно придется ночевать на двенадцатой версте. Можно ехать не спеша. Едем же с грузом, а лошади сегодня пришли с опытного поля – они уставшие. Нечего спешить...

Но Лейбкэ Ковалев терпеть не может, когда ползут, как еле живые. Лейбкэ в Менске служил у «каретника». Вот он и любит, чтобы лошадки живей перебирали ногами.

Да и бегут же они, когда их еще подхлестнешь. Тогда железяки, что мы везем на наших телегах, дребезжат под нами и не дают усидеть. Но кони отмахиваются хвостами от ударов кнута, делают вид, будто все уже позабыли, и снова плетутся медленно. Железо успокаивается и укладывается на место. И сидеть становится удобней.

...Когда Лейбкэ снова начинает подгонять лошадей, я пересаживаюсь на телегу Мошко. Он везет оборудование для кузни. Поэтому едет последним и медленней остальных. Мошко говорит, что это будет первая кузня в

первом еврейском государстве. Мошко настоящий «поэт». Взахлеб рассказывает, что хочет устроить кузню по всем правилам, без единой ошибки.

Мошко хорошо знает, что такое земля. Он всю жизнь работает на земле. Отец его умер на своей земле. И он того же хочет. Но такого, как здесь, он еще никогда не видел. Теперь у него нет времени. Надо кое-что перевезти и заработать «немного денезек». Но при первой «возможности» он напишет про эту сопку, которую мы сейчас проехали, и отправит во все журналы и газеты.

— Ох, какая же она красивая, эта сопка, Тихонькой она называется. Она тихенькая, вот и зовется Тихонькая. А на другом берегу Биры есть еще одна сопка. Она зовется Буйная. Та сопка не тихенькая, вот и зовут ее Буйная.

Но Тихонькая нравится ему больше. Вон она какая — версты, наверное, две высотой. А посередине ступеньки. А вокруг заросла она деревьями, большими и маленькими. А наверху у нее шпиль, с которого можно видеть абсолютно всю еврейскую республику.

— Черт побери этих парней. Смотри, сколько они уже проехали. Надо догонять.

Дорога хорошая. У Мошко на телеге мягко настелено. Можно и хлестнуть эту заразу.

О-о! Вон они уже где. Если бы, например, Лейзер-каретник увидел, как Лейбкэ подгоняет лошадей, было бы ему плохо...

Догоняем те телеги. На улице темнеет. Плавно восходит луна, полнолицая, как молодая гольдка. Дорога ровнехонькая, выглаженная, как дорога из Балты в Одессу. Лошади очень рады, что мошка не сильно кусает, и бегут веселее. Мы договариваемся накормить их на «двенадцатой версте» и самим переночевать там в деревянном бараке.

...В бараке всегда есть китайцы — рабочие, которые строят дорогу. Окна тут забиты досками, а двери открыты. Свет луны сочится сквозь двери и дырявую деревянную крышу. Вечером барак освещается пламенем чугунной печи. Теперь же, ночью, когда печурка закрыта, можно при свете спички увидеть на нарах утомленных после трудового дня людей. Спичка освещает щеку или нижнюю половину лица. А когда она гаснет, барак погружается в темноту. Слышно только, как люди тяжело дышат, очень тяжело. Их одежда лежит сверху, не спрятана. Никто ничего не украдет. Наоборот, если ночью придет чужой, он подкинёт в чугунок несколько дровишек, чтобы стало теплей...

Немного поодаль, с другой стороны, легли в одежде двое корейцев с реденькими бородками. А с этой стороны — гольд с круглым плоским лицом.

В ночной темноте стали занимать свободные места поздние гости: русские, украинцы, евреи. Позже подъехали телеги с пчелами. На нарах стало теснее — теснее и теплее... Но никто этого не чувствует. Все уставшие, все сразу проваливаются в сон. Слышно только дыхание, неравномерное дыхание и храп...

На улице тихо. Большая яркая луна одиноко бродит по небу, заглядывая в окна. Осматривает странные лица. Удивляется и плывет себе дальше. Слышно, как лошади — по-разному стреноженные — делают клоунские прыжки по сочному лугу и все одинаково хрустят...

...В третьем часу начало светать. Взошло солнце — свежее и чистое.

Ночью было прохладно, а теперь ехать очень приятно. Ни у коней, ни у людей от усталости не осталось и следа...

От барака отъезжают все одновременно. Дальше — порвется у кого-нибудь уздечка, сломается ось, открутится гайка — вот уже и отставшие есть. Нетерпеливые же подгоняют своих лошадей, заезжают вперед.

Вот встречаются телеги, которые едут назад с Бирского поля. О-о! Дорога «Тихонькая — опытное поле» стала большаком: теперь по ней за день проезжает столько телег, сколько и за год когда-то не проезжало.

— Что слышно?

— Ничего. Пашут, возят лес.

— Сколько тягловых?

— По-разному. У одного шестеро коней. У другого четверо... Ну а что в Тихонькой?

— Ничего. Прибывают новые переселенцы. Выдают лошадей. Ссорятся.

— Когда уже, наконец, выдадут маски?

— Видать, нескоро. Бейнфест сражается с Финкельштейном — или готовые маски выдавать, или марлю. А тем временем марля лежит на складе.

— Большое спасибо им за это. Пусть хоть склад не боится комаров...

Но, но!..

Поговорили, попрощались и снова в путь. Возле дальних телег уже меньше останавливаются: перекинулись словцом, другим, перекликнулись и разъехались...

...Авром-шапочник из Гомеля сообщает, что это большая глупость — послать сюда молодежь. У него тоже есть двое детей. «Упольне самостоятельные люди». Они такие дети, что заработают рубль, лишь бы работа была. Из них уж люди будут. Но накажи его Бог, он не доверяет им. Ему 54 года. Он уже калач тертый. Он, не при вас будет сказано, с грыжей. Но он, Авром, понимает, что от этих сорвиголов толком ничего не узнать, потому что им сейчас тут нравится, вот и напишут: «Ой, папа, поскорей приезжай — речка загорелась». Или наоборот: ничего не рассмотрят как следует и быстрее вернуться назад. Видели уже. Вон сколько сопляков вернулось назад.

— А ну, — толкает меня Авром, чтобы я лучше слушал, — расспросите нарочно у них. Были они где-нибудь? Видели что-нибудь? — Где там! Нигде не были и ничего не видели.

Авром возмущен. А когда Авром сердится, он надвигает густые седые брови на запавшие глаза и не смотрит вам в лицо. Он смотрит на коней и причмокивает, чтобы быстрее шли. И тогда подбородок на его длинном лице двигается, как у лошади, когда она жует. А он бурчит дальше.

Сам он, Авром, тоже не спешит писать домой. Семья спрашивает его: «Ну?». Авром молчит. Снова спрашивают: почему молчишь? А он не отвечает. Они, конечно, устроят переполох. Но Авром им все равно не напишет. Авром постукивает узловатым пальцем по возу: пока он сам своими глазами не увидит, что это за Биро и Джан, до тех пор он домой не напишет. На такого человека можно положиться. А что, разве не так? Конечно, так.

— Но! А ну, резвей! Тут можно идти быстрее.

Но скоро Авром поворачивается ко мне, поднимает тяжелые седые брови и говорит, что он никак не может понять, чего это вдруг развели панику

про здешние дороги. Это, например, очень хорошая дорога. То, что они кладут мостки через болота, — это значит, что они, безусловно, хорошие хозяева.

...Лейбкэ шел рядом с лошадьми, крупный, широкоплечий, в длинных штанах «галифе», осторожно ступая босыми ногами по неровной земле. Штрипка от одной штанины оторвалась и тянулась за ним, выписывая на дороге причудливые каракули и мешая ему идти. Лейбкэ наклонился, чтобы оторвать ее совсем, и задержался, пока наша повозка не догнала его телегу. Он шел, оглядываясь по сторонам. Внезапно повернул глуповатое, наивное юношеское лицо и сказал:

— Подумайте только, что такое природа. У-ух! Чтобы разобраться в этом, не нужно кино, не нужно цирка и даже лучшего театра. Надо только выйти в поле, смотреть и слушать. И все, и больше ничего не делать...

— Вот видите, — перебил его Авром, — больше его ничего не интересует, только кино и театры. Вот так и мои. Вот и понадейся на них.

— Ты смотри, как человек завелся! К нему по-хорошему, а он брыкается... Э, стойте к черту. Тпру-у... Разогнались как...

Лейбкэ стал догонять телегу, широко ступая длинными босыми ногами. Мы ехали за ним... На подъеме лошади выгибались, делая вид, что спешат, но шли медленно. Скоро мы совсем остановились. Ведь это «двадцать вторая верста»...

На «двадцать второй версте» поселился смешанный коллектив. Пиня роменский доказывает, что рыжим людям тут жить нельзя. Вот он, например, — рыжий. А лес близко. Как только он заходит в лес, так сразу на него нападают комары и мошка и съедают его живьем.

Нет, таки правда. Вот интересно: Лемех золотопольский — тот паршивый жестянщик — ходит по лесу больше, чем Пиня. Да еще и работает всегда без сорочки. И черт его не берет. Почешется, шлепнет себя несколько раз, и все. А Пине, который известен как лучший дамский парикмахер на весь Ромен и который с головы до ног застегнут на все пуговицы, — просто же дышать не дают треклятые комары. Всего искусали. Шея, лицо, уши опухли. Нет, рыжему на «двадцать второй версте» жить нельзя...

Лежит Пиня в палатке, укрылся с головой дождевым плащом и ни с кем не хочет разговаривать: прячется от комаров. Если вам надо что-то узнать, то идите вон туда, в лес. Там парни пилят деревья. Вывозят лес на бараки, на дома и на баню. Он может только сказать, что тут построят баню. Тут-таки совсем неплохая делянка. Если хотите, можно пойти у тех спросить.

Но мы ни у кого ничего не можем спрашивать. Нет времени. Можем только немного отдохнуть, напоить лошадей и ехать дальше.

— наших чистокровных киргизов и забайкальских орлов можно хоть сейчас напоить. Но надо сразу же ехать, чтобы они согрелись, — объясняет Лейбкэ.

...Сзади подъезжает целая вереница телег. Они нас догнали. Дорога пока ровная. Вокруг густой дремучий лес, а в нем каких только деревьев нет. То тут, то там видны большие выгоревшие участки. Кое-где все еще тлеют обгоревшие пни или ветки. Возле самой дороги возвышается огромное дере-

во, оно обгорело сверху и выгнулось, как мифическая рогатая тварь. Время от времени оно вспыхивает и продолжает дымиться...

Часто попадаются речки, ручьи, широкие лужи. Здесь они прикрыты мостками, но дальше к опытному полю еще не все мостки налажены. Там нужно ехать осторожно. Нужно сделать большой крюк, чтобы объехать болото. Лейбкэ морщит свое широкое лицо и говорит, что он не должен держать это все в голове. Он не должен нести ни за кого ответственность. Никто не имеет права ему указывать и все такое.

— Но, но! А ну давай! Сильней! Вот так, ну!.. А черти бы вас взяли!.. Вот вам. Нате. Кости бы вам переломало... Сгорели бы вы вместе с Биро-Биджаном... Вот вам еще. Еще... Теперь стойте. Так я хоть буду знать, почему...

Лошади напрягаются, выгибают шеи, поводят ноздрями, перебирают ногами, но не могут сдвинуться с места. И за это Лейбкэ не имеет к ним претензий: он отстегал их, а они назло не хотят идти...

Стоит Лейбкэ босой в грязи и просит, чтобы ему помогли.

— Ага, а я что говорил? Не надо было сюдой ехать. Поехал сюдой, сиди теперь хоть пять часов, — подтрунивает над Лейбкэ молодой менский парень в стертых хромовых сапогах.

— Пошел ты, спекулянтник. Продай свой мешок. Иди на биржу. А то я тебя подальше пошлю...

— А ты — паршивый каретник! Лошадиный погонщик!

Лейбкэ медленно поворачивается, и вместе с ним поворачиваются широкие крылья его галифе.

— Давай иди отсюда. Больше я ничего не скажу. Все.

Авром-шапочник терпеть не может таких штучек. Он соскакивает с телеги. Его густые брови надвигаются на запавшие глаза.

— Это что за разговоры такие? Надо сперва воз из грязи вытянуть, а потом уж будете благословлять парня, чтоб не фокусничал так.

— Эй, мужики! Сюда! А ну, все сюда... Ты, выскребыш ленинградский, чего это ты оделся, как телегент. А ну, иди, подставляй голую спину.

Лошади повеселели, имея возможность доказать, что они не виноваты. Скоро телега тронулась с места, а парни не давали ей увязнуть, нащупывая твердую почву и переставляя ноги, вытянули ее.

— Вот хорошо, когда все вместе за дело берутся. Из самой глубокой грязи можно вытянуть — Авром-шапочник это уже давно говорил...

...Теперь все снова идут низиной. Отставшие телеги с пчелами уже догнали. Время от времени кто-нибудь бежит напиться холодной воды из свежих родников, которые встречаются по дороге, а телеги идут сами. Дорога снова ровная, накатанная.

— Эй, а ты чего встал как вкопанный?

Это остановился первый возница, а за ним все остальные. Ай, интересно же посмотреть, как охотник диких уток стреляет.

— Бах! — Не попал. — Трах! — Не попал. — Бах! — Кажется, тоже не попал. Нет, высокая трава шевелится, шелестит, раздвигается. Это бежит собака, ищет, нюхает, шныряет и снова бежит назад.

— Молодец, Бобик! Золотая собака! Кулика несет. Нет, дикая утка у него в зубах.

Все возницы окружают охотника и его собаку. Все жадно слушают.

О, тут много дичи. Если специально заниматься охотой, можно хорошо прожить. Во всех тех речках, которые мы проехали, водится много рыбы. Тут двадцать восемь сортов всякой рыбы. От малюсенькой рыбки до огромных рыб.

Бореху, рыбаку из Терновки, это очень нравится. На черта ему земля. Хоть и красивая эта местность. Вот, например, тут: лес похож на большой барский сад на Украине. Эти маленькие, низенькие березки с опрятной белой корой как будто выбелены заботливыми хозяйскими руками. Да и так, вообще... Ему, Бореху, человеку, который повидал разные речки с разной в них рыбой, ему весь этот край не кажется чужим.

Он думает, что надо было бы этот край назвать не «Дальний Восток», а «Ближний Восток»...

И Борех, уже пожилой человек, отворачивает свое изможденное лицо, чтобы его не видели. Он стыдится. Может, он сказал глупость? Да где он только не был, а стыдится глупости. И всегда, когда Бореху приходится высказывать какую-то мысль, он думает, что это глупость; тогда он отворачивает лицо и смущается.

Но нет, это совсем не глупость. Мошко тоже так думает. Тут так роскошно, так хорошо, что если бы у него было время, он бы сел и запечатлел на бумаге все красоты Биро-Биджана и разослал бы это по всем журналам и по всем газетам. Но нет у него времени, у Мошко. Надо же зарабатывать. Вот сейчас он везет кузню. Первую кузню в первую еврейскую республику.

— Ну, парни, хватит. Не шумите. Лошади немного отдышались, надо бы привести их в порядок. Вон там уже видно дома на Бирском опытном поле. Финкельштейн, агроном, как увидит их таких мокрых, такой шум поднимет, что...

И точно. Вон там, слева, виднеются несколько светлых пятен, которые дальше превращаются в четырехугольники. Вон уже видно жестяные крыши, видно даже, что жечь оцинкованная и гофрированная. Это та самая жечь, которой покрыты почти все дома в этом крае. Та самая жечь, которую еще немцы привозили сюда на больших пароходах, чтобы строиться здесь, добывать и вывозить отсюда всякие богатства.

...Вот мы и переезжаем последний большой мост. Его еще достраивают. Телеги идут тут медленно. Справа от дороги менские «икоровцы» сражаются с шестью лошадьми, чтобы те лучше тянули плуг. Над распаханной землей склонились девчата, сажают картошку. Вдоль дороги навален шафранный кедрач — материал для большого дома.

Слева роются в земле ловкие парни из рогачевской коммуны. Время от времени нам преграждают путь телеги с длинными колодами. Лейбкэ, который идет впереди нашего «эшелона», ругается с возницами по этому поводу.

Последний поворот. Здесь стоит палатка, приютившая корейских рабочих, которые помогают строить дорогу, копать колодцы. Уже хорошо видны все строения, большой двор, двое ворот, которые никогда не отдыхают: тот заезжает, этот выезжает.

Мы заезжаем во двор. На улице уже темно. Тут стоит страшный шум. Я не успеваю оглядеться. Нас обступают знакомые и незнакомые и начинают расспрашивать.

Исаак БРОНФМАН

*Вольный перевод Виктора Антонова,
подстрочный перевод Романа Кутина*

* * *

Я не умею забывать...
Вот этот домик номер пять,
Вот эту тишину меж стен
В местечке «N».

Я двери в дом приотворил:
Три детских коечки внутри,
Три тихих девочки лежат.
Навеки спят.

В висок немой ударил крик.
Он на бегу меня настиг.
Сжимали руки автомат:
Где этот кат!?

Я снова обожжён войной...
Виски покрылись сединой.
Но где б я ни был – Боже мой! –
Три мёртвых девочки за мной.

Я не умею забывать.
Рука сжимается опять.

Перевод Виктора Антонова

Мой юный город

Ты – победитель, ты широк в плечах,
Твой взгляд упрям, ты закалён в борьбе.
На диких берегах ты сильным стал,
Мой юный город, выросший в тайге.

Ты первенец у матери младой.
Ты в мир пришёл с улыбкой на устах.
Ночь твоего рожденья над Бирой
Сияла и гнала галута страх.

Я вглядываюсь в ясный наш простор,
Товарищ мой, свидетель бурных лет.
Мы с твоего рожденья до сих пор
Спасаем мир от боли и от бед.

Я счастлив быть одним из горожан,
Я счастлив, что среди множества дорог
Была такая – в мой Биробиджан.
Я связан с ней прочней, чем думать мог.

Зиси ВЕЙЦМАН

ВЕСЕЛЫЙ ДОЖДЬ

Перевод Леонида Школьника

* * *

זאָג מיר, וואָס טוט מען אין חודש יון,
ווען ביימער זיך שעפטשען, און הויך איז די זון?
ווען קלינגענדיק, רוישיק אין גרינעם געטומל
עס קומט אָן דער הייסער און פֿריילעכער זומער?
דו עפֿנסט די פֿענצטער, דו עפֿנסט די טיר:
איך וואָרט שוין, מיין זומער, איך וואָרט שוין אויף דיר!

זאָג מיר, וואָס טוט מען אַ זומער־בינאַכט,
ווען ס'לויכטן די שטערן אין הימל פֿאַרנאַכט?
ווען ס'בלאָנדזשען אויף אַלע באַנאַטיקע ראַגן
מיידלעך און יינגלעך, אין טרוימען פֿאַרטאַגן?
דאָס ווינטעלע גלעט מיר, אַ פֿריילעכס, אַ צאַרטס,
און אומרויך קלאַפט מיין ניט איינגעשטילט האַרץ.

זאָג מיר, וואָס טוט מען אין חודש יון,
ווען צאַפֿלדיק זינען געפֿילן און יונג?
ווען יעדער געדאַנק - אַזוי זויבער און ריין,
און אַלץ, וואָס אַרום, פֿול מיט ליבע און חן?
לויטער דער טאָג איז, די רחבֿות איז העל,
זינגען עס ווילט זיך - ס'איז גוט אויף דער וועלט!

Скажи, что делать мне в июне,
когда застенчивы и юны
деревья летние стоят,
и настезь двери открывая,
ты улыбаешься, смешная,
и что-то шепчешь невпопад?..

Скажи, что делать ночью летней,
когда звезды полет последний
навек запомнился двоим,
когда на улицах зеленых
звучат шаги, слова влюбленных,
и только мы с тобой молчим?..

Скажи, что делать нам с тобою,
когда над нами, над землею
прекрасен день и даль ясна,
когда весь мир июнь заполнил,
и я давным-давно заполнил:
ты для меня из всех — одна...

Свадьба

די חתונה

די חתונה האָט געברויזט, ווי ביר,
אין דער פֿרי איז צום סוף געקומען.
דאָרף מען מאַכן דעם חשבון מיר,
וואָס האָט יעדער פֿון איר באַקומען.

אַ שיינעם טיש - דעם עולם געשטעלט,
אומרו - די שכנים, קינאה - די שונאים,
דער אַלטער מאַמעניו מינער - אַ פֿרייד,
אַ ככודיק אָרט - די שדכנים.

דעם, ווער עס טרינקט - אַ ים פֿון וויין,
דעם, ווער עס טאַנצט - פֿון "פֿריילעכס" אַ שטורעם...
אַבער מיר, חבֿרה, - אַ יונגע ווייב.
מער פֿון אַלע האָב איך באַקומען!

Свадьба пенилась, как пиво,
и, забыв усталость,
все задумались ревниво:
что кому досталось?

Приглашенным — стол богатый,
шум и гам — соседям.
Первый тост достался сватам,
а друзьям — последний.

Мамочке — покой под старость.
Плясунам — удача.
Ну, а мне жена досталась.
Кто меня богаче?

א געשפרעך

- חבר פאלקאווניק, חבר פאלקאווניק,
פון וואנען איר שטאמט? פון בערדיטשעוו, פון קאוונע?
זייט מוחל, איך בעט, פאר דער דאזיקער קשיא -
נאך די אויגן ביי אייך - ווי צוויי שווארצינקע קארשן,
די האר - פונקט ווי מינע, די נאז - ווי ביי מיר...
שטיל דער פאלקאווניק פארמאכט האט די טיר...

ער רייכערט, פארקלערט, גאר א פילטערציגיגער:
"זאג, קודם-כל, לייטענאנט, דו מיין טייערער", -
אויף מאמעלשון מיט מילדקייט און חן, -
"ווי אזי אונדזער געבענטשטע היים?"

Разговор

«Товарищ полковник, товарищ полковник!
Откуда вы родом: из Бельц или Ковно?
Простите меня за нескромный вопрос.
Но ваши глаза, как две черные сливы,
И если уж быть до конца справедливым,
Ваш нос мне напомнил мой собственный нос...»

Полковник, усталый, сидит у стола,
Дымит сигаретой, вздыхает: «Дела...
Скажи, лейтенант, скажи, не тая:
Как будет на идиш «родная земля»?..

א שניי אין מארט

א גרויסע מציעה - א שניי אין מארט -
א שניי! איז וואס איז א חידוש?
עס פאלט דער שניי בייטאג און ביינאכט.
שעלט איך אים פשוט אויף יידיש.

עס שנייט א מעתלעת, עס שנייט שוין א וואך.
און פלוצעם איך הער און דערזע:
רינוועלעך שפילן די כלרזמר נאך,
די אפערע פון ביזע.

וואס איז? ס'איז געקומען דער פריילינג מסתם?
כ'בין אויפן וועטער א מבין.
איך פיל מיט די ליפן פון פריילינג א טעם,
ווי א ווארעמען קוש פון א מיידל.

Мартовский снег

Подумаешь, невидаль — мартовский снег,
Сосульки, как люстры подвески.
Брожу я по снегу, словно во сне,
Ругаю его по-еврейски.

Снежит и вьюжит — незавидна судьба,
В небе, видать, авария.
Но слышу вдруг: поют желоба
Оперную арию.

Так что, быть может, из дальней страны
Весна к нам мчит нестерпимо?
...Касаюсь светлого лика весны,
Как ласковых губ любимой.

ניין, כ'בין ניש דאָן־קיכאָט

כאַטש מאָדנע איז עטוואָס מיין טראָט, -
 ניין, כ'בין ניש דאָן־קיכאָט...
 נישטאָ ביי מיר אַזאָ בערדל,
 איך האָב נישט קיין שווערד און קיין פּאַנצער,
 מיין פֿריינד רופֿט מען ניש סאַנטשאָ פּאַנסאָ,
 נאָר פשוט אויף ייִדיש - בערל.

ניין, כ'בין ניש דאָן־קיכאָט.
 איך ערלעך פֿאַרדין אויפֿן ברויט,
 געפֿונען פֿון לאַנג דולסינייען,
 אָבער כ'בין דאָך ניש אַ ריטער...
 איך שרייב פשוט ייִדישע לידער
 פֿון מענטשן-נחת און ווייען.

דער טייך סעלעמדזשאַ

סאַסנעס און סאַפקעס, באַרויקט זיך, שאַ -
 די קרע גייט אויף דער סעלעמדזשאַ.
 פֿון דרום און מזרח, פֿאַרנט און ווינט
 באַלעבאַטעווען וואַרעמע ווינטן.

דער רוישיקער טייך - ווייס איך וויפל מעתלעתן
 רייסט זיך פֿון זיינע פֿאַרפֿיררענע נעסטן.
 מיט כעס און מיט צאַרן, מיט ווילדקייט און תעבָה
 יאָגט סעלעמדזשאַ דורך דער אייביקער טייגע.

איך שטייט אויפֿן ברעג אין דער לויטערקייט פֿרײַער,
 מיט אַברים מיט אַלע איך פֿיל שוין דעם פֿרײַלינג.
 דער וואַלד איז נאָך גרוי, נאָך, צו סאַפקעס געטוליעט,
 שפּראַצט אומדערוואַרט פֿאַלעט דער באַגולניק.

אַ מאַדנע מלאַכה פֿאַראַן ביי דעם פֿרײַלינג -
 צעברעכן דאָס אייז, פֿון דער זון זמן אַ צווילינג,
 זיך נעמען אַ מאָס ביי די רחבֿותן פֿרייע,
 פֿאַרעקשנט די ליכטיקע וועלטן באַנייען,
 און פּלוצעם אין גרויען, ווי ס'איז, אינדערװאַך
 אַ ווייז טאָן דעם זוניקן שטראַל פֿון בטחון...

Дон-Кихот

Я знаю: моя необычна походка,
 Но, не подумай, не Дон-Кихот.
 Ты видишь, нет острой такой бородки.
 Где щит и шпага? Панцирь не тот.
 Не Санчо Панса бредет за мной,
 А Берл — друг закадычный мой.

Нет, доспехи его примерить не смею,
 Путь мой по жизни совсем иной...
 Давно уж нашел свою Дульцинею...
 Какой из меня рыцарь, какой там ге-
 рой!
 Лишь тем на других не похож я, как
 видишь,
 Что просто стихи слагаю на идиш.

Вольный перевод Владимира Цыбина

Селемджа

Шумлива река — от сердца земли
 Рвётся из гнёзд, что к снегам приросли
 Со злобой и горечью в льдах и снегу
 Мчит Селемджа сквозь глухую тайгу.

Стою и гляжу я в себя, в глубину —
 Всем телом в себе ощущаю весну.
 А лес ещё сед — только сопки вокруг.
 Багульник блеснул фиолетово вдруг.

Такое, видать, у весны ремесло —
 Разламывать лёд и дарить нам светло,
 С широких просторов мерку снимать,
 Как солнца близнец, все миры обновлять.
 В день серый, как лёд, захочу как-нибудь
 Лучами надежды на солнце блеснуть.

Вольный перевод Нины Фишбейн

מיכאַעלס

Михоэлс

עס קלאַפט דער זכרון דורך שרעק און פֿאַרבאַטן.
פֿון דער ליכט אויף דער וואַנט פֿאַלט אַ גאַלדענער שאַטן,
פֿאַלט אַ גאַלדענער שאַטן, אַ גאַלדענער פֿאַסיק,
און ס'ווערט אויפֿן האַרצן אַזוי אוממעטיק, בלאַסיק...
עס פֿלאַטערט די ליכט, ווי אַן אייביקע מעווע.
די ליכט, די חכמה, איז אין לעבן מביין.
זי האַלט דאָך אַ סוד, זי ווייסט אַ געהיימניש
און ס'ווערט אין דעם רוים אַזוי וואַרעם און היימיש.
איך הייב אויף די ליכט אין דעם מעשענעם ליכטער,
און כ'זע, ווי איר שיין אונדזער אַלוועט באַלייכט,
עס ווערן פֿאַרשוונדן קרבנות, תּלינים,
פֿונעם בלוטיקן שניי שטייען אויף די מיליאָנען.
איך זע אויף דער וואַך זייער ברען פֿון די בליקן,
דעם מלאַך־חבלה, זייערע אומגליקן.
נאָר ס'טליעט דער אַנדענק דורך שרעק און פֿאַרבאַטן,
און ס'פֿאַלט אויף דער וואַנט אַ גאַלדענער שאַטן,
אַ גאַלדענער שאַטן, אַ גאַלדענער פֿאַסיק,
און ס'ווערט אויפֿן האַרצן אַזוי אוממעטיק, בלאַסיק.

Золотящийся отблеск свечи,
Грусть мою одолеть — научи.
Память черная в сердце стучит...
Через страх и запрет не молчи.
Что мерцаешь, шалунья-свеча?
Не погасни, смотри, сгоряча.
Умудренная жизнью сполна,
Тайна в пламени заключена.
Зеленится подсвечника медь.
Тени, будто боясь не успеть,
Громоздятся, становятся в ряд,
Сотни глаз, оживая, горят
и вползают в пламя свечи
их немеркнувших взглядов лучи.
К избавленью не высвечен путь.
Разве выход — навеки уснуть?
Жертвы призрак и тень палача
Освещает колдунья-свеча.
Золотящийся блик на стене
Отражается болью во мне.
Прах стучится сквозь страх и запрет.
Нет покоя. Забвения нет.

Перевод с сербского Бранки Такахаши

Предпраздничный вечер

Истории приходят неожиданно. Эта постучала в дверь моего университетского кабинета однажды под вечер, в самом конце зимнего семестра. На улицах чувствовалось приближение праздников, люди неистово, в коллективной эйфории, ходили по городу и покупали, покупали, покупали так, словно искупали грехи, словно завтра какой-то отставной бог встряхнётся от летаргического сна и объявит апокалипсис. Я вспомнил, уединённый в своём кабинете, в опустевшем университете, уставший от целодневного рассказывания студентам и студенткам, да, студенткам, как-то весь *проговорённый*, настолько выжатый, что казалось — нет больше во мне ни одного слова, вот тогда я, говорю, вспомнил Рильке, который сказал, что *в часы праздника труднее, чем обычно, сносить одиночество*. И я сидел так, уставший и сонный, на столе лежала куча книг, которые давно уже ничего для меня не значили, сидел, говорю, и тупо смотрел в эти книги. Я уже годами никуда не тороплюсь, и мне хотелось, чтобы эта минута блаженной пустоты продлилась как можно дольше. Просто я ещё не был в состоянии встать и пойти домой, туда, через реку, в ещё более тяжёлое и страшное одиночество, потому что, если говорить правду, только в Новом Белграде вы можете по-настоящему узнать, что это такое — истинное, безнадёжное одиночество.

Тогда кто-то постучал. Еле слышно. В коридоре было темно, я это видел сквозь мутное стекло двери. Не было слышно никаких шагов, и я сначала решил, что мне только показалось, будто кто-то стучит, хотя, может быть, это и сам нечестивый явился, чтобы сыграть продолжение той давно написанной пьесы Брешана. Привидения, впрочем, являются, в основном, одиноким в отдалённых, пустынных местах. Кабинет мой был под зимний вечер такой пустыней, его не касался властвующий порядок мира, его не касались ни люди, достойные потомки стаи, которые, толкаясь, в неисчислимом множестве бродили по городским улицам, сумасшедшие от праздничной радости, словно наблюдали чью-то казнь... Но это было не то, потому что стук повторился, чуть сильнее, чем в первый раз.

— Да, — сказал я. И это слово разбило тишину моего кабинета.

А эта тишина особенная, потому что она исполнена сонмом онемевших слов, и завалена лавиной бесполезного безголосого щебета, которое в часы хорошего настроения называем книгами, а книги, кстати — это правда! — лишь очередной глупый способ, с помощью которого люди заваливают гнетущее осознание того, что им на самом деле нечего сказать друг другу.

Сначала — стеснительно — показалась голова. И осталась на миг так, в каком-то нерешительном, неопределённом положении.

— Профессор, — сказала немолодая, может, на пару лет моложе меня, женщина. — У вас минутка есть?

— Конечно, заходите.

И только тогда она вошла. Она выпрямилась под мутной неоновой лампой, которая зажжена и в самый солнечный летний день, потому что окно кабинета смотрит в окна соседнего здания — я мог бы рукой до него достать, это здание, так близко оно находится, что совсем заслоняет небо. Женщина, когда-то красавица, с дымчатосерым взглядом, постояла так неподвижно, в какой-то неожиданной уверенности, в двух шагах от меня, словно давала мне время осмотреть её, вспомнить её.

— Вы меня не помните? — спросила она, угадывая мои, не очень быстрые, мысли.

Я посмотрел на неё внимательно. От света у меня болели глаза, я, кстати, очень близорук, и не только в прямом смысле слова. Нет, не помнил. Эта близорукость — признаюсь, хотя никто такого признания у меня не требует — худшая моя характеристика. Иногда самого себя ругаю. С трудом запоминаю внешность, с ещё большим трудом — имена людей, с которыми каждый день встречаюсь и работаю. Это так. Я просто всё время знакомлюсь с новыми людьми, с большим количеством людей. Знаю, знаю — это никакое не смягчающее обстоятельство. Слишком много одинаковых лиц и так мало запомнившихся имён — разве это не плохая привычка, очень плохая привычка... Люди, с которыми, повторяю, ежедневно знакомлюсь, думают, что я игнорирую их, но нет! У меня это знак глубокой неспособности дойти до других, приблизиться и понять их, как понимаю себя, а на самом деле беда в том, что не умею даже этого — приблизиться к самому себе, еле помню собственное имя. Когда надо поставить подпись, я сначала припоминаю, как меня зовут, и обязательно недоумеваю, почему зовут именно так, а не иначе. Я мог бы быть кем угодно, меня могли бы звать как угодно.

— Вы действительно меня не помните? — спрашивая, женщина немного придвинулась ко мне, и теперь мы были совсем рядом, окно к окну, лицо к лицу. Я почувствовал её запах, её дыхание. В этом было какое-то потаённое, почти совсем погасшее тепло.

И всё-таки.

Не могу сказать, что мне было приятно. Наоборот, я чуть ли не рассердился на себя, потому что, как я уже говорил, подобные ситуации постоянно повторяются. Приходят люди, утверждающие, что знают меня, что мы познакомились там-то, что при встрече разговаривали о том-то — и всё равно я не вспоминаю. Лишь изредка.

— К сожалению, нет. Напомните мне. Вы учитесь у нас?

— И да и нет. То есть я училась. Очень давно.

— И?

— А теперь я хотела бы продолжить. Я остановилась на третьем курсе. Знаете такие истории.

— Допустим, знаю.

— Конечно, постоянно слушаете подобные истории. Значит, я училась, и даже очень успешно, а потом влюбилась, так идиотски влюбилась, что весь мир перевернулся. Боже, этот ваш коллега был волшебником, на его лекциях мы впадали в коллективный транс, он соблазнял нас словами, хотя годился нам в отцы, и — уже, может, и вспоминаете, — ребёнок появился раньше времени, он его не хотел, потому что не хотел меня, и я всё бросила,

вернулась туда, откуда приехала, родила дочь, нашла работу, вышла замуж, в браке родила ещё одного ребёнка. И теперь, когда его больше нет — я слышала, что он умер, — хочу окончить университет, у меня осталось лишь несколько экзаменов. Думаю, никогда не поздно.

— Таня?

— Да, это я.

— Ты изменилась.

— Ты тоже не тот.

Я это знал и без её слов. Я давно понял, что это иллюзия, будто мир меняется, а зритель, скажем, я, скажем, вы, скажем, кто-бы то ни был, остаётся прежним. Нет, как раз наоборот, это зритель меняется, меняется к худшему, к неостановимому худшему, а мир — мир остаётся прежним. Изменения в мире — кажущиеся: кто-то в него придёт, другой из него уйдёт, исчезнет один зритель, появится другой, но в сути, мир остаётся неизменным, он существует так, что поглощает нас и превращает нас в рухлядь, он существует благодаря тому, что уничтожает нас. В этой истории лишь появляется несколько очередных примеров, вот и всё.

— Мы были твоими первыми студентами. Ты был молодой демонстратор, до недавнего времени наш коллега, на два-три года старше нас, а потом ты стал его ассистентом.

— Да, всё верно. Сколько лет прошло с тех пор?

— Двадцать два года.

— Двадцать два, — я повторил, не в состоянии представить себе такое количество времени, целую одну жизнь. Я помнил эту историю, потому что это была моя история, вернее — могла стать ею, но куда-то исчезла и теперь явилась, неожиданно, как обычно являются истории и застают нас мрачными, равнодушными, изменившимися к худшему, неготовыми и отдалёнными от себя самих. В этой женщине, чуть моложе меня, я пытался узнать ту жизнерадостную и ласковую девушку многолетней давности. Она, нужно сказать, была неправдоподобной, как дирижабль в небе, чудо, покоряющее мир, — и когда говорила, и когда молчала, и когда смотрела, и когда дышала, и когда двигалась, и когда просто возникала в поле зрения. Нужно ли говорить, что в неё до неменяемости были влюблены все парни со всех курсов, все будущие поэты, писатели, критики, профессора, менеджеры, редакторы, культурные атташе, журналисты, алкоголики — все, кого могу вспомнить, себя тоже не исключаю. Но нет, от этой неправдоподобности не осталось больше ничего, передо мной стоял кто-то, кого я вижу впервые и кого, как написал бы какой-нибудь графоман, я не узнал бы, встретить его на улице. Но это была не улица, а мой кабинет, и это был не кто-то, а Таня, про которую я иногда, случайно, хотя относительно редко, словно *она так хотела*, думал: где она теперь и что делает. И вот она была здесь, в шаге от меня, и выглядела так, как выглядела — не умопомрачительно, но и я тоже, по правде говоря, был не лучше.

— Садись, — сказал я, потому что она так и стояла. Она села на стул по другую сторону моего стола, там, где обычно сидят студенты и студентки во время экзамена. Мы попытались завязать чуть более душевный разговор, но не удавалось — ни мне, ни ей. Какие-то несвязные фразы об изменённых условиях учёбы, о нововведённых предметах, о супруге, который ждёт

её перед зданием университета, — они приехали в Белград за покупками к празднику, конечно, а зачем ещё — и она воспользовалась возможностью узнать, что ей нужно, чтобы после стольких лет наконец-то получить диплом. Нашего профессора мы больше ни разу не упомянули, хотя его фотография всё время наблюдала со стены за нашим разговором. На куске бумаги, исторгнутом из тетради, Таня моим карандашом записала названия нескольких книг и одного ей не известного экзамена. Потом опять послышалась тишина, слова упали на дно, на дно чего-то. Мы сидели молча минуту-другую, у меня было впечатление, что она хочет сказать мне что-то ещё, что-то связанное с предыдущим разговором, но я не настаивал. Она подождала, пока закончится эта минута, посмотрела на часы и улыбнулась. В одну долю секунды мне показалось, что это её прежняя улыбка, из-за которой всё на свете теряло значимость, но нет, мне только показалось, мне гораздо больше кажется, чем действительно происходит.

— Спасибо, — сказала она, вставая. — Мне пора, муж ждёт. Надеюсь, не сильно помешаю, если ещё пару раз обращусь за помощью, я очень долго не училась.

— Конечно, не стесняйся, мне это будет в удовольствие. Я был рад видеть тебя...

Я проводил её до двери. Посмотрел на часы. Было почти восемь, ещё несколько минут и придёт старый вахтёр предупредить нас, что скоро закрывает на ключ. На выходе из моего кабинета она ещё раз обернулась и сказала раньше, чем я успел попрощаться:

— Ты знаешь, ещё одна вещь...

— Да, я слушаю.

И у неё опять не получалось, пришлось повторить:

— Пожалуйста, Таня, говори.

— Ты знаешь, моя старшая дочь — твоя студентка. На самом деле я об этом пришла сказать. Моя учёба — давно прошедшее время.

— Действительно? Очень рад, не знал, — я сказал это, едва поборов тошноту от этих формальных, глупых фраз — вышло, будто я рад, что она прервала учёбу.

— Конечно, ты и не мог знать, у неё фамилия отчима

— Да, конечно, как бы я мог знать! Как её зовут?

— Не важно, это вообще не важно, я пришла только это тебе сказать, не важно, как её зовут.

— Могу ли чем-нибудь помочь?

— Конечно, я ради этого и пришла. Но не просить помочь ей с экзаменами — она отличный студент.

— Тогда... скажи как.

— Я знаю, что это нелепо, но ... она всё время твердит, что твои лекции замечательные, и что ты говоришь так, что у них дыхание перехватывает...

Я понял. И это было, в общем, всё от Тани, спустя двадцать два года. Достаточно — за целую жизнь.

А на улице вихрился карнавал.

Рильке был прав.

ПУБЛИЦИСТИКА

Иосиф БРЕНЕР

ЧСИР — печать с женским лицом

Памяти Надежды Либерберг посвящается

Мой старый товарищ Леонид Школьник (бывший биробиджанец, редактор интернет-журнала «Мы здесь, Иерусалим») никогда не звонит без причины. И в этот раз, увидев в Скайпе знакомое имя, я понял, что он сообщит что-то важное. Так и было. Взволнованно и торопливо Леонид сразу перешел к теме: «Вчера переслали письмо от Марата Носова из Москвы. Он прочитал у меня на сайте твои публикации о Либерберге. Оказывается его мать — Анна Носова, сидела в одном лагере с Надеждой Гольдштейн, женой расстрелянного Либерберга. Они были, как он пишет, подругами. Носов после войны был у них в гостях в Киеве и встречался с Надеждой. Тебе это интересно?».

Наверное, мало сказать, что это заинтересовало меня. В книге «Страна Биробиджан» семье Либерберг я посвятил первый рассказ, где были приведены воспоминания Ирины Новицкой о ее бабушке — Надежде, которая восемь лет провела за колючей проволокой в Акмолинском лагере. В дни празднования 80-летия ЕАО Ирина приезжала в Биробиджан и губернатор Александр Винников передал ей атрибуты почетного звания «Почетный житель Еврейской автономной области» — высшей награды области, присвоенной ее деду Иосифу Либербергу посмертно.

Ирина была еще ребенком, когда бабушка вернулась из лагеря, поэтому она не много могла поведать о событиях тех лет. Я понимал, что знакомство с Маратом Носовым может открыть еще одну страницу истории семьи Либерберг. Леонид сбросил мне адрес и через несколько минут я разговаривал по Скайпу с Маратом Ивановичем Носовым, которому 87 лет.

Взаимный обмен информацией был для нас обоих весьма полезным. Удивлениям не было предела, так как открывались новые подробности об уже известных нам событиях, которые подтверждали и раскрывали целый ряд фактов из истории семьи Либерберг, а также ввели в близкий круг этой семьи репрессированную по аналогичной политической статье Анну Носову и ее родных.

Марат Носов — ветеран войны и труда, в молодости был репрессирован, впоследствии реабилитирован, написал ряд статей и рассказов об истории своей семьи. В его опубликованных на сайте Проза.ру работах я нашел неизвестные мне подробности из жизни семьи Либерберг. М. Носов долгие годы искал родных Иосифа Либерберга, чтобы, как он написал в одном из своих писем, «...отдать должную благодарность смелой и благородной, удивительной судьбы женщине — Надежде Абрамовне Гольдштейн-Ли-

берберг». Приведенные ниже цитаты и выдержки из его опубликованных работ, личные комментарии, а также ответы на мои вопросы легли в основу этого рассказа, продолжающего повествование о семье Либерберг.

Драма и трагедия семьи Носовых оказалась очень схожей с историей семьи Либерберг. Глава семьи — Иван Носов, был хорошо известным в 1920—1930-х годах партийным руководителем, которого партия направляла на различные участки работы — в Воронеж, Пермь, Тверь, Крымский обком, Московский окружком, Ивановскую область. В августе 1937 года И. Носов был арестован и расстрелян как враг народа. Через два дня после его ареста была задержана его жена Анна и приговорена как член семьи изменника Родины к восьми годам исправительных лагерей. Она сидела в одном лагере и жила в бараке вместе с женой Либерберга — Надеждой.

Прах их мужей — Иосифа Либерберга и Ивана Носова — был захоронен в одной братской могиле № 1 на Донском кладбище в Москве, где покоится 4259 человек.

Детей Анны — Марата и Майю, которым было девять и семь лет, после ареста мамы сотрудники НКВД привезли ночью в московский Свято-Даниловский монастырь, специально переоборудованный в детский приёмник-распределитель. Их разместили, как и других детей репрессированных родителей, в отдельных бывших монашеских кельях — девочек и мальчиков отдельно. Майю, заболевшую скарлатиной, с высокой температурой сразу отвезли в больницу. За несколько недель в приёмнике-распределителе о ней забыли, чем воспользовалась сестра Анны, Варвара, которая забрала девочку в свою семью. В течение нескольких недель дети лишились отца, на долгие годы они потеряли связь с матерью. Государство и судьба-злодейка разлучили детей почти на десять лет, оборвав, после трагической смерти Варвары, последнюю ниточку надежды найти друг друга.

После разговора с Маратом Носовым мне удалось связаться с Ириной. Я пересказал ей подробности этой беседы. Эмоции переполняли Ирину. Она заново переживала события тех лет, вспоминая фамилии знакомых ей людей, встречи и разговоры. Конечно, речь зашла и о тех событиях, которые были связаны со встречей двух женщин, поневоле оказавшихся в одном месте на долгие годы. Судьба свела их, как и тысячи других женщин, получивших в простонародье какое-то африканское имя — АЛЖИРцы (Акмолинский лагерь жен изменников Родины), и уpekла туда на долгие годы, оторвав от семьи, детей, родных и близких.

Нахлынувшие воспоминания открыли в памяти Ирины Новицкой целые сцены событий прошлых лет. «...Я хорошо помню, — рассказывала мне она, — хотя была маленькой, небольшую комнату, которая представлялась мне в то время целым миром — 40 квадратных метров, заставленную какой-то старой мебелью. И в каждом закуточке жили мои родные: моя мама, папа, бабушка, ее сестра. Они проживали там нелегально, так как бабушке, после восьми лет лагерей, жить в Киеве запрещалось. Маме предоставили работу в Житомире и мы переехали туда с бабушкой. Только когда ее реабилитировали, она стала жить там на законном основании, а так — пряталась у друзей и знакомых.

В моей памяти остался рассказ мамы о поездке в Акмолинский лагерь на свидание к своей маме. Пока ехала в поезде ее ночью ограбили —

Тамара Либерберг.

Фото, отправленное дочерью маме в лагерь. Подпись на обратной стороне: Мамочка, а вот и я, снова. Несколько неудобно посажена, но в общем похожа. Худая из-за поворота головы (вытянувшаяся). Глаза закатила по приказанию фотографа. А в остальном тебе должно понравиться: ты сделала. Желала бы показать тебе оригинал. Целую, твоя дочь Тася. 6/VI 45. Фото из семейного архива И. Новицкой.

украли теплую обувь, пальто, личные вещи и посылку, что собрали. Дело было зимой, а в Казахстане зима очень холодная. Она приехала в лагерь почти раздетая, у нее только было ватное одеяло, которое бабушка сама сшила из кусочков тряпочек и она должна была передать его своей маме.

Это одеяло мне очень хорошо запомнилось, так как меня, когда я была маленькой, мама им укрывала. Тамара пошла на прием к начальнику лагеря С. В. Баринову в легкой курточке, которую ей дал кто-то из попутчиков, и объяснила, что везла передачу маме, которую украли, и осталось только одеяло. Он, узнав что случилось с ней в дороге, помог организовать жилье в соседнем поселке, покормил и дал свидание с мамой. Начальник лагеря был человеком необычным, учитывая его должность. Бабушка потом рассказывала нам, как по его инициативе отделили женщин, сидевших по этой политической статье, от остальных заключенных, сидевших по уголовным статьям. Когда в лагере открылась школа, мама там преподавала историю, немецкий язык. На ее уроки приходил и сам Баринов».

В воспоминаниях Ирины Новицкой и Марата Носова о Сергее Баринове, начальнике лагеря, где сидели их родные, я услышал много добрых слов. Его назначение в лагерь в январе 1939 года и отношение к заключенным, сидящим по этой статье, в тот период времени могли закончиться для него расстрелом. Действительно, история повествует нам почти легенду о его судьбе, работе, которая выходила за рамки предписанных отношений между начальником и заключенными. Его имя вспоминали, как оказалось, многие бывшие заключенные Акмолинского лагеря. Он стал для жен «изменников Родины», чьи мужья были расстреляны по приказу Сталина, наверное, единственным, к кому они могли в своем страшном горе обратиться с какой-либо просьбой.

Сергей Васильевич Баринов, или как его называли между собой «зечки» — «Валерьян Валерьянович», имея в виду в основе этого доброго прозвища простую валерьянку, еще в молодом возрасте получил высокий чин начальника управления НКВД Калининской области — генеральская должность. Ему прочили большую карьеру. Когда в 1937 году начались массовые репрессии, С. Баринов усомнился в правомерности творящегося беспредела с арестами и расправами над людьми. Он написал рапорт в Мо-

скву о том, что происходит страшная ошибка. Его чудом в то время не посадили и не расстреляли, но он был понижен в звании и отправлен в Казахстан начальником Акмолинского лагеря. Баринов вместе с супругой как могли облегчали участь невинных женщин, чьи мужья были расстреляны или посажены на долгие годы в лагеря. В те предвоенные годы в этот лагерь попадали и беременные женщины, и это тоже была для него проблема, которая с трудом, но решалась через Москву. Когда в бараках кто-то из сидевших женщин получал страшную весть о расстрелянном муже или умершем ребенке, начинался плач, переходящий в вой, который подхватывался в других бараках, охранники вызывали Баринова, так как они не могли их успокоить. Он шел к ним один и утешал как мог, объясняя рыдавшим женщинам, что все обойдется, скоро они возвратятся домой, в семью, к детям. Одна из эчек, в прошлом врач-педиатр, личный врач Фрунзе, подала Баринову идею устроить в лагере больницу и детсад. Разрешили. Так матери остались рядом с детьми. По его обращению в Москву было принято решение не считать малышей, рожденных в АЛЖИРе, «врагами народа»... Они вырастали, шли в школу и обучались в одних классах с детьми надзирателей.

Сергей Васильевич Баринов

Несколько лет назад Дарья Виолина и Сергей Павловский сняли документальный фильм «Мы будем жить», который рассказывает о страшной участи этих удивительных женщин. Дарья Виолина снимала фильм для собственной семьи, в память о бабушке, узнице АЛЖИРа. Она показала крупным планом в кадре и Сергея Баринова, который так и остался жить в Казахстане, в поселке, в невзрачном домике. Седой старик на экране тихо говорит: «Я никогда не веровал, что они — изменницы и супруги изменников. Никогда не веровал!». Бывший начальник АЛЖИРа спрашивает с экрана: «Как так случилось? Где была партия, где были люди? Почему никак не могли осознать?»

Примерно в 1989 году, когда началась вторая волна разоблачений тоталитарного режима, над Бариновым решили устроить трибунал чести. Он обратился за помощью к «своим эчкам». На его защиту поднялись все оставшиеся в живых узницы Акмолинского лагеря.

Теперь Акмолинск столица Казахстана, Астана. На месте бывшего лагеря создан Мемориал узницам АЛЖИРа. Президент Казахстана Н. Назарбаев на его открытии сказал: «Ни в какой стране мира не поступали настолько беспощадно с семьями противников режима, вся вина которых была только в том, что они честно служили тому режиму... Наши власти убивали собственный народ! Женщин и детей ссылали в голую степь, обрекая на го-

лод, заболевания, мучения, смерть только поэтому, что они — родственники ранее репрессированных».

Марат Носов мне рассказал, что ему дважды приходилось встречаться с Сергеем Бариновым. Первая встреча состоялась весной 1946 года. Марат только вернулся из Харбина, где закончилась его военная дорога. Поездка в Акмолинский лагерь на свидание к матери запечатлелась в его памяти на долгие годы. С некоторой горечью говорил он мне, что начальник лагеря принял его в небольшом кабинете административного здания, расположенного рядом с лагерем и отнесся к нему дружелюбно, но отказался дать свидание с матерью. Он сказал, что заготавливая камыш, мать серпом сильно порезала ногу и рана вызвала серьёзное осложнение — заражение крови. Баринов объяснил, что ее состояние в те дни было критическим — высокая температура, периодическая потеря сознания и считал, что ей ни в коем случае нельзя волноваться, пенициллин в лазарет он привез, и его уже начали колоть.

В рассказе «Свидание через дверную щель» из книги «Шаги по земле» М. Носов подробно описывает, с какими чувствами, почти на грани нервного срыва ему удалось увидеть свою мать через чуть приоткрытую в лазарете дверь.

Выйдя из зоны, Марат зашел к Баринову попрощаться. И здесь он получил еще один подарок судьбы. Начальник лагеря дал ему записку с адресом и сказал, что там, может быть, он найдет подругу мамы — Надежду Гольдштейн-Либберберг, которая уже освободилась из лагеря, и, возможно, у нее живет его сестра Майя.

Марат рассказывал мне: «... У меня перехватило дыхание от этой вестки, я не знал, что мне ответить Баринову. От волнения слезы побежали по щекам, я подошел к нему взял листок с адресом, крепко пожал ему руку, что-то прошептав про себя, и едва слышно выговорил «спасибо». Мы, как солдаты обнялись, я услышал, как колотилось мое сердце от эмоций, переполнявших мои чувства, — наконец, нашлась моя сестра.

— Все будет хорошо. Даст Б-г, выздоровеет твоя мать и встретишь ты свою сестру, — сказал мне Баринов на прощание.

— Я уже больше ничего не смог ему ответить, повернулся и вышел из кабинета. В тот же день я покинул этот страшный «АЛЖИР». Дальше мой путь лежал в Киев, куда я получил направление на учёбу в танковое техническое военное училище, но, пожалуй, главное для меня было — найти мою сестру, Майю».

Жизнь разлучила брата и сестру на долгие годы. Когда Марат и Майя стали старше они начали искать друг друга, и каждый из них предпринимал попытки разыскать свою маму. Марат рассказал мне, что только через год он узнал о поездке сестры в лагерь к маме. Весной 1945 года Майе пришло извещение, что мама осуждена и находится в Казахстане на 26-ой точке Карлага. Майя послала ей письмо и получила долгожданный ответ. После смерти Варвары у Майи близких родственников не осталось. Ей было тогда всего 15 лет, она одна поехала в столь дальний путь, к маме. Спустя почти восемь лет после разлуки дочь с матерью встретились в лагере. Марат ничего не знал об этой встрече, так как в то время он воевал на Дальнем Востоке, преследуя отступающие японские части.

Встреча с матерью в лагере, которую помог организовать Сергей Баринов, имела продолжение. Начальник лагеря помог Майе устроиться на квартире в рядом стоящем поселке, и она смогла ходить в школу, которая работала при лагере и встречаться с мамой. Тогда же мама познакомила ее со своей подругой — Надеждой Гольдштейн-Либберберг, которая преподавала в школе. Надя с Майей быстро подружились. Надежда предложила Анне отправить Майю к своей двоюродной сестре Таисии Дубицкой в Киев, где она смогла бы продолжить учебу в обычной школе.

Марат с некоторым напряжением в голосе говорил мне о событиях тех лет:

— К тому времени мама уже стала чувствовать себя плохо, ее поместили в лазарет, силы покидали ее. В лагерных условиях все могло закончиться скорым концом. Мать уже мысленно приготовилась к смерти, но она не хотела и не могла представить себе Майю на своих лагерных похоронах. Она боялась за ее жизнь, за ее судьбу и согласилась отправить ребенка к чужим ей людям в Киев.

За восемь лет лагерной жизни мама крепко подружилась с Надеждой. У них было много общего в прошлом раскладе жизни и на зоне они держались друг за друга все годы. Мама не могла не верить ей, отдавая свою дочь на воспитание. Надежда в день освобождения зашла проститься с мамой. Она видела, что состояние ее было тяжелым, медсестра сказала, что, наверное, Анна долго не протянет. К тому же по приговору суда ей «светило» еще десять лет поселения. Они понимали друг друга без слов. У мамы и сил уже не было, о чем-то просить. Надежда пообещала маме, что Майя будет ей как дочь и сдержала свое обещание. У Надежды Либберберг стало две дочери — Тамара и Майя, которые окончили школу, затем институты. Они подружились, и эта дружба продолжалась потом долгие годы, до самой смерти Майи.

Прощаясь, мама с Надеждой обнялись, понимая, что, может быть, уже больше никогда не увидятся. Перед отъездом из лагеря Надежда встретила с Сергеем Бариновым и оставила ему, на всякий случай, адрес своей сестры в Киеве, где, возможно, сама будет жить, несмотря на запрет. Надежда надеялась, что Баринов сможет помочь Анне Носовой выздороветь и дала ему адрес, по которому ее можно будет найти. Она доверяла ему, понимая также, что он, обреченный безмерной властью в те годы, оставался очень порядочным человеком и не сдаст ее органам НКВД.

Историю этой последней встречи бывшей зечки с Сергеем Бариновым Марат услышал от своей сестры и Надежды Гольдштейн-Либберберг и изложил ее в своем рассказе «Святая Надежда из «АЛЖИРа». Шаги по земле»: «...Надежда Абрамовна, я теперь для вас не «гражданин начальник», а просто «товарищ». Можете называть меня по имени и отчеству, — начал разговор Баринов.

— Первое. Я прошу вас принять от меня покаяние за сверхчеловеческие страдания, которые пришлось перенести вам в руководимом мной лагере. Поверьте, в этом нет моей личной вины.

Второе. Восхищен вашей стойкостью, отношением к своим подругам и, особенно, к их детям, которых вы обучали в школе, созданной при вашем активном содействии в условиях лагерной жизни.

И последнее. По требованию действующего закона, лицам, освобожденным из нашего лагеря, запрещено жить в 39 городах, таких как:

Майя Носова.

Фото из семейного архива И. Новицкой.

Москва, Ленинград, Киев и другие. В справке «Об освобождении», по которой вы будете получать паспорт, должен быть проставлен штамп «39», который переносится и в паспорт. Мной дана команда в вашей справке этот штамп не проставлять.

Надежде Гольдштейн, возвратившейся на старое местожительство — в Киев, не помог «подарок» Баринова: бюрократический заслон не позволил воспользоваться им. Но она осталась жить в Киеве и содержать свою дочь Тамару и Майю, как обещала подруге по лагерю Анне Носовой».

В первый день нашего долгого общения по Скайпу Марат Носов поведал мне и о встрече с сестрой. Это произошло в Киеве в начале лета 1946 года.

«Все в тот день было удивительным, — вспоминал Марат Носов. — Доехав по указанному адресу, — на улицу Пушкинскую, я стал оглядываться по сторонам, не зная, где расположен дом № 41. И тут рядом со мной остановилась девушка лет двадцати, пристально

рассматривая меня. Мне захотелось почему-то у нее спросить в какой стороне улицы этот дом.

— Пойдёмте со мной, я вас провожу, — ответила она и тут же добавила: «А вас звать, наверное, Марат, и вы идёте в наш дом к Гольдштейнам, к моей маме и своей сестре Майе? — вдруг заявила она.

Я удивился и словно остолбенел, стал сам внимательно ее разглядывать, не понимая, что происходит.

— Вы всё правильно сказали, но откуда вам известно, кто я, куда и к кому иду, если вас я вижу в первый раз, а о своих намерениях никому не говорил? — сгорая от любопытства, спросил я.

Чуть покраснев, моя случайная встречная объяснила:

— В вашей телеграмме всё сказано: кто вы, зачем едете в Киев, даже была дата и время приезда, а ваша военная форма, возраст и некоторая схожесть со своей сестрой, и, наконец, номер дома, о котором вы спросили, — подсказало, что вы и есть Марат, которого мы ждем. А наша встреча на улице — это просто совпадение, — сказала она и, протянув мне руку, добавила, — давайте знакомиться, — Тамара, но в семье меня зовут Тасей: так проще.

Моему удивлению не было предела, и я восхищенно сказал ей: «Вы уникальная девушка, и я очень рад с вами познакомиться».

Дверь нам открыла мама Таси — Надежда Абрамовна Гольдштейн-Либерберг. Как мне потом стало известно, она была вдовой Иосифа Либербер-

га — государственного и политического деятеля, учёного, первого руководителя Еврейской автономной области на Дальнем Востоке России — Биробиджана. Её муж подвергся клевете, репрессиям и расстрелу в 1937 году.

На вид Надежде Абрамовне было не более пятидесяти. Лагерная жизнь наложила свой отпечаток на ее лицо, но добрые материнские глаза продолжали излучать красоту той молодой женщины, какой она была запечатлена на фотографии с мужем, десятилетней давности, висевшей на стене. Обняв меня как родного сына, Надежда Абрамовна подозвала к нам мою сестру Майю. Она стояла в стороне, недоверчиво рассматривая меня. Чувствовалось, что она не может совместить детские воспоминания о брате и стоящего перед ней молодого человека в гимнастерке с медалями.

Надежда Гольдштейн-Либберберг
с Майей и своей внучкой Ириной, 1956 г.
Фото из семейного архива И. Новицкой.

— Маечка, детка моя, подойди сюда: это твой братик, Марат, приехал к нам, чтобы встретиться с тобой и со всеми нами.

Она взяла Майю за руку и подвела ко мне.

Мы обнялись и прижались щеками друг к другу.

Оцепенение с моей сестры стало спадать, она уже внутренне поняла, что я и есть ее родной брат, начала рассматривать и трогать руками медали на моей гимнастерке.

— Дети, пора обедать, прошу всех к столу, — объявила хозяйка. Мы вошли в небольшую комнату и сели за обеденный стол, на котором стояла немецкая трофейная кастрюля с жидким супом из пшённой крупы.

«Крупинка за крупинкой бегают с дубинкой», — мелькнула мысль в моей голове, и я сразу осознал, в какой бедности первых послевоенных лет живёт эта семья.

Рядом с кастрюлей стояла хлебница с четырьмя тоненькими ломтиками хлеба: ровно по количеству людей, сидевших за столом. Здесь же на большой тарелке с красивой старинной росписью лежала варёная картошка, тоже по количеству едоков.

Надежда Абрамовна разлила всем суп и, глядя на меня почему-то, глубоко вздохнула, потом взяла кусочек хлеба из хлебницы и положила рядом с моей тарелкой.

Еще по дороге Тася рассказала мне, что её маме жить в Киеве, после отбытия срока заключения, запрещено. Они нелегально, без прописки, проживали в квартире её двоюродной сестры. На работу устроиться по своей специальности учительницей мама не может, хлебных и продуктовых карточек ей не дают, — поведала мне девушка о проблемах семьи.

Я смотрел на стол и сидевших вокруг него людей, и у меня словно что-то словно защемило в душе. Отодвинув от себя тарелку с супом, я встал и вышел из комнаты в коридор.

— Марат, ты куда собрался, тебе не понравился наш обед, ты уже уходишь? — спросила хозяйка, поспешив за мной.

— Что Вы, Надежда Абрамовна, — я обнял её как свою мать и прикоснулся рукой к её волосам, подернутой сединой.

— Тут у меня в вещмешке есть продзапас: получил, когда приехал в Киев. Хорошее дополнение к нашему обеду будет. Я стал доставать свой сухой паёк — буханку ржаного хлеба, две банки мясных консервов, копчёного леща и пачку кускового сахара.

Когда все это разместилось на столе, Надежда Абрамовна долго смотрела то на стол, то на меня, её глаза стали влажными. Она достала платочек и аккуратно вытерла уголки глаз.

— Марат, дорогой, извини меня. Мы не можем принять твой паёк, — повторила она несколько раз, покачивая головой. Я спокойно достал из кармана гимнастерки несколько десятков продовольственных талонов, полученных вперед на два грядущих месяца, убеждая ее, что мне одному этих талонов вполне хватит.

— Она встала, подошла ко мне и обняла по-матерински ласково, чуть прижав к себе, погладила по голове, отчего у меня мурашки побежали по телу. Почти десять лет материнские руки не прикасались ко мне.

— Большое спасибо тебе, сынок, — сказала она тихо, — наш дом для тебя всегда открыт.

— После шикарного по тем временам обеда мы остались в той же комнате, где обедали, и я услышал историю юности моей сестры, услышал про обретенную любовь и заботу в семье Надежды Гольдштейн, которая взяла на воспитание Майю, думая, что ее мать не выживет. Но моя мать не умерла, она выжила всем смертям назло».

Марат Носов рассказал мне также и о второй встрече с Бариновым — в Москве, в конце семидесятых годов. В один из дней мама спросила Марата, не хочет ли он сходить с ней на встречу к своей знакомой, где будет Сергей Баринов. Так он случайно оказался в одной московской квартире, где собрались шесть женщин, бывших узниц АЛЖИРа и его бывший начальник. Они долго сидели в тот вечер за столом, вспоминая годы репрессий.

Еще не раз после тридцать седьмого года власть в нашей стране, используя насквозь лживые обвинения в инакомыслии, навешивала ярлыки — космополиты, пятая колонна, — сажая и расстреливая невинных людей. Марат чувствовал, что память прошлого — словно тяжелый груз давила на бывшего начальника Карлага. Баринов знал, читая личные дела заключенных, имена, фамилии, биографии многих прекрасных и невинных узниц АЛЖИРа. Они попадали в лагерь по одной статье, у них не было возможности что-то изменить в судьбе. Они были великомученицами, которых еще при жизни надо было причислить к лику святых! Почему церковь не встала на их защиту, почему эти женщины, отверженные властью и скрепленные сталинской печатью ЧСИР, должны были пройти через этот ад? Почему не звучат фамилии и имена мужей и жен, репрессированных государством, в списках праведников, зачитываемых на великие

праздники Православных мучеников и в Йом Кипур? Нет ответов у меня на эти вопросы, как и не было их много лет назад у Сергея Барина, одного из бывших служителей власти.

Я надеюсь и верю, что как сказано в книге Притчей Соломоновых: «Память праведника пребудет благословенна, а имя нечестивых омерзет» (гл. 10.7).

Надежда Гольдштейн-Либерберг, уезжая с зоны, пообещала своей умиравшей подруге Анне Носовой, что заберет к себе в семью ее дочь Майю. Б-г в этот раз увидел страдающую невинную душу, он вдохнул в Анну жизнь, и она выздоровела, ступив, было одной ногой через порог смерти.

Спустя почти восемнадцать лет (страшно даже подумать!) Анна вышла из заключения и встретилась со своими детьми. Последующая реабилитация не вернула ей потерянной жизни, в которой не было мужа, материнской любви к детям. Марат Носов на всю жизнь запомнил святую женщину, ставшую его сестре второй матерью, он сохранил в памяти прошлую жизнь, где добро всегда побеждало зло. Мудрый Царь Соломон знал смысл и цену слов: «Праведность возвышает народ, а беззаконие — бесчестие народов». (гл. 14.34.)

Люблю тебя, Биробиджан!

Первое мое открытие Биробиджана состоялось три года тому назад по причине научной добросовестности. Собрался я туда вопреки советам «знающих» людей, а иногда и дружеским насмешкам в адрес данной территории, якобы сохранившейся случайно или по административному недоразумению. Конечно, все оказалось не так, и мнения «знающих» были решительно опровергнуты. В результате моего дальнего путешествия от «берегов Невы» до берегов Амура у меня появился очерк «Путешествие в Дальневосточный Тель-Авив», который я считаю, естественно, одним из самых значительных из всего мной написанного. Не буду вдаваться в подробности, но много лет занимаясь четырехтысячелетней еврейской историей, я часто прихожу к мысли, что не удаётся, даже если того желаешь, оставаться материалистом и атеистом. Осознаёшь важность и поучительность идеи великого русского философа В. С. Соловьева о том, что «Проходя через всю историю человечества, от самого его начала и до наших дней (чего нельзя сказать ни об одной другой нации), еврейство представляет собой как бы ось всемирной истории»^{*}.

Особенно с этой проблемой сталкиваешься при изучении еврейской цивилизации на территории исторической России в широком смысле, то есть территории Российской Империи или даже Советского Союза. Происходившие за 2000 лет на этом пространстве «ураганы истории» так или иначе связаны с этой «осью истории» и даже невидимо оставляют свои следы самым неожиданным образом. Правда, тут требуется незыблемое условие — надо проникнуться искренним чувством восприятия и осознания хода истории мировой.

Такое чувство неожиданно охватывает меня каждый раз с новой силой при посещении Биробиджана — столицы Еврейской автономной области. Мой первый очерк о Биробиджане был вызван желанием рассказать об интересной и удивительной области нашей страны. Поэтому писать его было сравнительно просто и даже легко и приятно. Однако рассказать о переполнявших меня чувствах в третьем путешествии в Биробиджан требует поэтического дара, которым я не обладаю.

Для понимания проблемы приведу мнение великого немецко-еврейского философа-неокантианца Германа Когена, который при развитии философской системы Канта высказал глубокую идею о том, что мысль порождает не только форму, но и содержание познания.

Когда я участвовал в мероприятиях, приуроченных к 80-летию ЕАО, наблюдал ликование его жителей по случаю праздника, внимал радостным возгласам «Люблю тебя, Биробиджан!», меня постоянно охватывало восторженное чувство осознания одного из явлений величия сущности «оси мировой истории», как его понимал Соловьев.

Но, конечно, без этого чувства формально прав другой поэт Николай Проппирный в своем выразительном стихотворении (отмечу, что для меня Биробиджан вообще очень поэтичен):

* В. С. Соловьев. Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии. 1886 г.

Биробиджан

Не горный лев, но гордый царь тайги
Украсил местный герб. Не Иордана
Поток ленивый — две других реки
Определили путь Биробиджана

Евреи здесь не в большинстве, зато
Воспеты в бронзе — конно и со скрипкой
И черных досок идиш золотой
Читает классик бронзовый с улыбкой.
Здесь производят хлебное вино
Еврейская семья — молва отчасти
Права. Но, право слово, не грешно
Выпаивать народ «Еврейским счастьем»!

Проект не задался, но город жив!
А вместе с ним название и миф!*

Конечно, поэт с «земной» точки зрения прав, грустно иронизируя над оставшимися в настоящее время «еврейскими» символами в современной столице Еврейской автономной области. Но всё же стоит обратить внимание на завершающее слово «миф». Если обратиться к философскому толкованию этого понятия, означающее по-гречески *mythos* — «предание, сказание, слово», то сегодня оно понимается как способ мышления. «*Миф* — есть воспоминание о мистическом событии, космическом таинстве» (Вячеслав Иванов). Присутствие мифа обнаруживается на высших этапах культурного развития; признано, что образно-мифологическая форма изложения того, что открывается в духовном опыте человека, имеет ряд преимуществ перед рационально философской**. Говоря обобщенно, можно полагать, что миф лежит в основе массовых явлений, прежде всего религиозных систем, государств как и других массовых движений. Очень характерно наблюдение русского философа В. В. Розанова: «... без сказок не растёт человек, и далее, «сказка» только означает «всем и всегда рассказываемое», «всем и всегда занимательное», что слушающие принимают с доверием и чего рассказывающие не умеют доказать. Но в сказке и столь «мифической», относящейся к бытию каждого человека, выражается то, чего и слушателям, и рассказчикам хочется, т. е. сказка передает мечту и веру...»***.

С точки зрения понимания такого подхода осознаёшь значение «мифологии», лежащей в основе создания города Биробиджана, «который жив, а вместе с ним название и *Миф*». Исторические судьбы сложились таким образом, что с землёй будущей исторической России у массы еврейства сложились глубокие связи еще до отделения от иудаизма первых христиан. Появившись в греческих городах-колониях Северного Причерноморья, Крыма и Северного Кавказа, иудаизм стал распространяться среди различных окрестных племен и народов. В качестве удивительного свидетельства этого

* Альманах «Биробиджан». Биробиджан. 2012. № 1 (9). С. 53.

** Л. И. Василенко. Краткий религиозно-философский словарь. М. 2000. С. 117–118.

*** В.В. Розанов. Юдаизм. Собр. соч. М.-СПб. 2009. Т. 27. С. 50.

можно указать открытие археологами при раскопке античного города Фанагории (ок. г. Тамани) первой на территории современной России синагоги, датируемой 16 г. н. э (!). Именно этот город Фанагория через несколько веков стал впоследствии важным городом Хазарской державы, раскинувшейся между Днепром и Волгой. В Хазарии религиозная система иудаизма была принята в качестве государственной религии. Со временем иудаизм стал распространяться среди славян, многочисленных подданных хазарского кагана (царя). Даже князю Владимиру, правителю древнерусского государства, утвердившегося на землях, ранее подвластных Хазарии, «при выборе веры» предлагалось принять иудаизм. Великий князь выбрал православную веру по примеру Византии. Однако источники подтверждают, что и в городах Древней Руси продолжали существовать славяноязычные иудейские общины. Благодаря их духовной активности в Древней Руси появляются переводы иудейской литературы на древнерусский язык, минуя язык-посредник.

К XVIII в. небольшое княжество Московское превратилось в Российскую империю. Пределы империи уже включали не только земли Руси Киевской, но распространились от Балтийского моря до Тихого океана и от Ледовитого океана до Турции, Персии и самого Китая.

Для достаточно многочисленного еврейского населения Восточной Европы это означало возвращение в тот русский мир, который существовал в прежней Киевской Руси. Правда к XVI в. принесенный из Германии разговорный еврейско-немецкий язык (идиш) становится общеупотребительным языком еврейских общин от Познани до Смоленска. Тем не менее, разрыв с прежним древнерусским прошлым не был окончательным. Чем дальше на восток, тем больше идиш насыщен славянскими лингвистическими элементами, особенно, когда речь идет об именах, тем паче женских.

Важное и существенное новшество — при Екатерине II официальное наименование представителей народа «еврей» заменяет прежнее «жид». Хотя изначально последнее название происходило от итальянского наименования «джудео» — иудей, но в России оно приобрело уже отрицательный характер.

Конечно, нет оснований изображать жизнь еврейского сообщества под властью Российских императоров в радужных красках. Случалось всякое, но постепенно оно втягивается в жизнь русского общества и русской культуры. Отметим только, что 9 декабря 1804 г. император Александр I подписал «Положение об устройстве Евреев».

Надо сразу отметить, что в Документе содержались поразительные для того времени положения. Приведем только некоторые из них:

О просвещении:

1. Все дети Евреев могут быть принимаемы и обучаемы, без всякого различия от других детей, во всех Российских народных Училищах, Гимназиях и Университетах.

2. Никто из детей Еврейских, быв в Училище во время его воспитания, не должен быть ни под каким видом отвлекаем от своей религии, ни принуждаем учиться тому, что ей противно и даже несогласно с нею быть может...

IV ... Никто не может притеснять, ни даже беспокоить их в отправлении веры и в общей гражданской жизни ни словом, ни делом; жалобы их на обиды, какого бы рода они ни были, принимаются в Присутственных местах и удовлетворяются во всей строгости законов, вообще для всех подданных Российских установленных...»*

Более того, надо указать, что в отличие от других европейских государств евреи признавались подданными государства, а не просто лично покровительствуемыми теми или иными правителями или вельможами.

Нелишне также отметить, что именно в правление Александра I появляются *прообразы будущего советского ОЗЕТА и при инициативе и поддержке правительства появляются еврейские сельскохозяйственные колонии на землях недавно отвоеванной Новороссии – предшественники основания Биробиджана и ЕАО.*

Укажем также, что еврейское население западной России активно поддерживали в ходе Первой отечественной войны русские войска, заслужив милостивую оценку Императора. Более того: с этой войны формируется понятие и самосознание «русские евреи». Введенная императором Николаем I натуральная воинская повинность на еврейских подданных империи привела к появлению в самых отдаленных частях империи, даже за Уралом, солдат-евреев как в гарнизонах, так и отслуживших свой 25-летний срок.

Тем не менее, в России существовали унижительные и порой оскорбительные дискриминационные меры, направленные против еврейских (точнее, иудейских) подданных, не пожелавших изменить своей религии. Главной из этих мер было запрещение проживать вне городов, городков и местечек так называемой «черты оседлости евреев» (в основном, Польша, Литва, Белоруссия, Украина), что приводило к невероятной скученности и бедности большинства жителей. Однако при этом они должны были исправно платить налоги и отбывать воинскую повинность наряду другими подданными империи.

Частично переломным моментом может служить время отмены крепостного права в 1861 году и период Великих реформ в России. Благодетельные реформы в отношении еврейского населения следовали одна за другой. Был отменен насильственный рекрутский набор еврейских детей в кантонисты, и на евреев была распространена воинская повинность на общих принципах для всего населения. В 1859 и 1861 гг. право повсеместного проживания было предоставлено купцам 1-й гильдии, их семьям и служащим. Вскоре это право было распространено на обладателей дипломов о высшем образовании, фармацевтов, фельдшеров и акушеров, а также на многих квалифицированных ремесленников. Но самым главным было распространение у евреев осознанного чувства принадлежности к русскому государству и стремление приобщиться к русской культуре. Известный еврейский общественный деятель Г. Б. Слиозберг в мемуарах уже в эмиграции писал об этих настроениях так: «В российской государственной жизни мы, евреи по национальности, не составляли чужеродного элемента, так как в России уживались многие национальности, объединенные в русской государственности без попыток поглощения всех прочих со стороны господствующей национальности. Русификаторские стремле-

* Евреи в современном мире. Т. II. М. 2006. С. 146 – 148)

ния, так же как антисемитизм, были уделом официальных кругов. Русские же либеральные круги никогда не посягали на национальную культуру отдельных народностей. Нам не трудно было совместить еврейскую национальность с признанием себя русскими гражданами, приобщенными, кроме нашей собственной культуры, и к культуре общерусской. Культурные интересы России отнюдь не сталкивались с культурными интересами еврейства. Одна культура как бы дополняла другую, и мы свободно могли исповедовать убеждение в том, что еврейская культура может послужить на пользу культуры общечеловеческой, а, следовательно, и русской. Мы сознавали, с другой стороны, что и русская культура может во многом послужить нашей, еврейской. Между этими двумя культурами не было антагонизма; одна другую не исключала. В бытовых отношениях культурный еврей и культурный русский легко сходились, и между ними сглаживались национальные и вероисповедные различия. Официальный антисемитизм, тяготевший над еврейством, не только не был помехой для сближения культурных частей русских и евреев, а напротив, служил поводом для большего сближения. В либеральных кругах евреи встречали сочувствие уже по одному тому, что и либеральная Россия было стеснена российской реакцией, этим источником антисемитизма*.

В начале XX века численность евреев в Российской империи составляла 5—6 миллионов человек. Благодаря послаблениям в ходе «великих реформ» Александра II, около 300 тысяч евреев, сохранивших верность вере предков, проживали и вне «черты оседлости». Более того, в конце XIX века произошло широкое приобщение еврейской молодежи к русской культуре, что привело к становлению русско-еврейской интеллигенции, ставшей частью интеллигенции русской. В императорской России, где большинство населения было бесправно, евреи принимали участие в общероссийском освободительном движении. К тому же это участие было настолько активным, что «по данным различных съездов, они составляли от одной четверти до одной трети организаторского слоя всех революционных партий»**.

Все вышесказанное сформировало значительную часть предыстории ранее указанного *Мифа*. Но, конечно, решающее значение в этом процессе имело великое событие, потрясшее прежний не только всероссийский, но и мировой порядок. Это было крушение в 1917 г. Российской империи и возникновение великого Советского Союза. Об историческом значении такого хода истории уместно привести важную мысль В. Г. Белинского:

«История есть фактическое жизненное развитие общей (абсолютной) идеи в форме политических обществ. Сущность истории составляет только разумно необходимое, которое связано с прошедшим, и в настоящем заключает свое будущее. *Содержание истории есть общее: судьбы человечества.* Как история народа не есть история миллионов отдельных лиц его составляющих, *но только история некоторого числа лиц*, в которых выразились дух и судьба народа, точно так же и человечество не есть собрание народов всего земного мира, но только нескольких народов, *выражающих собою идею человечества*»***.

* Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней. Париж. 1934. Т. 3. С. 302.

** Покровский М. Н. Русская история в самом кратком изложении. М. 1967. С. 336.

*** В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. М. 1954. Т. V. Деяния Петра Великого, мудро го преобразователя России. С. 95.

Таким народом, выражающим собою идею человечества в XX в., был понимаемый в широком смысле российский, русский народ. Воздействие идеалов Великой Октябрьской Социалистической Революции на мир хорошо известно и не поддается нечестным клеветническим спекуляциям по поводу действительно трагических бедствий народных, происходивших в XX в. Говоря точнее, главные события этого века — Социалистическая революция и Победа в Великой Отечественной войне в полной мере отразились и в родословной Биробиджана. К сожалению, мир устроен так, что самые прекрасные идеалы в принципе недостижимы, хотя бы потому, что тогда они перестают быть идеалами. Но они не перестают быть путеводными звездами и со временем составляют содержание прекрасного восточного Мифа.

Надо указать, что победа Красной Армии физически спасла еврейской население от бесчинств и массового истребления со стороны противников Советской власти уже в ходе Гражданской войны. Но более того, Советское правительство в ходе реализации своей национальной политики старалось предоставить евреям, как и каждой национальной общности России, возможность создать свой «национальный очаг» для сохранения и развития национальной культуры. Но надо сказать, что и после отмены прежней дискриминации евреев в середине 1920-х годов резко обострилась социальная проблема. Поскольку еврейское «местечко» постепенно утрачивало существовавшие до революции бывшие посреднические функции между городом и деревней, то это приводило к массовой безработице его жителей, особенно сильной (до 90 %) среди молодежи. В важном исследовании А. Г. Долгатова отмечается, что «практически 25 % местечкового населения вынуждены существовать за счет посылок из Америки от родственников, всяческих благотворительных фондов»*. Для решения возникших проблем партийно-государственные органы в условиях массовой индустриализации предприняли ряд эффективных мер по борьбе с еврейской безработицей. Были выделены дополнительные средства для обучения новым специальностям и повышения квалификации еврейских трудящихся с целью последующего вовлечения их в трудовые коллективы крупных промышленных предприятий и в учебные центры. Наряду с этим принимались меры для устройства трудящихся евреев на земле. В этом контексте Биробиджанский проект был самым важным, поскольку предполагалось, что он одновременно станет центром развития культуры на языке идиш.

В результате переселенческой деятельности в этой приамурской полосе Дальневосточного края в 1928 г. возникает Биро-Биджанский национальный район, а 18 декабря 1934 г. первый съезд Советов Еврейской автономной области оформил создание Еврейской автономной области как самостоятельной административной единицы. Показательно, что первым председателем Облисполкома ЕАО был избран также ученый — профессор Иосиф Израилевич Либерберг, глава Института еврейской пролетарской культуры в Киеве, общественный деятель и энтузиаст создания автономной области.

* А. Г. Долгатов. Правительственная политика по отношению к этноконфессиональным меньшинствам. «Еврейский вопрос» в жизни советского общества (окт. 1917 — начало 1930-х годов)» СПб. 2002. С. 109.

Нет возможности распространяться здесь о радостях, невыразимых трудностях и близких к безудержной фантазии замыслах приверженцев этого проекта. Кое-что получилось, но нередко кончалось и трагически, отражая радости, победы, трагедии и беды всей страны. Вместе с евреями в создании Еврейской автономной области приняли активное участие русские и представители многих других национальностей. Но очень важно, что эта область была уникальна в части отсутствия национальных и религиозных конфликтов, а межнациональные браки приняли самый широкий характер.

Однако все вышесказанное также во многом определяет содержание указанного выше «*Мифа*». Но все же меня не оставляет мысль, что после создания Еврейской автономной области в 1934 г. до начала Великой Отечественной войны оставалось целых семь лет. Зная, что произошло в западных областях и республиках страны, безумно сожалеешь о том, что тысячи или может быть даже десятки и сотни тысяч евреев могли спастись от мучительной смерти от рук гитлеровцев, уехав заранее даже в весьма некомфортные тогда условия в Еврейской автономной области.

Но началась Великая Отечественная война, и все было подчинено одному: «Всё для фронта, всё для победы». На фронт ушли 11 тысяч жителей Еврейской автономной области разных национальностей. Из них 7 тысяч погибли или пропали без вести. Двое — Иосиф Бумагин и Алексей Сосновский повторили подвиг Александра Матросова. Сержант-разведчик Владимир Пеллер был полным кавалером ордена Славы, а в Сталинграде кроме знаменитого «дома Павлова» защитникам города был ведом и «дом Пеллера». А сержант Пётр Кагыкин был в числе тех, кто установил одно из красных знамен над Рейхстагом — на скульптурной группе «Графиня Рундотт». Знали бы Гитлер и другие ярые нацисты, что это делает солдат из Еврейской автономии! Тогда удивительным образом неразрывно слились судьбы России и упомянутой выше «исторической оси» еврейской истории. Точнее говоря, без Победы России-СССР вся эта история, несомненно, могла и закончиться!

Позвольте привести ещё одну стихотворную цитату из подлинно прощеского произведения Ицика Фефера, созданного в 1943 году:

(перевод с идиша)

...Во мне звучат одновременно
Два непохожих языка,
И зов Бар-Кохбы вдохновенный,
И натиск русского штыка,
Благословенный Мойхер-Сфорим
И тишина ржаных полей,
И левитановские зори:
Я — сын Советов, я — еврей!..

...Мой дух несётся над снегами
Среди окопов и траншей,
Моя судьба в бою с врагами
Стучится в сердце: я — еврей!

Пусть Гитлер мне могилу роет –
Но я его переживу,
И сказка сбудется со мною
Под красным флагом наяву!
Я буду пахарем победы
И кузнецом судьбы своей,
И на могиле людоеда
Ещё станцую! Я – еврей!

Это своего рода героическая вершина и сущность того, что составляет кульминацию эпоса о Биробиджане, Еврейской автономии и завершение становления того самого *Мифа*, от которого нельзя отказаться, не потеряв самого себя. Таким я понимаю этот *Миф* и искренне жалею, что не мне Всевышний даровал счастья быть автором прекрасных стихотворений, которые отражают это проявление движения и хода «оси мировой истории».

P. S. В моём родном городе проживает примерно 5 миллионов человек и среди них евреев достаточно заметное количество. Люди разные, но за всю свою долгую жизнь ничего плохого в смысле антисемитских настроений я не могу вспомнить. Вместе с тем должен отметить, что употребление самого слова «еврей» в обществе не принято. За этим нет, как правило, ничего негативного, но оно негласно существует. Осмелюсь предположить, что оно как бы несколько или табуировано, или секуляризировано (не берусь судить). Но вот этого чувства я полностью не заметил в Биробиджане!

Меер Альбертон

Революционные перемены в России дали евреям равные со всеми остальными народами политические и гражданские права. Но в то же время, подорвав основы еврейского традиционного экономического уклада, они привели к тому, что произошло полное переустройство городского и местечкового быта. Руководитель образованного в январе 1918 года и ставшего проводником большевистского влияния на еврейскую бедноту Еврейского комиссариата в составе Народного комиссариата по делам национальностей С. Диманштейн говорил в 1922 году на совещании в ЦК ВКП(б): «От революции в большинстве своем евреи даже проиграли, а не выиграли... Пятнадцать — двадцать процентов улучшили свое положение после революции, тридцать процентов осталось в том же положении и у пятидесяти процентов положение ухудшилось...». Значительная часть евреев в поисках работы была вынуждена покинуть еврейские местечки. Но и в крупных городах царил безработица.

Одним из направлений деятельности Кремля в первые годы после Октября стала выдвинутая программа «реконструкции социального состава еврейского населения СССР». В жестких рамках коммунистической идеологии подразумевалось активное приобщение еврейства к производительному — в первую очередь физическому — труду, способному «исцелить от поразившего его в прошлом социального недуга буржуазности» (массовое вовлечение в финансово-торговую сферу, мелкий бизнес и т.п.).

Идеалом такого труда для руководства коммунистической партии было участие в крупном промышленном производстве, то есть осуществление так называемой пролетаризации массы еврейского мелкого мещанства, состоящей из торговцев, ремесленников, кустарей, бывших служащих. Однако в связи с тем, что крупное промышленное производство после Гражданской войны было полностью парализовано, единственным реальным способом «трудового перевоспитания» евреев стало их аграризация, переориентация на сельскохозяйственную деятельность. Началось первоначально стихийное, без каких-либо директив сверху, затем организованное, широкое приобщение евреев (абсолютное большинство которых проживало в городах и местечках) к земледельческому труду, превращению их из «деклассированного класса» в часть «трудового народа Страны Советов».

Воплощение идеи «посадить евреев на землю» должно было быть обеспечено за счет создания национальных сельскохозяйственных регионов, куда предстояло переселить еврейскую местечковую бедноту. Первоначально эта работа велась в Белоруссии, в Крыму и на юге Украины, но в силу различных обстоятельств она не выполнялась. И тогда была рассмотрена возможность организованного переселения евреев на Дальний Восток. В 1927 году еврейской переселенческой организацией КОМЗЕТ (Комитет по земельному устройству трудящихся евреев) при Всесоюзном исполнительном комитете была направлена экспедиция аграриев под руководством профессора Б. Л. Брука, а в ее составе были мелиораторы, ботаники, экономисты.

В августе того года участники экспедиции проделали почти героическую работу, обследовав в течение полутора месяцев полевых работ площадь в 1 млн. гектаров и установив, что исследованная ею территория так называемого Бирско-Биджанского района, расположенная недалеко от железной дороги, пригодная для землепользования, отвечает предъявленным требованиям для создания здесь государственно-территориального образования евреев.

Постановлением Президиума ЦИК СССР от 28 марта 1928 г. было удовлетворено ходатайство КОМЗЕТА о закреплении за ним свободных земель Дальневосточного края «для нужд сплошного заселения трудящимися евреями свободной земли». Началось массовое переселение евреев на приамурские земли. При этом постановление предусматривало «возможность образования на территории района еврейской национальной — административно-территориальной единицы».

И в самое короткое время не обозначенный ранее ни на одной карте Биро-Биджанский район стал достоянием отечественной и зарубежной еврейской и нееврейской общественности.

В нынешнем номере альманаха «Биробиджан» мы обращаемся к книге путевых очерков Меера Альбертона «Биро-Биджан», рассказывающей о первых еврейских переселенцах, поменявших европейскую часть Советского Союза на этот дальневосточный регион — «близкий и любимый», как его называли в песне того времени.

М. Альбертон отправился в Биробиджан в 1928 году с первой партией переселенцев. И уже в 1930 году в Государственном издательстве вышли его путевые заметки «Биро-Биджан», которыми он вписал свое имя в число первых представителей новой еврейской литературы.

В своей книге Альбертон показывает тех, кто ехал строить новую жизнь на Дальний Восток. Читатель имеет возможность познакомиться с имеющейся в областной государственной библиотеке имени Шолом-Алейхема книгой очерков Меера Альбертона «Биро-Биджан», изданной в 1930 году на украинском языке. Представляем отрывок из этой книги — очерк «Тихонькая — Бирфельд» (перевод с украинского языка выполнила Виктория Демихова).

АМУРЦЫ

Мятежная «Чайка»: семь дней свободы

Начавшаяся в 1929 г. коллективизация вызвала в стране волну крестьянского возмущения, нередко перераставшего в вооруженные выступления. В целом по стране только в 1929—1930 гг. около 2712 тыс. крестьян участвовали в 14760 групповых и массовых выступлениях, 176 из которых носили повстанческий характер. Некоторые из них пришлось подавлять с помощью регулярных войск ОГПУ и Красной Армии.

В сельскохозяйственных районах Дальневосточного края крестьянские восстания начались осенью 1929 г. и продолжались до середины 1932 г. Они возникали стихийно и имели ярко выраженный антикоммунистический, антиправительственный характер. Как правило, их инициаторами становились бывшие красные партизаны и середняки, которых активно поддерживали бедняки и батраки, выступавшие под лозунгами: «За Советскую власть без коммунистов», «За хлеб, против голода и коммуны», «Защитим крестьянские права от давления Советской власти» и др. В восстаниях участвовало почти 3200 человек. Их жертвами стали более 40 человек убитыми и 8 тяжело ранеными. Восстания жестоко подавили, при этом около 160 мятежников было убито и более 100 ранено. Большинство арестованных и явившихся с повинной повстанцев репрессировали (в том числе расстреляли), а их семьи выселили в отдаленные местности.

Историки называют 11 восстаний, произошедших в этот период на Дальнем Востоке: 1929 г. — Тыргетуйское — в Читинском округе; 1930 г. — Малегинское и Переднебыркинское — в Читинском округе, Удычинское (Сретенское) и Чернышевское — в Сретенском округе, Ундино-Талангуйское — в Сретенском и Читинском округах, Сианское (Зейское) — в Зейском округе; 1931 г. — Александрово-Заводское — в Читинском округе и Уровское — в Сретенском округе; 1932 г. — восстание в Агинском аймаке в Забайкалье и Улунгинское — во Владивостокском округе Приморья.

Историческое исследование еще одного вооруженного выступления 1930 г. — Самарского крестьянского восстания в Екатерино-Никольском районе Амурского округа Дальневосточного края — до сих пор не предпринималось. Материалы архивного уголовного дела № 1451 на «Сараевскую контрреволюционную казачью повстанческую организацию» проливают свет на малоизвестную страницу истории.

Начало этой кровавой драмы восходит к периоду гражданской войны на Дальнем Востоке, когда в 1918 г. часть амурского казачества выступила на стороне белых и повела борьбу с отрядами Красной гвардии и красных партизан. На территории Екатерино-Никольского станичного округа против красных действовал отряд есаула Сараева В. В. численностью до нескольких сот человек, а в селе Пузино был создан так называемый Штаб военного совета белых. В его состав входили Куликов Ф. Д., Сараев Г. И., Дутов А. П., Богомяков И. О. и другие. Курсировавшие по Амуру пароходы красных периодически обстреливались казаками. Однажды в районе станицы Екате-

рино-Никольской они захватили пароход «Лев Троцкий» (бывший «Барон Корф»), сняли с него вооружение, боеприпасы и ценности, высадили на берег большевичку-корейнку, которую вскоре расстреляли.

Когда осенью 1918 г. Советская власть в Хабаровске пала, красногвардейцы на пароходах спешно эвакуировались в Благовещенск. При прохождении мимо Михайло-Семеновской и Екатерино-Никольской станиц пароходы вновь были обстреляны казаками, в результате чего красные понесли заметные потери. Организатором одного из таких обстрелов был станичный атаман Сараев Г. И., возглавивший отряд более чем из 20 казаков. В 1963 г. это подтвердили старожилы с. Пузино. Вспоминая о тех событиях, Кибирев Г. А. рассказывал, что «... в 1918 году около с. Ек.-Никольского действительно были обстреляны пароходы красных. Подробностей этого я не помню. Помнится только, что для участия в этом обстреле ездил и часть жителей из нашего села, но кто конкретно ездил туда, я сказать не могу, забыл...».

Белокрылова А. Д. дополнила: «... В 1918 году около села Екатерино-Никольского были обстреляны пароходы красных. Из нашего села тоже там были, но кто конкретно там был, я не помню. Людей туда направляли по распоряжению станичного атамана, кто тогда им был, я не помню. Часть из посланных людей вернулись еще с дороги в Екатерино-Никольское, а часть попрятались куда-то, а затем вернулись в село...».

Чмутин Е. П. уточнил, что «... в 1918 году при обстреле пароходов красных около с. Ек.-Никольского все они, кроме Богомяковой А. А. (Белокрылов А. К., Богомяков И. О., Богомяков Н. А., Бондаренко И. В., Бондаренко Н. В., Дутов А. П., Дутов И. П., Дутов Т. С., Кайгородов В. Ф., Калинин В. К., Калинин И. К., Калинин Н. К., Калинин Р. К., Кибирев Г. И., Кибирев П. И., Кибирев С. Р., Кибирев Ф. А., Куликов Ф. Д., Лалетин А. К., Лалетин И. К., Лунин М. Р., Лунин Ф. Т., Паздников Н. Г., Паздников Ф. Е., Пермяков И. П., Сараев Г. И., Филиппов И. М., Чупров А. Н., Шишкин Ф. П., Щебенков П. П. — прим. автора), во главе с Сараевым Г. И. выезжали туда, но все ли они туда доехали, и кто из них какое участие принимал в этом деле, я не знаю. В селе Пузино тоже готовились тогда к этому обстрелу, рыли окопы, но кто собирал население для этой работы — я не помню...».

Более подробно вспоминал Ядрищенский Т. С.: «... В 1918 году действительно был обстрел пароходов красных в селе Ек.-Никольском. Я тогда вместе с дедушкой был в Амурзете на Амуре, дедушка был фонарщиком. Принимали ли эти лица участие в обстреле пароходов, я не знаю. В нашем селе тоже готовились к обстрелу, сгоняли население рыть окопы на берегу Амура. Сараев Григорий Иванович был тогда станичным атаманом и организовывал рытье окопов. Он ходил по селу и заставлял людей идти рыть окопы. Был он и в Ек.-Никольском при обстреле. Видел я на берегу также и Лалетина А. К., но какое участие он принимал в этом деле, я не знаю. <...> Когда мы с дедушкой были в то время в Амурзете, то в Ек.-Никольское проезжала группа жителей с. Пузино верхами на конях, человек 20. Группа, человек 7–8 из них, подъехала к нам, мы тогда чистили фонарь, а остальные были в стороне. Во главе их был Сараев Г. И. Он сказал дедушке, чтобы он не зажигал фонарей, так как скоро будут идти пароходы красных, и мы будем их обстреливать в Ек.-Никольском. Пусть, мол, сядут на мели. Но дедушка не согласился и зажег фонари после их отъезда. В этой группе, кроме Сарае-

ва Г. И., были: Богомяков Н. А., Дутов Т. С., Куликов Ф. Д., Паздников Ф. Е., Паздников Н. Г. и Лалетин А. К. Остальных же я не знаю, так как было уже темно, а они стояли в стороне, и я их рассмотреть не мог. Все они уехали в сторону Ек.-Никольского...».

В числе участников обстрела Ядрищенский назвал Паздникова Ф. Е., но сам Филипп Егорович, осужденный в 1930 г. на 5 лет ИТЛ по делу «сараевцев», при повторном допросе в 1963 г. о своем участии в обстреле красных пароходов предпочел умолчать: «... В 1918 году, в период отступления красных партизан из Хабаровска вверх по Амуру, некоторые жители села Пузино, в том числе <...> Сараев Григорий — бывший белый атаман, Дутов Андрей, Дутов Иван, Куликов Федор, Лунин Михаил, Лалетин Андрей, Лалетин Иван, Дутов Тихон, Кибирев Степан, Кибирев Филипп, Калинин Никифор, Пермяков Иван, Паздников Николай — мой брат, Филиппов Иван, Чупров Алексей, Шишкин Федор, Бондаренко Николай — все бывшие фронтовики, выезжали из села Пузино в село Екатерино-Никольское, где участвовали в обстреле пароходов с красными партизанами. В результате обстрела одна баржа с партизанами была подорвана. О том, что эти лица участвовали в обстреле пароходов, я знаю лично, т. к. в момент их выезда из села Пузино в Екатерино-Никольское я находился во дворе дома и всех их видел выезжавшими из села на конях с оружием...».

С поражением в гражданской войне часть казаков эмигрировала в Маньчжурию и обосновалась за Амуром в поселке Восемь балаганов, что почти напротив села Благословенного (сейчас это китайский городок Чжаосиньчжень). Но на протяжении еще нескольких лет белоказачьи отряды выходили на советскую территорию, пользуясь определенным сочувствием и поддержкой со стороны местного населения. Например, известно о рейдах 1926–1927 гг. в Екатерино-Никольский район отряда Арестовулова численностью 35 человек и отряда из 18 человек под командованием полковника Карлова (Илькова).

После победы большевиков в гражданской войне «карающий меч революции» обрушился на головы тех, кто не принял Октябрьского переворота и с оружием в руках боролся с узурпаторами власти. В 1927 г. в нескольких селах Екатерино-Никольского района органы ОГПУ провели «операцию по изъятию контрреволюционных элементов» в с. Пузино арестовали Дутова К. С., Кибирева Н. П., Баранова М. П., Ядрищенского М., Паздникова П. Е., Богомякова Г. Д. Часть из них расстреляли, остальных выслали в отдаленные районы. Спасаясь от репрессий, бывший казачий урядник Лалетин С. И., бывший медфельдшер казачьего полка Дутов И. С. и казаки Паздников П. М., Воронов и Чмутин бежали на китайскую сторону в поселок Восемь балаганов, где к тому времени сформировалось небольшое землячество пузиновских казаков-эмигрантов.

Поступавшие в дальневосточное полпредство ОГПУ агентурно-оперативные материалы свидетельствовали о том, что концентрация беглых казаков в приграничье не осталась без внимания руководителей белоэмигрантских организаций в Маньчжурии, в частности генералов Сахарова и Сычева. В Харбине решили этим воспользоваться для создания с позиций Восьми балаганов антисоветской повстанческой организации и подготовки вооруженного мятежа в Екатерино-Никольском районе. Координацию

этой работы возложили на бывшего руководителя белого движения 1918–1919 гг. Сараева В. В., а непосредственно в Восьми балаганах – на Лалетина С. И. и Дутова И. С.

Для достижения этих целей у белой эмиграции имелись реальные предпосылки, поскольку еще в начале 1928 г. агентура ОГПУ доносила о наличии в Екатерино-Никольском районе разрозненных, организационно не оформленных групп бывших казаков, недовольных Советской властью. А к середине года Лалетин и Дутов якобы уже наладили связь с несколькими «надежными казаками» на советской стороне, и с их помощью приступили к организации повстанчества в районе. Этому способствовала и слабая охрана госграницы, в силу чего местное население беспрепятственно посещало китайскую территорию для приобретения товаров и продуктов. Но и после закрытия границы в 1928–1929 гг. люди продолжали ходить на противоположный берег Амура по специальным пропускам пограничников. Посещая поселок Восемь балаганов, некоторые пузиновцы с подачи Лалетина С. И. и Дутова И. С. даже подписывали некий «протокол» о поддержке повстанческого движения.

По мнению чекистов, к началу 1929 г. с позиций Восьми балаганов белоэмигрантам удалось создать в селе Пузино контрреволюционную повстанческую организацию с филиалами-ячейками в селах Екатерино-Никольском, Самаре, Венцелево, Биджане, Квашнино и Михайло-Семеновском. Организация готовилась к восстанию, проводя нелегальные собрания, в том числе с участием эмиссаров из-за рубежа, распространяя листовки и контрреволюционную литературу, муссируя «провокационные» слухи о предстоящей войне.

Здесь следует отметить, что с 1925 г. противостояние между СССР и мукденским провинциальным правительством маршала Чжан Цзолина из-за контроля над Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД) привело к тому, что к середине 1929 г. назрел полномасштабный советско-китайский вооруженный конфликт. Реваншистски настроенная многотысячная белая эмиграция в Маньчжурии пыталась использовать складывающуюся обстановку в своих целях. В июне 1929 г. харбинский «куратор» повстанцев Сараев В. В. совершил по Сунгари и Амуру «инспекционную» поездку из Харбина в Сахалин (Хэйхэ) с посещением поселка Восемь балаганов. Там он проинструктировал Лалетина и Дутова о непосредственной подготовке к восстанию, приуроченному к началу боевых действий между СССР и Китаем.

К этому времени концентрация советских и китайских войск в приграничье существенно увеличилась. При поддержке китайских пограничников на границе участились провокации и боестолкновения с участием белоэмигрантских вооруженных формирований. Например, 12 августа 1929 г. с китайской стороны было совершено нападение на погранзаставу Благословенная. Одновременно с этим в районе китайского погранпоста Восемь балаганов отряд (10 человек) под командованием Дутова и Паздникова переправился через Амур на советскую территорию в районе с. Пузино, но натолкнулся на засаду советских пограничников. На лодках, отстреливаясь, белые отступили на сопредельную территорию. На помощь советским пограничникам подоспела канонерская лодка Амурской военной флотилии

«Ленин» из Екатерино-Никольского. Подойдя к посту Восемь балаганов, ее командир потребовал выдачи нарушителей, но в ответ китайцы открыли огонь. После этого с «Ленина» при поддержке артиллерии и 2 гидропланов на китайский берег был высажен десант. На следующий день к Восемь балаганам вновь подошли мониторы «Ленин», «Свердлов» и несколько бронекатеров, высадив на китайский берег 76-й полк. Малочисленные силы китайских пограничников и белоэмигрантов отступили вглубь своей территории, а советский десант преследовал их на протяжении 8 км, взяв в плен 1 китайского солдата. После этого белоэмигрантский поселок Восемь балаганов фактически прекратил свое существование.

Осенью 1929 г. начались полномасштабные боевые действия, и в период с 12 октября по 20 ноября в ходе Сунгарийской, Фугдинской и Маньчжуро-Чжалайнорской наступательных операций Красная Армия показала более высокую боеспособность. 22 декабря 1929 г. вооруженный конфликт завершился подписанием Хабаровского протокола, по которому КВЖД вновь признавалась совместным советско-китайским предприятием.

На протяжении всего советско-китайского конфликта из-за КВЖД никакие вооруженные провокации и боестолкновения на границе не смогли заставить бывших казаков Екатерино-Никольского станичного округа вновь взяться за оружие и выступить против Советской власти. В этот период каких-либо антисоветских проявлений с их стороны зафиксировано не было. Данное обстоятельство вызывает обоснованные сомнения в реальности существования в Екатерино-Никольском районе «повстанческой организации» в том виде, как она преподносится в материалах уголовного дела. Эти выводы основаны на анализе архивных документов, свидетельствующих о беззастенчивой компиляции материалов следствия и агентурных сведений, бесчестном и непрофессиональном смещении правды и домыслов. Чего только стоит, например, описание «организационного оформления» повстанческой организации в селе Пузино, изображенное чекистами по образу и подобию своих партийно-комсомольских собраний!

Так, в ночь на 21 июня 1928 г. в кустарнике за огородом Дутова И. П. тайно собрались около 30 казаков на первое «учредительное» собрание. В своем «докладе» Дутов Т. С. разъяснил цели организации, а «содокладчики» Куликов Ф. Д., Богомяков И. О. и Кибирев П. И. говорили о необходимости вооруженного сопротивления Советской власти, разоряющей крестьянство. После коротких прений все согласились такую организацию в селе «учредить», считая ее головной по отношению к аналогичным ячейкам на территории Екатерино-Никольского района. Руководителем и ответственным за связь с закордоном избрали Куликова Ф. Д., заместителями — Сараева Г. И. и Лалетина А. К., секретарем — Богомякова И. О., уполномоченными по вербовке в окрестных селах новых членов организации — Лалетина И. К., Дутова Т. С. и Кибирева И. Р. Протокол первого собрания якобы не велся, но впоследствии секретарь должен был все протоколировать и даже вести списки повстанцев. Удивительно, как еще «членские взносы» не решили собирать!?

А вот то, что действительно не вызывает никаких сомнений — это неприятие крестьянством политики коммунистов на селе. К концу 1920-х годов «социалистическое переустройство сельского хозяйства» обернулось репрессивно-карательной политикой, усилением налогового бремени, об-

нищением деревни, насильственным созданием колхозов и раскулачиванием середняков, произволом местных партийных чиновников. Все это привело к повсеместному крестьянскому возмущению, зачастую перераставшему в вооруженные восстания.

В конце 1929 г., на фоне конфликта на КВЖД и начавшейся в стране коллективизации, Полномочное представительство ОГПУ СССР по Дальневосточному краю решило ликвидировать «угрозу» казачьего повстанчества в Среднем Приамурье. С этой целью возникло дело о полумифической «Сараевской контрреволюционной казачьей повстанческой организации», названной чекистами по фамилии ее харбинского «куратора» — бывшего казачьего есаула из Екатерино-Никольского Сараева В.В. В Екатерино-Никольском районе провели повальные аресты. С 7 февраля по 15 марта 1930 г. по обвинению в повстанчестве в селах района арестовали 72 человека. В райисполкоме составлялись обширные списки «кулаков», подлежащих выселению вместе с семьями в отдаленные местности. Именно в это время на волне протеста против насильственной коллективизации, раскулачивания, массовых выселений и арестов вспыхивает Самарский вооруженный мятеж.

17 марта 1930 года в селе Самара во время ареста Попова В.Т. несколько казаков обстреляли милиционера и освободили односельчанина из-под стражи. Затем в доме председателя сельсовета забрали трехлинейную винтовку и, вскочив на лошадей, ушли в тайгу, затянув за околицей казачью песню.

В двадцати верстах от села, на сопке Осиновой у истоков рек Осиновка и Листвянка, беглецы стали лагерем, дав своему отряду романтическое название «Чайка». Отчаянных повстанцев было всего 14... В течение семи дней мятежники укрывались в тайге, ожидая поддержки односельчан и крестьян из окрестных сел. Но не дождалось. Сочиняли воззвания и листовки, пытаясь сформулировать причины, цели и лозунги восстания, но распространить их не успели. В одной из листовок под заголовком «Обращение к рабочим и крестьянам» Попов В. Т. писал: «Время пришло, настала пора подумать о жизни существования человечества, голод создали, жизнь враждебна, коммунистическая партия ликуется крестьянскими крохами и пьет как жадный паук кровь трудового народа. Смело и гордо встает голодный народ на борьбу с произволом, карательством, арестами, отбиранием имущества ярко доказывает — восстать против коммунистического террора. Верные рабочие и крестьяне пошли на путь таежных полян дать верный протест произволу. Вас ждет отряд партизан на горных долинах, мужайтесь, крепитесь, вливайтесь в ряды, Вас ждут верные борцы крестьянских партизан в ближних горах. Да здравствует крестьянский рабочий и партизанский отряд против власти коммунистов».

Власти организовали розыск мятежников, и 22 марта их обнаружили выступавшие под видом охотников колхозные активисты из села Биджан. Они убедили казаков, что в Биджане тоже имеется повстанческая группа, и через несколько дней она прибудет на пасеку на реке Кулемной для соединения с самарцами. Разведав численный состав и вооружение мятежников — две «трехлинейки» и 12 «берданок» — биджанцы оставили неподалеку засаду и отправили гонца с донесением в сельсовет, а оттуда — на погранзаставу в Венцелово.

24 марта четыре пограничника, четыре бойца отряда самообороны и семь биджанских «охотников» во главе с начальником Венцелевской погран-заставы Когачевским устроили засаду на пасеке на реке Кулемной. Когда 25 марта мятежники покинули свой таежный лагерь и подошли к пасеке, они услышали крики: «Самарцы, стой! Сдавайтесь живыми!». В перестрелке шестеро повстанцев были убиты: Игнатов Н. И., Колобов П. А., Колобо П. А., Колобов П. Н., Пермьяков И. В. — второй, Пермьяков Ф. В. Захватили в плен Попова В. Т., а остальные бежали в тайгу. Среди пограничников потерь не было, за исключением... сбежавшей с испугу колхозной лошади! Через день после боя брат Попова В. Т. — Кирилл — вернулся в Самару и сдался властям, а остальные повстанцы ушли в Маньчжурию.

Плененного Попова В. Т. доставили в Венцелево и через день конвоировали в Благословенное. Согласно первому протоколу допроса, 30-летний Виктор Тимофеевич Попов происходил из амурских казаков, родился и вырос в селе Самара. Хлебороб-середняк, беспартийный, семейный, трое детей. Неожиданно для мятежника-антисоветчика, во время гражданской войны был партизаном-подпольщиком, позднее — членом Самарского сельского совета! Образование — четыре класса сельской школы, но достаточно развитый и начитанный, даже стихи писал.

На допросе он откровенно рассказал о причинах и целях восстания: «...Я не согласен с крестьянской политикой Советской власти. Кроме [того], я считаю, что Советской власти вовсе не существует. Во всем царит произвол, творимый коммунистической партией, сковавшей свое благополучие на разорении и эксплуатации крестьян. Партия насильственными способами отнимает от крестьян средства к существованию и свободному развитию своего хозяйства, отдавая все это в исключительное пользование правящему классу — рабочим, и ничего — крестьянам, которые лишены всех прав и возможностей в Советской России. Репрессии последних месяцев, применяемые к отдельным группам крестьянства, называемым правящей партией кулаками, зажиточными, я считаю актами террора, против которого крестьянство должно оказать сопротивление. По моему мнению, эти группы крестьянства, поскольку они приобретали свое хозяйство трудом, имеют равные права на существование со всеми остальными. <...> Между тем политика коммунистической партии навязывала крестьянству нежелательные ему формы, применяя для этого насильственные методы. С этим, я считал, необходимо было решительно бороться, крестьянство должно было показать себя как самостоятельный класс, интересы которого не совпадают с интересами диктаторов в Советском Союзе. Нужно было показать партии, что кр-во [крестьянство] представляет собою силу, с которой нужно считаться. Мои взгляды я не утаивал, и на общегражданских собраниях в селе Самара постоянно выступал, критикуя насильственную политику партии, высказывался против репрессивных мероприятий, как-то: доведение планов до двора, конфискации, выселения и т. п. В Самаре имелась группа людей, разделяющих мои взгляды, считавшая, что необходимо в крестьянских массах проводить известную пропагандистскую работу для поднятия активности массы и возбуждения сопротивления политике партии. <...> Все они также постоянно выступали на гражданских собраниях против мероприятий, проводимых партией. Никакой оформившейся организации у нас не было.

Каких-либо тайных собраний, посвященных вопросу о борьбе с компартией, ни у меня, ни у кого-либо другого не устраивалось. Лично у меня сложилось убеждение, что борьба эта должна выражаться в форме организованного протеста путем вынесения соответствующих резолюций и посылки их в центр. Свои политические убеждения я подробно изложил в нескольких прокламациях, написанных лично мною. <...> Партизанский отряд «Чайка» организовался совершенно случайно в связи с арестами, проводившимися в с. Самара...».

Всего в 1930 г. по уголовному делу на «сараевцев» было арестовано 94 человека. Поскольку следствие велось в Хабаровске, всех арестованных поместили в Дальневосточный краевой дом заключения. Когда 31 марта 1930 г. Попова В. Т. конвоировали в Хабаровск, он, видимо, хотел свести счеты с жизнью, инсценировав побег: недалеко от с. Благословенного с криком «Стреляйте!» бросился от дороги к лесу, но был ранен в ногу и задержан.

Не сумев добыть объективные доказательства вины ряда арестованных, на стадии предварительного следствия из-за отсутствия улик 22 человека освободили из-под стражи, в том числе брата Виктора Попова — 18-летнего Кирилла. В отношении пятерых материалы выделили в отдельное производство и осудили уже по другому делу. Один обвиняемый во время следствия умер. Остальные 66 «повстанцев» были осуждены, хотя 43 из них виновными себя ни в чем не признали, а 23 признали вину частично, категорически отрицая принадлежность к «повстанческой организации».

21 июля 1930 г. Тройка ПП ОГПУ по ДВК приговорила 53 человека к заключению в концлагерь на срок от 1 года до 10 лет, один получил год лишения свободы условно и один осужденный — ссылку сроком на 5 лет. В отношении трех человек уголовное преследование было прекращено из-за отсутствия состава преступления. К расстрелу приговорили 8 «сараевцев», в том числе Виктора Попова. В списке расстрелянных — Григорий Иванович Сараев из Пузино, последний дореволюционный станичный атаман Екатерино-Никольского станичного округа в 1913—1917 гг. Семьи 17 «сараевцев» общей численностью не менее 106 человек в 1930—1933 гг. в административном порядке были выселены на спецпоселение в отдаленные местности. В течение нескольких последующих лет 17 бывших «сараевцев» будут арестованы повторно, но уже по другим уголовным делам. Шестерых из них расстреляют, остальных отправят в лагерь или в ссылку.

Из числа бежавших после боя на реке Кулемной двоих мятежников — Колобова Н. Н. и Колобова Я. Н. — арестовали через год и в 1932 г. отправили в лагерь на 10 лет, откуда они уже не вернулись. Елина С. М. арестовали военные контрразведчики «Смерш» в 1945 г. в китайском городе Цзямусы. Его осудили на 15 лет лагерей. Судьба еще троих самарцев — Иванова А. А., Колобова М. М. и Пермякова И. В. — первого — до сих пор остается неизвестной.

Лишь спустя 33 года прокуратура Хабаровского края опротестовала осуждение «сараевцев», и решением Президиума Хабаровского краевого суда от 18 октября 1963 г. постановление Тройки ПП ОГПУ по ДВК от 21 июля 1930 г. было отменено, а уголовное дело производством прекращено в связи с отсутствием в действиях осужденных состава преступления, предусмотренного ст. 58-2 УК РСФСР. Все проходившие по делу лица были реабилитированы. Все, кроме Виктора Попова.

Дело районного масштаба

Еще не рассеялся пороховой дым после расстрелов 1930 года по делу Сараевской контрреволюционной казачьей повстанческой организации в Екатерино-Никольском районе, как в ОГПУ возникло новое масштабное дело — «Амурцы». На этот раз весной 1933 года «готовились восстать против Советской власти» казаки бывшего Михайло-Семеновского района.

К такому выводу пришел секретно-политический отдел полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю, и в целях предотвращения вооруженного захвата власти в приамурской полосе 240 жителей Биро-Биджанского района и г. Хабаровска были арестованы.

В ходе расследования уголовного дела № 478-1933 (П-90397) чекисты получили «неопровержимые» доказательства того, что на протяжении нескольких лет арестованные являлись членами контрреволюционной вредительско-повстанческой организации «Трудовая крестьянская партия» (ТКП). Она состояла из 12 ячеек в селениях Биро-Биджанского района: Михайло-Семеновском, Бабстово, Воскресеновке, Степаново, Головино, Надеждинском, Казанке, Лондоко, Катоне, Тихонькой, Усовом Балагане, Ауре, и семи ячеек — в городе Хабаровске. Повстанцами руководили Ерыгин Николай Иванович из с. Степаново, Шальгин Константин Максимович и Приезжих Григорий Андреевич из с. Михайло-Семеновского.

Из документов ОГПУ следует, что враждебная деятельность «амурцев» — в прошлом зажиточной части амурского казачества — заключается во вредительстве, диверсиях, терроре, шпионаже и подготовке к свержению Советской власти. Организация поддерживает нелегальную связь с белоэмигрантским Дальневосточным комитетом ТКП в Харбине и планирует поднять вооруженное восстание в тылу Красной Армии при военном вторжении Японии в СССР.

За восемь месяцев «следствия» шестеро обвиняемых умерли, одного освободили за недоказанностью обвинения, а остальные 233 человека предстали перед судом. Впрочем, суда как такового не было: 17 ноября 1933 г. тройка при ПП ОГПУ по ДВК в Хабаровске заочно приговорила 84 из них к расстрелу, 113 — к исправительно-трудовому лагерю от трех до десяти лет, семерым зачли в наказание срок предварительного заключения, 15 человек получили по три года ИТЛ условно и 14 отправили на спецпоселение. Решением Биро-Биджанского РИК не менее 137 членов семей осужденных тоже выселили и направили в «кулацкую ссылку».

На основе «показаний» обвиняемых следствие дополнительно вскрыло еще девять аналогичных «повстанческих групп» и выделило в отдельное производство материалы на 107 человек из Кукелево, Дежнево, Биджана, Лазарево, Успеновки, Желтого Яра, Ина Биро-Биджанского района, села Виноградовки Хабаровского района и прииска Александровского Селемджано-Буреинского района. Их арестуют и осудят позднее по другим уголовным делам.

После смерти Сталина в стране наметилось оздоровление морально-психологического климата, называемое «хрущевской оттепелью». Заметную роль в этом сыграл доклад Хрущева Н. С. на XX съезде КПСС в 1956 году. Тогда страна узнала о злоупотреблениях властью и репрессиях. Были осуждены либо уволены подручные бывшего министра внутренних дел Берия Л. П. и

сотрудники органов госбезопасности, скомпрометировавшие себя нарушениями законности. Тысячи репрессированных и членов их семей обращались в советско-партийные инстанции с требованиями отмены неправосудных приговоров. С подобным заявлением о реабилитации в апреле 1956 г. в прокуратуру Хабаровского края обратился Медведков И.Н., осужденный в 1933 г. и отбывший в Дальлаге десять лет на строительстве железнодорожной ветки Волочаевка-Комсомольск-на-Амуре. Это стало формальным поводом для пересмотра обоснованности осуждения всех 240 «амурцев».

Более двух лет заместитель начальника следственного отдела УКГБ при Совете Министров СССР по Хабаровскому краю капитан Черкасов проводил дополнительную проверку, исследовал архивные документы, по всей стране разыскивал и передопрашивал выживших осужденных и свидетелей, но так и не смог найти никаких доказательств существования в Биро-Биджанском районе и Хабаровске контрреволюционной повстанческой организации. 31 декабря 1958 г. он вынес заключение: дело «Амурцы» — плод чекистской фантазии и чудовищной фальсификации, а осуждение Ерыгина, Шалыгина, Приезжих, Медведкова и других — необоснованно.

Архивные материалы и захваченные в 1945 г. трофейные документы свидетельствовали о том, что в 1930-х гг. в Харбине действительно существовал Дальневосточный комитет ТКП во главе с белоэмигрантом Грачевым Г. П., но никаких данных о его подпольных ячейках в Биро-Биджанском районе или Хабаровске, а также о связях с кем-либо из «амурцев» не имелось. Правда, арестованный в 1946 г. Грачев говорил, что с 1931 г. в Хабаровске якобы существовала антисоветская организация ТКП во главе с Перминовым, который дважды нелегально приезжал в Харбин. Но это свидетельство Грачева проигнорировали, так как выяснилось, что сомнительная слава «легендарных» контрразведывательных операций 1920-х гг. «Грест» и «Синдикат» не давала покоя и дальневосточным чекистам: они по аналогии неоднократно засылали своих людей в Харбин с провокационными заданиями по внедрению в ДВ комитет ТКП.

Признавшие свою вину и отбывшие наказание в лагерях Бочкарев С. Г., Бочкарев Е. В., Чмутин В. И. и Баранов А. А. презрели опасность «откровений» и даже в 1959 г. не побоялись заявить о своих прежних антисоветских взглядах, но отвергали принадлежность к повстанческой организации и настаивали, что выводы о ее существовании сделаны не ими, а следователями ОГПУ. Еще несколько десятков бывших осужденных тоже аргументированно доказывали свою невиновность. Многие из них даже спустя 25 лет после приговора продолжали задаваться вопросом — за что же их осудили? Для следователя стало откровением и то, что большинство оставшихся в живых «амурцев» впервые в жизни слышали от него название организации — «Трудовая крестьянская партия», членами которой они якобы состояли на протяжении нескольких лет.

Доказательств шпионской деятельности со стороны осужденных тоже не обнаружилось. Несколько служебных командировок Приезжих Г. А. и Горбунова М. Ф. от Торгсина за границу и их встречи там с земляками-белоэмигрантами нельзя квалифицировать как шпионаж.

Следствие в 1933 г. не исследовало причины и обстоятельства пожара на базе Амурской военной флотилии в Хабаровске, уничтожившего склад оружия и военного снаряжения. Зимин А. П. и Петров Ф. П. свою причаст-

ность к поджогу не признали, и их обвинение в совершении «диверсионного акта» осталось недоказанным.

Отсутствовали доказательства вооруженного ограбления Амуро-Бирского маслосовхоза в январе 1933 года. Обвинение в этом Рахманина И. А., Шеина П. В., Чернова С. Г. и Карпачева К. В. тоже необоснованно, как и обвинение их в расстреле портретов советских вождей.

Факт убийства на границе в октябре 1932 г. помощника коменданта по СОЧ Михайло-Семеновского погранучастка Лебедева С. Н. действительно был, однако данных о его обстоятельствах, а главное — доказательств причастности к этому кого-то из осужденных, не имеется.

Является надуманным обвинение Чернова Г. Г. и Чернова В. Г. в том, что на почве классовой мести они терроризировали и избивали бедняка Мирошкина. Свидетели Марилловцев и Цыркунов доказали, что Мирошкина били за пьянство и плохое отношение к своей жене — родственнице Черновых.

Приобщенные к делу акты и справки по обследованию колхозов и лесоучастка на ст. Лондоко с изложением фактов плохого учета имущества и бесхозяйственности произвольно квалифицировано как вредительство и расхищение государственной и колхозной собственности со стороны Каспировича Л. И., Миронова Ф. И., Приезжих Л. С., Буркова Т. И. и других. Их обвинение и виновность в этом необоснованны и объективно ничем не доказаны.

Большинство «амурцев» необоснованно обвинили в том, что во время Гражданской войны они служили в колчаковской армии и белоказачьих отрядах. Однако никаких данных об их активной карательной деятельности против красных не обнаружилось. Да они и не должны были нести за это уголовную ответственность согласно амнистии, объявленной Постановлением Президиума ЦИК СССР от 2 ноября 1927 г.

В ходе дополнительной проверки также было установлено, что по делу «Амурцы» следователи ОГПУ грубо попирали законность: приобщали к делу фиктивные документы о социальном происхождении обвиняемых; допрашивали арестованных непрерывно по несколько суток; пользуясь их простодушием и безграмотностью, искажали и фальсифицировали протоколы допросов; добивались «признательных» показаний ложью, запугиванием, угрозами и провокациями, применяли к ним меры физического воздействия. Все это подтвердили бывшие осужденные Бочкарев С. Г., Чмутин В. И., Баранов А. А. и другие, а также их следователь — бывший работник ОГПУ Девизин И. Ф., уволенный из НКВД в 1941 г. за «недозволенные методы следствия» в 1937 — 1938 гг.

На этом основании прокуратура Хабаровского края осуждение «амурцев» опротестовала, а Президиум Хабаровского краевого суда постановлениями от 6 марта 1959 г. и от 23 сентября 1960 г. постановление тройки при ПП ОГПУ по ДВК от 17 ноября 1933 г. отменил и уголовное дело прекратил в связи с недоказанностью обвинений и отсутствием в действиях осужденных составов преступлений, предусмотренных ст. 58-2-7-8-9-10-11-12-13 УК РСФСР.

Да, спустя десятилетия справедливость восторжествовала — все «амурцы» были реабилитированы. Сегодня их очищенные от лжи имена занесены в областную Книгу памяти жертв политических репрессий. Вот только сотни изломанных человеческих судеб уже не исправить, а загубленные жизни — не воскресить...

Перевод с идиша Нины Гречаник

«Я идиш не учил, только вспоминал...»

Зиси Вейцман принимает окружающий мир с мальчишеским восторгом, светло и играючи. Он остался таким же мечтателем, фантазером, как в детстве. Поэтому в его стихах даже дождь всегда веселый.

Минувшим летом я был приглашен на встречу с группой студентов, изучающих идиш на летней программе им. Уриэля Вайнрайха* в Нью-Йорке. Во время беседы студентка, приехавшая из самого Китая, спросила на идише, почему нынешние еврейские литераторы, пишущие на этом языке, в большинстве своем — выходцы из Молдовы?

Вопрос действительно интересный, как говорится, на засыжку. Я отделался шуткой: мол, случилось это из-за чрезмерного употребления в данных местах бессарабского блюда — мамалыги.

Двумя неделями позже, читая только что вышедшую на идише книжку стихов «Веселый дождь»** моего земляка и друга Зиси Вейцмана, я вспомнил вопрос китайской идишистки. Ответ я нашел в двух строчках его стихотворения под названием «Мамэ-лошн» («Язык матери»):

Ин тэг ин зунике ун гройе, ви а монтик,
Х'ноб идиш нит гелэрнт, нор дэрмонт зих.

(В солнечные дни и серые, как понедельник,
Я идиш не учил — только вспоминал).

* Уриэль Вайнрайх (1926–1967) — известный американский лингвист, автор учебника по изучению идиша в университете, двойного словаря: идиш-английский, английский-идиш.

** Обложку книги «А фрейтэхэр рэгн» оформил художник Моше Гимейн. В свое время он был главным художником Камерного еврейского музыкального театра (КЕМТ), позже заведовал художественно-постановочной частью еврейского драматического ансамбля (впоследствии театр «Шалом», Москва). В 1989 году репатриировался в Израиль. Член международного союза художников International Association of Art. Возглавлял картинную галерею «Шац» в Иерусалиме, был художественным директором «Дервни художников» (Иерусалим). Основатель и директор организации «Три линии» (театр и другие проекты в области искусства). Лауреат премии «Олива Иерусалима»

Зиси старше меня на несколько лет. Из поколения, видевшего пламя войны лишь во сне, но постоянно чувствовавшего на себе его ожоги. Наше детство было окутано воспоминаниями и переживаниями родителей.

Я эту песню выдумал не сам.
Она сама нашла ко мне дорогу.
Был ветер. Он шатался по лесам
И как-то раз принес ее к порогу...
(Перевод Л. Школьника)

В большинстве случаев еврейская детвора той поры росла в двух плоскостях реальности: в школе и по радио мы слышали одну правду, а дома — совсем другую. Такая раздвоенность приводила нередко к человеческим трагедиям. Зиси привалило счастье — он рос в еврейской семье, в еврейской среде, как говорят нынче, национально глубоко мотивированным. Национальное самосознание поэта исходит от «волшебной маминой сказки» («мамэс цойбэрфулэр майсэ») и «отцовского напева» («татнс нэгинэ»), сформировавших его личность...

Далее я привожу кратко детали его биографии — столпа, на котором держится его поэтическая материя. Зиси Вейцман, как уже сказано, появился на свет в Молдове (тогдашней Советской Молдавии), в городе Бельцы, в 1946 году. Окончил военное строительно-инженерное училище. Долгие годы служил офицером на разных должностях в Советской Армии. Впервые его стихи появились в журнале «Советиш Геймланд» в 1971 году. Во время службы на Дальнем Востоке у него сложилась тесная связь с редакцией газеты «Биробиджанер штерн». В 1986 году его перевели в город Куйбышев (Самара). Там он активно участвовал в возникшем во время перестройки еврейском движении: редактировал русскоязычные издания «Тарбут» («Культура»), «Поволжскую еврейскую газету», «Офаким» («Горизонты»), руководил редакцией еврейского вещания многонациональной радиостанции «Радио-7 из Самары». В 1992 году издал сборник стихов «Лэхаим» в переводе на русский язык Леонида Школьника. С 2007 года живет в Израиле (г. Беэр-Шева).

Из его биографии мы видим, как две правды советской действительности удачным образом слились в Зиси Вейцмане — гражданине и поэте. С одной стороны, официальная правда сделала его советским офицером, верно служившим своему Отечеству; с другой стороны, «молчаливая правда» его родительского дома, еврейской среды не давала забыть хотя бы на минуту, кто он такой и откуда родом.

Собственно, детство и стало прочной основой, на которой Вейцман как еврейский поэт, возвел здание своего творчества. Детские впечатления — чистый источник для его образов и пейзажей. Поэтому его поэзия насыщена ценными еврейскими минералами.

Если ты скажешь: выбери лишь одно
Из того, что всего дороже тебе на свете,
Я отвечу: моя родина — штэтлэ Бельц,
Чьим должником мне вовеки быть суждено...

Автор принимает окружающий мир с мальчишеским восторгом, светло и играючи, как если бы смотрел на него из двора, в котором рос. Он и остался таким же мечтателем, фантазером на всю жизнь. Несмотря на тяготы армейских будней, Вейцман в своем творчестве почти избегает так называемой армейской романтики, столь популярной в Советском Союзе. Разве что обращается к дальневосточной природе: «Спокойнее, сосны и сопки, ша!/Лед идет на реке Селемджа...». Еврейское «ша» рифмуется с названием таежной реки Селемджа, которую так нарекли эвенки. Как сказал бы Ицик Мангер*: «Разве поэт виноват в том, что «еврейская изюминка» («дос пинтэ-лэ ид») так и прет из его стихов?».

И все-таки этот еврейский офицер и скиталец знает и чувствует, что его любовь к «дальним, но чужим местам» временна: «Пора, тайга, с тобой уже прощаться, /мой ласковый и дикий друг...». В поэтической жизни у Зиси только одна большая любовь — бессарабский еврейский очаг.

Очевидно, «бессарабство» — это наследственная болезнь. Она передается вместе с солнечной мамалыгой и стаканом терпкого вина, в котором смешались душистые запахи осенних полей, садов и прудов.

Пора, когда шуршат рыжие листья,
 Плоды висят, как золотые слитки,
 Прохладна, хоть и ясна осенняя погода,
 Падает под утро роса на траву и крыши...

Среди наших братьев-ашкеназов о бессарабских евреях ходила молва, что большой ученостью они не очень-то отличались. Да, наших дедов и отцов узнавали по широким натруженным затылкам и заскорузлым крестьянским рукам. Их язык бурлил грубоватой простотой и певучими открытыми вокалами, пляшущими ритмами. Они переняли эти свойства у своих соседей-молдаван, или как еще их называли — валахов, добавили в субботнюю халу и смешали с изюмом и миндалем — «рожинкес мит мандлэн».

Мы жили на старой бельцкой улочке —
 Сплошь белой от густой акации.
 Как легко мы тогда шутили,
 Как радостно тогда сверкал солнечный диск!
 ...Мама во дворе развешивает белье,
 ритмично бьется оно на ветру,
 парусом стремится стать простыня...
 Так моя память возвращается к истокам, началам.

«Возвращение памяти к истокам, началам», пожалуй, главная притягательная сила поэтической орбиты Зиси Вейцмана. Там, в детстве, находится его поэтический и нравственный камертон. Там «прочно стоит дерево, выросшее в землю своими корнями»; там, «как жареные зерна кукурузы, лопаются почки», и, конечно же, дождь там всегда веселый...

К сожалению, в последние годы все реже слышен чарующий бессарабский стих Зиси Вейцмана. Я с большим интересом читаю его статьи по-

* Ицик Мангер (1901 – 1969) — выдающийся еврейский поэт, писавший на идише.

русски. В них он рассказывает о литературных сокровищах, которыми владеет еврейский мир. Это важная и нелегкая миссия. Тем не менее я жду от Зиси новых стихов на идише, ведь это он сам признался в стихотворении «К читателю» («Цум лэйенэр»):

Мне сказали, что корни однажды
Дадут ростки там, где не ожидаешь...
Сколько мне в жизни суждено пройти верст,
Идиш будет освещать мой путь!..

Человек с талантом и нестыдной биографией*

С одной стороны, легко говорить о человеке, которого ты хорошо знаешь, а с другой — трудно. Непросто совсем «выключиться» и говорить о нём, как о постороннем.

Михаила Феофановича Асламова я знаю давно. В далёком 1977 году мы встретились с ним на семинаре молодых литераторов в Хабаровске. Худощавый, в строгом костюме, интеллигентный и, как потом выяснилось, добрый, улыбчивый, с хорошим чувством юмора.

Он автор многих поэтических сборников, награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», лауреат многих литературных премий, заслуженный работник культуры. Но всё же самое главное в нём то, что он всю свою жизнь был предан литературе и почитал служение ей главным своим делом. Служит он ей и сейчас. С 1987 года и по сей день Михаил Феофанович — председатель правления Хабаровского отделения Союза писателей России, работает по-прежнему с полной отдачей и пишет замечательные стихи, которые всё более лиричны, прозрачны и весомы.

Говорят, поэт — это судьба. Вся судьба поэта Асламова — в его стихах: жил, работал, переживал перемены в стране. Жизнь была его самой главной наукой. Как сказал о нём Марк Соболев, «поэт Асламов обладает двумя ценными качествами: талантом и биографией».

А началось всё с того, что отец поэта, забайкальский казак Феофан Фадеевич, снялся с родного места и покатился дальше на восток — то ли на море поглядеть, то ли в поисках лучшей доли. Ехал, теряя по дороге детей, но до моря доехать не успел: на станции Бира родился его сын Михаил, четырнадцатый ребёнок в семье.

Как-то так получилось, что маленькая станция Бира дала нам двух больших поэтов — Ольгу Ермолаеву и Михаила Асламова. Асламов — у нас, на Дальнем Востоке, Ермолаева — в Москве. Уже позже отец Михаила Феофановича осуществил свою мечту — поселился в посёлке Каменка Приморского края. Детство у Михаила было такое же, как у всех деревенских детей в многодетной семье, где доставалось много работы даже младшему.

Июль пьянящ, как медовуха,
И солнце спелое в зенит
Уже взбежало, а над ухом
Комар назойливо звенит.
Ногам и горячо и колко,
И словно угли на спине...
Нам с мамой некогда —
Прополка, —
И это так понятно мне.

* Впервые опубликовано в газете "Биробиджанская звезда", №71(17257), 1 октября 2014 г.

В трудовой книжке М. Ф. Асламова есть одна очень интересная запись, сделанная 9 мая 1943 года. Это первая запись о принятии его на работу. Было ему 13 лет, худощавый, маленького роста, и подросток с трудом дотягивался до токарного станка. Выручил Мишу завхоз, сколотил ему подмости.

Дети работали в тылу, а их отцы воевали. Воевал и старший брат Михаила, и его отец. Им и всем другим солдатам Великой Отечественной посвятил поэт свои строки:

Он ранен был
В трудных боях
За город Великие Луки.
А после в родные края
Вернулся уже одноруким.

После войны Асламов уезжает в Комсомольск-на Амуре, где учится в судостроительном техникуме и работает. Комсомольск-на-Амуре — город суровый, мастеровой, он никого не балует, тем более, город послевоенный. Но техникум Михаил Асламов окончил с отличием, чем гордится до сих пор. После учёбы он переехал в Хабаровск, работал на заводе. Ну а что же стихи? Писал он их с детства, но как-то считал это баловством. Однажды его друзья из литературного кружка послали его стихи в журнал «Юность». И одно стихотворение напечатали! В это время в Хабаровске жил приехавший из эмиграции маститый писатель Всеволод Иванов. Он первый заметил молодого поэта и на трёх страницах написал ему письмо. Так начался путь Асламова в литературу. Он стал публиковаться в журналах «Дальний Восток», «Наш современник», вышла первая книга... Очень высоко оценивали Михаила Феофановича писатели Виктор Астафьев, Сергей Наровчатов, Марк Соболев.

Стихи Михаила Феофановича очень просты внешне, это можно отметить сразу, но в них всегда есть мысль-находка, и непременно, почти всегда — улыбка. В 1967 году Асламов уезжает в Москву на два года для учёбы на Высших литературных курсах. В это же самое время учится в Литературном институте поэт Николай Рубцов, тогда ещё никем не признанный. Видно, поэт Михаил Асламов пришёлся по душе Рубцову, тот почти каждое утро тихонько стучался в дверь и приносил цветы маленькой дочке Асламова — Юлии. Иногда заходил и читал новые стихи. Михаил Феофанович, как и все молодые, не ощущал тогда трагедии Рубцова, но теперь вспоминает его со щемящей жалостью. Были у него встречи и с Твардовским, Астафьевым.

После учёбы Асламов возвращается в Хабаровск и работает в журнале «Дальний Восток», затем возглавляет Хабаровское отделение СП России.

Самое ценное в поэзии Михаила Феофановича то, что она полна доброты и любви к людям. Он пишет о человеке простом, который трудится, любит свои родные места, о человеке совестливом. Всё, что происходило в стране и со страной, нашло отражение в его стихах. Но ни пропагандистом, ни агитатором поэт не стал, именно потому что оставался всегда поэтом, глубоким лириком, потому что писал о людях именно с добротой и любовью.

Конечно, как и у всякого лирика, есть у Михаила Феофановича много стихов о любви, нежных и пронзительных...

Отвергну прошение
И жалость,
К чему нам всё это «кино».
Верни только
Самую малость,
Верни мне мгновенье одно.
Чтоб мог я опять
Среди ночи,
Проснувшись
В холодном поту,
Как будто бы всех
Одиночеств
С груди отрывая плиту, —
В последнем усилии воли
Нащупать, дыша горячо,
Твоё, дорогое до боли,
С тесёмочкой узкой плечо...

Всякий раз, бывая в Хабаровске, захожу в Дом литератора, чтобы познакомиться с человеком, чьё присутствие в моей жизни так значимо для меня...

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛАЙ. Родился в 1959 году в деревне Матан Аба-Тибетского автономного округа провинции Сычуань. В 1979 году с отличием окончил педагогический институт уезда Маркан, устроился учителем в начальную школу одной из деревень. В 1982 году опубликовал своё первое произведение — стихотворение «Взмахи крыльев души». В 1984 году поступил на работу в издательство «Новая поляна» при управлении культуры Аба-Тибетского автономного округа. Автор сборника стихов «Река-матушка Сомо» и сборника рассказов «Кровавые следы прошлых лет». В 1994 году за 8 месяцев Алай написал роман «Пыль улеглась» (в переводе на английский язык он вышел под названием «Red Poppies» — «Красные маки»). В 2001 году этот роман получил литературную премию имени Маодуня. Роман был переведён на 16 языков. В 1996 году устроился на работу в чэндуское издательство «Мир науки», где позднее стал его главным редактором. В 1999 году участвовал в экспедиции в Тибет, организованной народным издательством провинции Юньнань, после чего написал роман «Таинственный Тибет». В 2007 году стал членом сычуаньского союза писателей.

Меер Иосифович АЛЬБЕРТОН. Родился в 1900 году в Бершадь Подольской губернии, выпускник Днепропетровского горного института. Еврейский писатель и драматург, автор художественно-документальных книг, сборников рассказов, романов, сборников репортажей. Основные темы произведений — самоотверженный труд шахтеров, история еврейских переселенцев на Дальнем Востоке СССР, события Второй мировой войны и Катастрофы. В мае 1928 года с первым эшелонном переселенцем из Харькова прибыл на станцию Тихонькая. Став непосредственным участником рождения будущей Еврейской автономной области, молодой автор создал в 1929 году первое литературное произведение на биробиджанскую тему — книгу путевых заметок «Биро-Биджан». В годы Великой Отечественной войны был корреспондентом Совинформбюро. Умер 20 ноября 1947 года.

Виктор Иванович АНТОНОВ. Родился в 1968 году в Биробиджане. Окончил Биробиджанское медицинское училище по специальности «фельдшер». В областной прессе публиковал стихи, рассказы, произведения для детей. Публиковался в сборнике «Славен в стихах и песнях Биробиджан», альманахе «Литературное наследие ЕАО», сборнике песен Р. Васильева «Над тайгой заря занимается», журналах «Дальний Восток», «Родное Приамурье», альманахе «Биробиджан», «Простоквашино» (Москва), в «Антологии поэзии ЕАО». Работает в газете «Биробиджанская звезда» заместителем главного редактора. Живёт в Биробиджане.

Никита Викторович АНТОНОВ. Родился в 1994 году в Биробиджане. Китайским языком начал заниматься ещё учась в школе — факультета

тивные занятия в начальных классах, в старших классах — лингвистические курсы при местном вузе. В 2015 году с красным дипломом окончил Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема по специальности «Востоковедение, африканистика». В настоящее время учится в магистратуре по направлению «Журналистика». В 2008 году стал обладателем третьего места на Всероссийском фестивале литературного творчества детей и юношества «Волшебная строка» (Екатеринбург) в номинации «Фантастика, сказка». В итоговый сборник фестиваля вошёл его фантастический рассказ «Гром над Сиракузами». Неоднократно становился победителем и призёром детско-юношеского литературного конкурса «Золотое пёрышко» (Биробиджан). Очерки и зарисовки о современном Китае публиковались в газетах «Биробиджанская звезда», «Петербургские ведомости».

Александр Евгеньевич БЕЛЫХ (Вялых). Родился в 1964 году во Владивостоке. Переводчик, поэт, прозаик, сценарист. После окончания Дальневосточного университета жил и работал в Японии. Учился в университете Колонизации Восточных Земель Китая в Токио. Как переводчик публиковался в журнале «Иностранная литература», альманахах «Рубеж» и «Риск». Перевёл романы Юкио Мисима «Жажда любви», «Шум прибоя», «Запретные цвета». Переводчик классической японской поэзии: антология «Японская поэзия» и «Дикая азалия», альманах «Риск». Автор поэтической книги «Деревянная лошадка» (1987–2003). Публиковал собственные стихи в журнале «Знамя», альманахах «Серая лошадь», «Тритон», «Рубеж», «Утренний кофе», на интернет-сайтах России, Бельгии, Сербии, в антологии «Нестолличная литература». Автор романа «Сны Флобера» (альманах «Рубеж», Владивосток, 2003). Соавтор сценария «Сны Флобера» (2004). Участник поэтических фестивалей «Культурные герои XXI века» (Москва), «Адрес: ЕАО, Биробиджан» (Биробиджан). Выступал в музее им. Маяковского. Стихи переводились на японский (1987), английский, французский (2003), сербский (2004), испанский языки (1999). Живёт в Санкт-Петербурге.

Иосиф Семёнович БРЕНЕР. Родился в 1949 году в Биробиджане. В 1976 году окончил Хабаровский государственный институт физической культуры, в 1979 — Хабаровскую высшую партийную школу. Автор книг «Лехаим, Биробиджан!» (2007), «Страна Биробиджан» (2013), монографии «Еврейская автономная область: между мифом и реальностью» (изд-во Lambert, 2011), а также монографии «Биробиджанский проект в научных исследованиях» (в соавторстве с украинским ученым А. В. Зарембой; Киев, 2013). Автор многочисленных научно-публицистических статей, изданных на русском и английском языках в России, Израиле, Англии, на Украине. Инициатор создания при мэрии Биробиджана комиссии по изучению и сохранению культурного наследия и издания Книги Памяти жертв политических репрессий в ЕАО (издана в Биробиджане в 2011 году). Старший научный сотрудник Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН (Биробиджан), кандидат культурологии. Директор биробиджанского предприятия «Металлопласт». Живёт в Биробиджане.

Исаак Львович (Лейбович) БРОНФМАН. Родился 15 апреля 1913 года в местечке Хашевато Украинской ССР. С семи лет осиротел и воспитывался в детском доме. Первое стихотворение опубликовал в 1929 году на еврейском языке в газете «Юнге гвардия». В 1931 году окончил индустриальный техникум и переехал в Приамурье. В годы Великой Отечественной войны был помощником командира танковой роты по технической части, в составе 2-го Украинского фронта прошел Румынию, Чехословакию, Венгрию. После войны вернулся в Биробиджан и работал в газете «Биробиджанер штерн». Его стихи вошли в антологию современной еврейской поэзии «Горизонт». Автор книг «Подснежник» и «Доброе слово», вышедших на русском языке. Член Союза писателей СССР. Умер 1 сентября 1978 года.

Виталий Николаевич БУРИК. Родился в 1967 году в Биробиджане. Окончил Дальневосточный государственный университет. Научный сотрудник Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, ихтиолог. Стихи публиковались в журнале «Дальний Восток», альманахе молодёжного поэтического объединения при Приморском отделении СП России «Серая лошадь», в коллективном сборнике «Широкое море» Морского университета, альманахе «Биробиджан», в «Антологии поэзии ЕАО». Автор книги стихов «Цвет декабря» (Биробиджан). Живёт в Биробиджане.

Зиси ВЕЙЦМАН. Родился в 1946 году в Бельцах (Молдавия). Закончил Пушкинское высшее военное строительное-командное училище (Ленинград) по специальности «инженер-строитель». После окончания училища служил на Дальнем Востоке (г. Свободный Амурской области) и в Куйбышеве (Самара). Участвовал в строительстве Байкало-Амурской магистрали. Во время службы на Дальнем Востоке неоднократно бывал в Биробиджане, был знаком с известными биробиджанскими литераторами и журналистами. В 1991 – 2001 годах редактор еврейского вещания на «Радио 7» в Самаре. Публиковал стихи на идиш в «Советиш геймланд», «Биробиджанер штерн», «Форвертс». С 2007 года живет в Израиле (Беэр-Шева). публикуется в русскоязычных изданиях Израиля и в интернет-газете «Мы здесь».

Всеволод Львович ВИХНОВИЧ. Родился в 1937 году в Ленинграде. Окончил ленинградский Горный институт, Ленинградский государственный университет. Места основной работы – Петербургский институт иудаики, Русская христианская гуманитарная академия. Автор книг по истории иудаизма и еврейской цивилизации. Главные из них: «Иудаизм», «Караим Авраам Фиркович. Еврейские рукописи, история, путешествия», «2000 лет истории евреев России», «Царь Ирод Великий. Воплощение невозможного». Автор многочисленных статей в различных научных, учебных и энциклопедических изданиях. Побывал в Биробиджане в 2011 и 2012 годах. Посвятил этому городу и проблеме еврейского поселенчества на Дальнем Востоке главу в книге «2000 лет истории евреев России», а также ряд статей.

Валерий Соломонович ГУРЕВИЧ. Родился в 1948 году в Биробиджане. Учился в школе № 10. Пятнадцатилетним юношей пошел работать учеником токаря на завод Дальсельмаш, на котором работали его родители. После срочной службы в Военно-морском флоте вновь вернулся на завод. Без отрыва от производства окончил Всесоюзный заочный финансово-экономический институт. Продолжил работу на заводе экономистом, начальником бюро. Длительное время работал руководителем планово-экономического управления, заместителем председателя правительства Еврейской автономной области. Кандидат экономических наук. Автор книг «Всё о Еврейской автономной области», «О Еврейской автономной области в шутку и всерьёз», ряда брошюр об экономике и культуре. Один из редакторов и составителей первого энциклопедического словаря Еврейской автономной области (1999). Кавалер ордена Почёта, награжден областными знаками «За заслуги перед областью», «Почет и уважение». Заведующий лабораторией истории еврейской культуры и еврейского миграционного движения Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН. Живёт в Биробиджане.

Александр Леонидович ДРАБКИН. Родился в 1957 году в Биробиджане. Работал токарем в ремонтном цехе Биробиджанской швейной фабрики, корреспондентом газет «Биробиджанер штерн», «Биробиджанская звезда» и в первой на Дальнем Востоке независимой газете «Взгляд». После окончания заочного юридического института служил в должности следователя, прокурора Биробиджанского района. В течение 15 лет руководил подразделением криминалистики в прокуратуре Еврейской автономной области и в Следственном комитете РФ по ЕАО. Работает корреспондентом газеты «Ди Вох» и преподает криминалистику в Приамурском государственном университете им. Шолом-Алейхема. Автор книг стихов и рассказов: «Не вижу препятствий», «По дороге к зиме», «Что помнила моя мама», «Зачем мне это всё...» Член Союза писателей России.

Владимир Николаевич ЖУРАВЛЕВ. Родился в 1966 году в селе Новотроицком Ленинского района ЕАО. Окончил филологический факультет Хабаровского государственного педагогического института (1989). С 1989 года живет в Биробиджане. Работал преподавателем Биробиджанского государственного педагогического института, проходил военную службу по контракту, подполковник запаса. Стихи и историко-документальные очерки публиковались в региональной прессе, журнале «Советиш геймланд» (1984), литературных альманахах «Литературное Приамурье» (1986), «Встреча» (2004), «Биробиджан» (2005), «Околица» (2008), «Антологии сибирской поэзии «Слово о матери» (2011), сборниках материалов научно-практической конференции «Раддеские чтения» (2003, 2005, 2014). Автор книги «В едином строю. Страницы истории» (2007) и Книги памяти жертв политических репрессий на территории ЕАО (2011).

Александр Валерьевич ЗОРИН. Родился 30 ноября 1979 г. в Воркуте. Тибетолог, кандидат филологических наук, научный сотрудник института Восточных рукописей РАН, хранитель тибетского фонда. Область научных интересов: история тибетской поэзии, буддийская служебная литература, тибетская археография, художественный перевод тибетской поэзии на русский язык.

Лидия Николаевна КАПУЦЫНА. Родилась в Приморье. Филолог-русист, доцент Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема. Составитель и редактор хрестоматии «Литература ЕАО» (2005). Литературный редактор ряда поэтических сборников. Один из авторов и редактор «Антологии поэзии ЕАО». Автор и член редакционного совета альманаха «Биробиджан».

Александр Борисович КРАМЕР. Родился в 1953 году в Харькове. В 1977 году окончил харьковский политехнический институт. Участвовал в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. В 1997 году переехал в Германию. Первые поэтические публикации вышли в Харькове. Прозу начал писать в Германии. Публиковался в литературных изданиях разных стран, в том числе в России, на Украине, в Канаде, Болгарии и Германии. В 2009 году несколько рассказов А. Крамера вошли в московскую «Антологию российских писателей Европы», а в 2013 году в израильский сборник рассказов «Десять домиков». Работает инженером на заводе, живет в Любеке.

Елена Алексеевна КУЗНЕЦОВА. Родилась в 1963 году в Биробиджане. Окончила Хабаровский государственный институт культуры. Работает в областной универсальной научной библиотеке им. Шолом-Алейхема, зав. методическим отделом. Участник нескольких городских художественных выставок (компьютерная графика).

Роман Константинович КУТИН. Родился в 1998 году во Владивостоке. Живёт в п. Смидович ЕАО. Учится в 11-м классе школы № 3. Член Молодёжной палаты при Законодательном Собрании ЕАО. Самостоятельно изучает идиш. Опубликовал в районных и областных газетах ряд статей по национальным взаимоотношениям в ЕАО, о писателе В. Клипеле. Его краеведческие работы опубликованы в сборниках «Раддевские чтения», «Семейные истории ЕАО», в сборнике работ конференции «Сохраним в памяти их имена» (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне), в сборнике работ детско-юношеского литературного конкурса «Золотое пёрышко» (Биробиджан).

Римма Ефимовна ЛАВОЧКИНА. Родилась в Биробиджане. Училась в школе № 3. В 1989 году закончила Благовещенское художественно-графическое училище. Проработав несколько лет преподавателем рисования,

в 1992 году уехала в Израиль. Вернулась в Россию в 1999 году. Работала в средствах массовой информации, закончила Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковалась в коллективном сборнике «Солнце в ладонях» (Биробиджан), альманахе «Биробиджан», в «Антологии поэзии ЕАО». Выпустила поэтические сборники «Иная страница» и «Шелуха небес» (Израиль). Мать троих детей. В 2011 году переехала из Биробиджана в Санкт-Петербург.

Михайло ПАНТИЧ. Родился в 1957 году в Белграде. Сербский писатель, критик, эссеист, профессор Белградского университета. Лауреат множества литературных наград, в том числе в России – литературная награда «Югра». Рассказ «Предпраздничный вечер» из сборника «Если это любовь» (издательство «Столпы культуры», Белград, год издания: 2003, 2004, 2005, 2007, 2008, 2010).

Борис (Берл) Семенович САНДЛЕР. Родился в 1950 году в городке Бельцы Молдавской ССР. Еврейский писатель, поэт и журналист, главный редактор нью-йоркской газеты «Форвертс» (1998–2016). В 1975 году окончил Кишиневский институт искусств им. Музическу. Работал скрипачом в Молдавском государственном симфоническом оркестре в Кишиневе. Начал писать прозу на русском языке, но вскоре перешел на идиш. В 1981 году дебютировал новеллами в московском журнале «Советиш Геймланд». На протяжении 1980-х годов регулярно печатался в «Советиш геймланд». Был членом редколлегии журнала, а после выхода первой книги «Ступеньки вверх к чуду», 1986 г. – членом Союза писателей СССР. С 1992 года жил в Израиле, где работал в Еврейском университете в Иерусалиме, был вице-президентом Союза писателей и журналистов, пишущих на идише. Выпустил несколько книг, в том числе «Старый колодец», 1994 г., «Ворота», 1997 г. и документальное расследование по материалам КГБ МССР «Дело № 5390», 1992 г. о процессе арестованных бессарабских литераторов Янкля Якира, Мотла Сакциера, Мойше Альтмана и Герцла Гайсинера-Ривкина. В 1998 году переехал в Нью-Йорк, где работал ответственным секретарем, а затем и главным редактором старейшей еврейской газеты «Форвертс», выходящей на идише с 1897 года. Автор двух романов: «Когда голем закрыл глаза», 1997 г. и «Праведники моей памяти», 2005 г.

Тамара Александровна САФАРОВА (Ильина). Родилась в 1954 году в селе Левинка Саратовской области. Окончила Хабаровское краевое культпросветучилище по специальности «библиотекарь», Литературный институт им. Горького (Москва). Жила в Одессе, в Приморском крае. С 1999 года – в Биробиджане. Печаталась в областных и краевых газетах, журнале «Дальний Восток», сборнике «Дальневосточная юность», альманахе «Биробиджан». Лауреат премии Хабаровского комсомола (1978). Автор книги стихов «Экватор дня» (2007). Работает в одной из библиотек Биробиджана. Член Союза писателей России.

Михаил (Мендель) Матвеевич СПЕКТОР. Родился в 1933 году в Одессе. Во время войны был эвакуирован в Биробиджан. В 1953 году окончил Биробиджанский сельскохозяйственный техникум. Работал на заводе «Дальсельмаш» с 1960 по 1996 год. В 1996 году переехал на постоянное жительство в Израиль. Публиковался в газетах «Биробиджанская звезда», «Комбайностроитель», «Новости недели» (Израиль), «Секрет» (Израиль). Автор книги рассказов и очерков «Избранное» (Петах-Тиква, Израиль, 2012).

Михаил Иосифович ТАБАКМАХЕР. Родился в 1963 году в городе Бикин (Хабаровский край). С 1964 по 1980 год жил в Биробиджане. В 1979 году окончил школу № 11. Выпускник химического факультета Дальневосточного университета (1985). Публиковался в литературных альманахах «Артемида», «Литературный Владивосток», «Три желания». Живет и работает в Артёме (Приморский край).

Бранка ТАКАХАШИ. Родилась в 1970 году в Сербии. Японовед, переводчик, писатель. С 2005 по 2009 год жила во Владивостоке. В настоящее время живёт в Токио.

Игорь Ананьевич ФАЙНФЕЛЬД. Родился в 1940 году в городе Свободном Амурской области. Окончил Благовещенский медицинский институт. Доктор биологических наук. С девяностых годов живет в ЕАО. Работал в Институте комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, в Приамурском государственном университете имени Шолом-Алейхема. Член Союза писателей России, автор девяти книг стихов, лауреат премии «Золотое перо». Живёт в Благовещенске.

Мирон Хоневич ФИШБЕЙН. Родился в 1949 году на станции Ин Смидовичского района (ЕАО). В 1971 году окончил физико-математический факультет Комсомольского педагогического института. До 1990 года работал учителем физики в школах Биробиджана. С 1990 года работает в Приамурском университете им. Шолом-Алейхема (до 2005 года Биробиджанский педагогический институт, до 2011 года Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия). Кандидат педагогических наук, доцент. Заслуженный учитель Российской Федерации. Как прозаик публиковался в журнале «Нева» (Санкт-Петербург). Живёт в Биробиджане.

Валерий Петрович ФОМЕНКО. Родился в Горном Алтае. С шестого класса печатал заметки на темы школьной жизни в алтайских районах. По окончании десятилетки работал в совхозе, был разнорабочим, бригадиром животноводческой бригады. Осенью 1960 года в качестве рядового особого военно-строительного отряда познакомился с Дальним Востоком. Окончил филологический факультет Хабаровского педагогического института. Служил в УВД, был литсотрудником в «Биробиджанской звезде», работал ради-

о журналистом. Ныне пенсионер, продолжающий работать в газете. Стихи и рассказы публиковал с шестидесятых годов. Живёт в Биробиджане.

Вячеслав Геннадьевич ШВЕДОВ. Родился в 1957 году в Волгограде. Окончил волгоградскую среднюю школу № 37. Учился в Волгоградском государственном педагогическом институте, в аспирантуре Московского государственного педагогического института. С 1989 года проживает в Биробиджане. Географ. Автор монографии «Российское землепроходческое движение в Приамурье. XVII век». Публиковался в периодических изданиях «Биробиджанер Штерн» и «Ди Вох». В разные годы являлся редактором научных и художественно-публицистических периодических изданий. Доктор географических наук, профессор Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема.

Владимир Владимирович ШЕВЧЕНКО. Родился в 1957 году в Биробиджане. В 1978 году окончил Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище в городе Благовещенске Амурской области. Прошел путь от командира взвода до заместителя начальника штаба полка. В ноябре 1990 года был уволен из Вооруженных сил СССР по сокращению штатов. В настоящее время работает в Биробиджанской таможне. Его статьи по истории деятельности таможенных учреждений регулярно публиковались в журнале «Таможенная политика России на Дальнем Востоке» (2008 и 2009 годы). В журнале «Дальний Восток» за 2009 год № 2 вышла первая проза — рассказ «Дока шаман», затем «Инженер Касанжи» и «Старый аэропорт». В августе 2012 года Владивостокским филиалом Российской таможенной академии был издан сборник документов и материалов «Таможня на Тихом океане. Выпуск 6. Биробиджанская таможня». Печатается в газетах «Биробиджанер Штерн», «Биробиджанская Звезда».

Леонид Борисович ШКОЛЬНИК. Родился в 1945 году в Кемерово. Еврейский советский поэт, журналист и переводчик. С 1951 года проживал в Биробиджане, трудовую деятельность начинал рабочим на обувной и кондитерской фабриках, заводе силовых трансформаторов. Работал в газете «Биробиджанер штерн» с 1974 по 1989 год, прошёл путь от корреспондента до главного редактора этой газеты. Возглавлял в Биробиджане областное отделение Союза журналистов СССР и первое в истории Еврейской автономной области Общество дружбы и культурных связей с Израилем. С 1991 по декабрь 1999 года жил в Иерусалиме, работал в Тель-Авиве редактором ежедневной газеты «Новости недели» и её литературного приложения «Еврейский камертон». В 1999 году ассоциацией Forward был приглашён на работу в США, где до ноября 2004 года работал главным редактором нью-йоркской газеты «Форвертс» на русском языке. В марте 2005 года создал в США Интернет-газету "Мы здесь", затем вернулся в Иерусалим и в настоящее время является владельцем и главным редактором независимого сетевого издания «Мы здесь» (США — Израиль). Переводил еврейскую поэзию на русский язык: Бузи Миллера, Дору Хайкину, Любовь Вассерман, Зиси Вейц-

мана, Эммануила Казакевича, Ицика Бронфмана, Хаима Бейдера, Мойше Шкляра и других. Публиковался в журналах «Дальний Восток», «Советиш геймланд», в коллективных сборниках. Автор поэтического сборника «От первого лица».

Татьяна Вениаминовна ЯЧМЕНЕВА. Родилась в 1957 году в Новокузнецке. Жила в Нальчике, где закончила среднюю школу и филологический факультет Кабардино-Балкарского государственного университета. 27 лет отработала в средней школе № 19 (Нальчик) учителем русского языка и литературы. В настоящее время проживает в станице Динской Краснодарского края. Публиковала свои поэтические тексты на интернет-портале Стихи.ру.